

ДЖУЛИО ЛЕОНИ

интеллектуальные
мистерии

ДАНТЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЕ СВЕТА

ДАНТЕ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ СВЕТА

Иногда преступления совершаются не ради
власти, денег или любви. Философы и
мудрецы тоже убивают — во имя идеи.
Именно с таким убийцей-интеллектуалом
вступает в поединок гениальный
Данте Алигьери.

Убийство великого императора Фридриха,
объединившего под своей властью земли
от Шотландии до Палестины...

Загадочная гибель целой галеры
путешественников, приехавших во
Флоренцию с Востока...

Заговор гибеллинов против Папы Римского...

Явление нового чуда света — Антиохийской
девы, призывающей жертвовать на
Крестовый поход...

Только Данте, великий поэт
и проницательный приор Флоренции,
может понять взаимосвязь зловещих
событий и остановить преступного
философа, оберегающего божественную
тайну, убивая людей. Лишь гений света
может постичь замысел гения тьмы...

ISBN 5-7654-4793-7

9 785765 447932

ДЖУЛИО ЛЕОНИ

данте

преступление света

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

данте

преступление света

Иногда преступления совершаются
не ради власти, денег или любви.
Философы и мудрецы тоже
убивают — во имя идеи.
Именно с таким убийцей-
интеллектуалом вступает в поединок
гениальный Данте Алигьери.
Убийство великого императора
Фридриха, объединившего под своей
властью земли от Шотландии до
Палестины...

Загадочная гибель целой галеры
путешественников, приехавших во
Флоренцию с Востока...

Заговор гибеллинов против
Папы Римского.

Явление нового чуда света —
Антиохийской девы, призывающей
жертвовать на Крестовый поход...

И только Данте, великий поэт
и пронизательный приор Флоренции,
может понять взаимосвязь зловещих
событий и остановить преступного
философа, оберегающего
божественную тайну, убивая людей.
Лишь гений света может постичь
замысел гения тьмы...

ISBN 5-7654-4793-7

9 785765 447932

издательский дом
НЕВА

Тем временем монах простер руки в сторону толпы, призывая ее к вниманию. Затем он взялся пальцами за что-то вроде маленькой рукоятки, торчавшей из бюста, и потянул ее на себя, полностью открыв реликварий, в котором покоилась верхняя часть тела молодой девушки, разрубленной пополам в районе пояса. Ее совершенно спокойное прекрасное лицо было покрыто чем-то вроде прозрачной ткани. Эта ткань была белее слоновой кости и оберегала безмятежный сон закрытых глаз.

Некоторые стрелы влетели в узкие, как бойницы, окна. Другие втыкались в потолочные балки. На этот раз стрелы были обернуты горящим просмоленным тряпьем и густо дымили. Кто-то закричал от боли, и вниз с башни полетело тело. Одна из стрел нашла цель. Арбалетчики торжествующе завопили. В тех местах, где на крышу здания упали зажженные стрелы, вспыхнули языки пламени.

Еще пять ударов кубком о стол, и на дне его чаши открылась маленькая щель, которую никто не заметил бы, если бы кубок был наполнен вином. Через нее-то в вино и попадал яд, скрытый в ножке. Значит, каждый раз, когда кубок ставили на стол, скрытый в нем механизм делал новый шаг к смерти.

Джулио Леони — известный итальянский журналист и писатель, магистр хиромантии и астрологии. Большой знаток истории. Свой литературный путь он начал с победы, получив за первый роман «Данте Алигьери и преступления Медузы» престижную литературную премию Тедески. Второй роман Леони — «Искушение Данте», с которым уже знаком наш читатель, стал настоящим бестселлером и переведен на 16 языков. Его новый роман «Данте. Преступление света» — очередной успех блистательного писателя.

«Словно сам прошелся по улицам Флоренции начала XIV века с ее ремесленниками и алхимиками, инквизицией и стражей, тайнами и мистикой».

Федерико Сальо, «Иль Фольо»

«Это стиль и мастерство, которое невозможно сравнить ни с чем! После Леони не хочется читать что-то другое...»

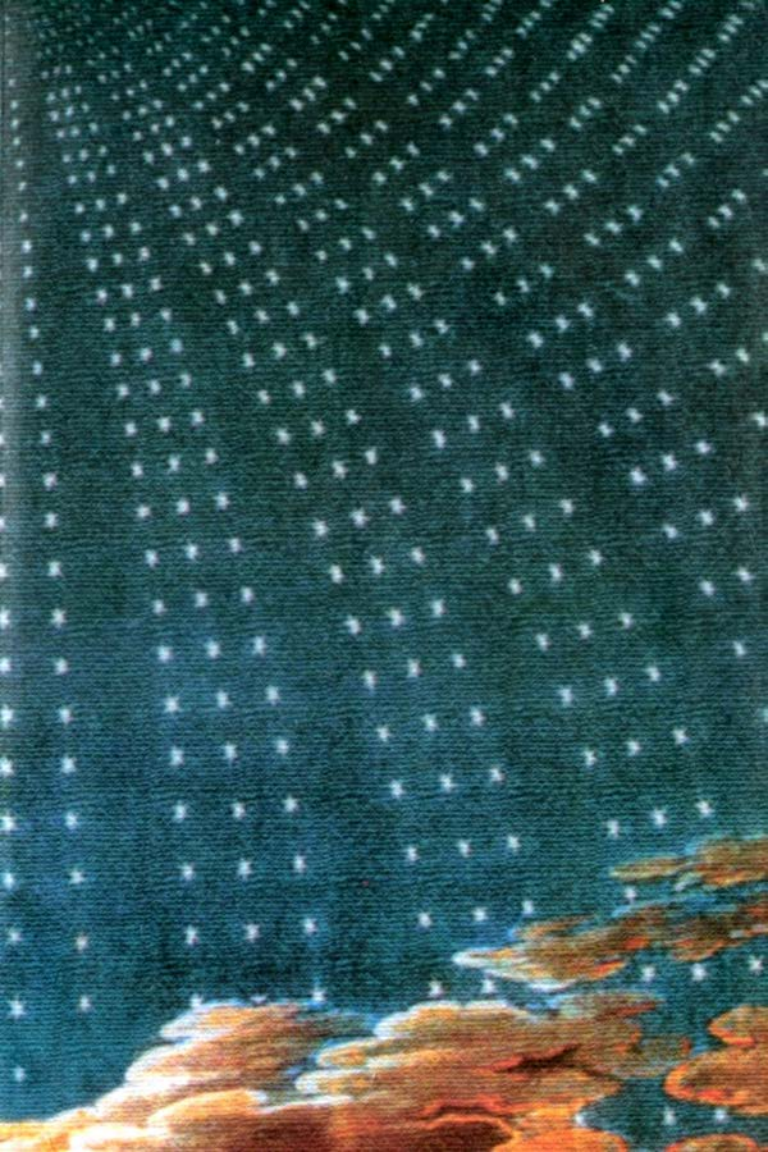
Феликс Прайс, «Нью Йорк Таймс»

«Триллер и Литература слились в единое целое благодаря таланту и мастерству автора».

Уолтер Мауро, «Иль Темпо»

GIALLO INTELLETTUALE

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

ББК 84 (4 Итал)

Лео 47

Леони, Джулио

Лео 47 Данте. Преступление света / Пер.
с итал. Д. Р. Сухих. — СПб.: Издательский
Дом «Нева», 2006. — 448 с., ил.

ISBN 5-7654-4793-7

Copyright © 2005 by Giulio Leoni

Иногда преступления совершаются не ради власти,
денег или любви. Философы и мудрецы тоже убивают —
во имя идеи.

Именно с таким убийцей-интеллектуалом вступает в
поединок гениальный Данте Алигьери.

Убийство великого императора Фридриха, объеди-
нившего под своей властью земли от Шотландии до Па-
лестины...

Загадочная гибель целой галеры путешественников,
приехавших во Флоренцию с Востока...

Заговор гибеллинов против Папы Римского...

Явление нового чуда света — Антиохийской девы,
призывающей жертвовать на крестовый поход...

Только Данте, великий поэт и проницательный при-
ор Флоренции, может понять взаимосвязь зловещих со-
бытий и остановить преступного философа, оберегающе-
го божественную тайну, убивая людей.

Лишь гений света может постичь замысел гения
тьмы...

ББК 84 (4 Итал)

Настоящее издание опубликовано
по соглашению с Литературным Агентством Piergiorgio
Nicolazzini.

*В оформлении книги использованы
рисунки Б. Генелли и портрет «Данте Алигьери»
Аньоло Бронзино.*

© Д. Р. Сухих, перевод с итал., 2006

© Издательский Дом «Нева», 2006

ISBN 5-7654-4793-7

© Four:Zero, дизайн серии, 2006

БЛАГОДАРНОСТЬ АВТОРА

При написании этой книги мне помогли очень многие. В частности, мне хочется поблагодарить моих замечательных друзей Пьерджорджо Николаццини и Леонардо Гори. А также — всю редакцию издательства «Мондадори», которая в конечном итоге и помогла книге обрести окончательную форму, оказывая мне содействие на всех этапах ее создания от терпеливого редактирования рукописи до корректуры печатного издания.

При этом все помогавшие мне делали это так умело, охотно и деликатно, что лучших помощников не представил бы себе ни один самый придирчивый писатель.

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Уважаемый читатель!

Перед вами новый интеллектуальный детектив блистательного Джулио Леони, в котором великий поэт и философ Данте Алигьери снова расследует преступления, совершенные в его родной Флоренции.

Данте избран приором городского магистрата Флоренции. Он облечен властью карать и миловать, несет ответственность за безопасность родного города, и именно ему приходится расследовать непостижимые и ужасные преступления.

Жарким августом 1300 года в предместьях Флоренции обнаружена галера с мертвецами. Весь экипаж боевого судна отравлен. Вихрь смертей – жестокие убийства ученых, путников, монахов – кружит по улицам города. На пути злого гения становится великий Данте. Только его тонкий, изошренный ум способен постичь масштабы преступного деяния, нити которого тянутся к фигуре императора Священной Римской империи Фридриху II.

Фридрих объединил под своим началом мудрость и научные достижения Востока с просвещенной философией Запада. Его империя простиралась от Иерусалима до Шотландии. Но могущественный император, подчинивший себе многие народы, умирает при странных обстоятельствах,

оставив таинственное наследство... Из-за него уже несколько десятков лет льется кровь и гибнут искатели приключений и философы. Согласно легенде, тайна императора будет разгадана во Флоренции. И никто не знает, что же оставил после себя великий император: несметные богатства или некие сакральные знания, обладание которыми позволит постичь замысел Творца вселенной? В это лето у Данте рождается замысел «Божественной комедии».

Вслед за своим любимым героем, страстным философом и гениальным поэтом, Леони опять ведет читателя по флорентийским улицам и площадям, заглядывая в таверну содомитов и на постоянные дворы, во дворцы и аббатства, в публичные дома и церкви. Идя по следам безжалостного убийцы, Данте то спускается в наполненные смрадом разложения подземелья, то прикасается к вершинам божественного познания.

На пути к разгадке поэту предстоит преодолеть множество препятствий: угрозы инквизиции и папского нунция, покушения наемных убийц, колдовские чары Антиохийской девы...

Но в руках Данте ярким светом познания горит лампа гениального изобретателя монаха Илии, освещающая дорогу к престолу Создателя.

Прикоснитесь же к тайне, разгаданной создателем «Божественной комедии», великим Данте Алигьери.

Издатель

ΠΡΟΛΟΓ

ЗАМЫСЕЛ ИМПЕРАТОРА

Si probitas, sensus, virtutum gratia, census,
Nobilitas orti possint resistere morti,
Non foret extintus Federicus qui iacet intus*.

ЛЕТО 1240 ГОДА. ПАЛЕРМО

Закатный свет, пробиваясь
сквозь листву, играл на золоти-
стистых плодах лимона.

Прилетевший с моря ветерок дышал пьянящим ароматом цветов, благоухавших в саду, окруженном мраморной колоннадой.

Император, распростершись на пурпурных подушках, рассеянно чертил веточкой на земле геометрические фигуры. Подняв кедровую шишку, он протянул ее стоявшему рядом человеку.

* «Если бы такие высочайшие добродетели, как честность, ум, мудрость, добрая слава и благородство крови, помогали людям добиться бессмертия, покоящийся здесь ныне Фридрих не умер бы». — Эпитафия на саркофаге императора Фридриха II Гогенштауфена. (Здесь и далее примеч. переводчика.)

— Значит, форма Земли именно такова?

— Земля подобна твердой сфере, — ответил придворный астролог Гвидо Бонатти*.

Немного подумав, император разжал пальцы, и шишка шлепнулась на подушку.

— Что же спасает Землю от падения? — спросил император сидевшего неподалеку веснушчатого мужчину с рыжеватыми волосами.

— Всевышний держит ее в своей руке, — ответил шотландец Михаил Скот — величайший ученый всего христианского мира и гордость императорского двора**. Он был худ, как тростинка, поддерживающая виноградную лозу.

— А как высоки небеса, на которых восседает Всевышний? Вы знаете это, Гвидо?

— Они возвышаются до пределов, где кончается Божественный Свет, Ваше величество, — ответил астролог, взяв в руки кедровую шишку.

— А что за этими пределами?

* Гвидо Бонатти из Форли — итальянский астролог XIII в. (род. ок. 1210 г.). Занимал доминирующее положение в итальянской астрологии. Один из наиболее успешных астрологов-практиков раннего Средневековья. Книга Бонатти «*Liber Astronomicus*» («Книга об астрономии») была основным астрологическим текстом до XVI в.

** Михаил Скот — ученый, астролог, алхимик и переводчик XIII в., шотландец по происхождению, жил в Толедо. Автор трактата «Введение в философию», посвященного разделению философского знания, переводчик арабских научных сочинений.

— Мрак... — подняв палец к небу, ответил шотландец Михаил. — Как сказано в Писании: «Там мрак, оставшийся после сотворения света...»

Фридрих II* загадочно усмехнулся и повернулся к молчаливо слушавшему беседе человеку в грубой сутане монахов-миноритов**.

— Скажите же мне, брат Илия, насколько это высоко. Я желаю знать, далеко ли от нас престол Господа Бога?..

* Фридрих II Гогенштауфен (1194–1250), германский король и император Священной Римской империи.

** Официальное название ордена францисканцев с 1223 г. — «орден братьев меньших» (лат. *ordo fratrum minorum*), сокращенно «минориты». В романе упоминается монах-францисканец Илия Кортонский — ученик и преемник св. Франциска Ассизского на посту главы основанного им монашеского ордена миноритов. Кроме того, Илия Кортонский был известен своими учеными занятиями.

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

УТРО 5 АВГУСТА 1300 г. В БОЛОТАХ
К ЗАПАДУ ОТ ФЛОРЕНЦИИ

ни спешили у какой-то лачуги на дороге, ведущей в Пизу. Солнце стояло уже высоко...

Оттуда они направились к руслу реки. От строения ее не было видно, но река текла именно там, где лигах в двух от дороги виднелись заросли тростника и зеленели болотные травы.

Шагая в затылок друг другу, они уже два с лишним часа обливались потом в тяжелых доспехах, утопая в болотной грязи и огибая непроходимые лужи. Впереди, обойдя остальных шагов на двадцать, спешил Данте Алигьери в одеждах флорентийского приора.

— Подождите!.. Прошу вас, не бегите! К чему такая спешка? — прохрипел начальник городской стражи — приземистый коротышка, особенно нелепый в своих доспехах.

Пытаясь догнать Данте, капитан стражи поскользнулся и чуть не плюхнулся в грязь.

На берегу небольшого ручейка Данте остановился и утер рукавом пот со лба. Потом он решительным жестом подобрал полы своих одежд и перешел ручей по колено в воде. Остальные последовали его примеру. За ручьем поднимался поросший кустарником пригорок, из-за которого впереди почти ничего не было видно.

— Вон колокольня церкви Санта Кроче... Значит, мы уже близко, — начальник стражи указал на возвышавшийся над кустами далекий силуэт башни.

Данте уже почти поднялся на пригорок и теперь остановился лишь для того, чтобы вылить из обуви грязную воду.

Скривившись, поэт сорвал с икры пиявку и отшвырнул ее в кусты. Из ранки на ноге начала сочиться кровь. Плеснув на ногу воды из лужи, Данте раздраженно повернулся к неуклюже карабкавшемуся к нему капитану:

— Ну и где же она?

Сквозь кусты уже виднелся берег реки Арно. Чуть дальше излучина реки исчезала за очередным пригорком.

— Где-то здесь... Наверное, за теми кустами!

Скользя в грязи, Данте начал карабкаться в указанном направлении. На самой вершине пригорка ему пришлось ползти на четвереньках, цепляясь за колючий кустарник. На вершине он наконец выпрямился в полный рост.

Примерно в трехстах шагах от него на самом берегу реки за стеной растительности виднелся черный силуэт.

— Вот она! — изумленно прошептал капитан.

Данте тоже с трудом верил своим глазам. На берегу реки, слегка накренившись на один борт и ошестинившись рядами весел, стояла боевая галера.

— Это козни дьявола! — просипел капитан и задрожал как осиновый лист.

Данте не удержался и усмехнулся. Он знал, какой дурной славой пользуются эти места, и даже с некоторым нетерпением предвкушал возможную встречу с повелителем преисподней.

— На галере никого не видать, — сказал один из подоспевших стражников. — Наверное, команда ее бросила.

— Действительно, — пробормотал поэт, разглядывая пустой полубак корабля. Никого не было ни на палубе, ни у руля. А ведь корабль был целым и невредимым. Казалось, он только что прибыл с моря. Его большой треугольный парус был спущен и аккуратно привязан к гикю.

Данте стало не по себе. Он и представить себе не мог, что такие большие корабли способны подниматься по Арно почти до самой Флоренции. Этой галеры здесь просто не может быть!

Ничто не говорило о том, откуда прибыл корабль. Лишь с флагштока бессильно свисало какое-то черное полотнище.

— Пошли. Надо осмотреть галеру и понять, что тут произошло! — воскликнул поэт и побежал вниз с пригорка, перепрыгивая через лужи. Остальные неохотно последовали за ним.

Вывав у одного из стражников меч, Данте брел по колено в воде, расчищая ударами клинка путь среди тростников. Он взмок от пота, но загадочная находка настолько поразила его, что он позабыл об усталости.

Поэт не видел, куда идет, но, пробравшись сквозь очередную заросль, вздрогнул и замер на месте. У него за спиной слышались испуганные возгласы стражников.

Над головой Данте навис огромный бородач локтей семь ростом. На его гигантской увенчанной короной голове было два лица, озиравших злобным взглядом двух пар глаз весь горизонт от края до края. Бородач восседал на мощном деревянном форштевне, окованном снизу зарывшимся в прибрежный песок бронзовым листом:

В ушах у Данте звенело от жужжания насекомых. Видно, мухи, докучавшие ему и стражникам на всем пути через болото, водились здесь в особо больших количествах. Они вились омерзительным облаком над двуликой головой носовой фигуры.

— Прочь, прислужницы Вельзевула — повелителя мух! — пробормотал, отмахиваясь от мух, Данте.

Подул ветерок, и повеяло тошнотворным смрадом разложения.

— Надо подняться на борт, — чуть поколебавшись, сказал приор.

Из якорного клюза на носу галеры свисала веревочная лестница. Замотав нос и рот прикрепленным к его шапке покрывалом, Данте взобрался на ушедший в песок носовой таран, схватился за лестницу и стал карабкаться вверх. На полпути он обернулся и жестом приказал капитану, все еще тупо таращившемуся на носовую фигуру, следовать за собой. Убедившись, что и начальник стражи схватился за веревочную лестницу, Данте сделал последнее усилие и забрался на борт галеры.

Через некоторое время капитан, с трудом переводя дух, тоже вылез на палубу. Он подошел к Данте, огляделся по сторонам и зажал себе рот рукой.

— Да они же!..

— Вот именно. Как вам и доложили, они все мертвы.

Несколько десятков гребцов неподвижно сидели на скамьях, наклонившись над веслами в такой позе, словно в любую минуту были готовы вновь на них налечь. На корме у руля тоже лежали мертвецы. Все трупы уже раздулись, словно пролежали на палящем солнце не один день. Из них сочилась густая маслянистая слизь.

Данте растерянно осмотрелся по сторонам. Очередной порыв теплого ветра

принес с собой ужасающее зловоние от множества разлагающихся мертвецов.

— У них эпидемия чумы! — прохрипел капитан, тщетно пытаясь отогнать смрад взмахами руки.

Покачив головой, Данте подумал о том, что больной экипаж не довел бы галеру по мелководному Арно почти до самой Флоренции. Нет, смерть пришла внезапно и мгновенно умертвила команду...

Черное полотнище на флагштоке зашевелилось и зашуршало. Подняв голову, Данте увидел череп и две скрещенные кости.

В центре палубы виднелся люк трюма. Может, груз галеры прольет свет на загадочную гибель ее экипажа?..

Подняв с палубы кусок доски, Данте обернул вокруг нее валявшийся там же кусок просмоленного полотна. Несколько ударов огнива, и самодельный факел запылал. С огнем в руке Данте наклонился в люк, но не увидел в трюме ни инструментов, ни запасных рей или парусов, ни продовольствия, ни оружия, ни воды или вина. В трюме не было ни помещений для экипажа, ни камбуза. Даже камни, обычно служившие галере балластом, куда-то пропали, и ее корпус превратился в пустую деревянную оболочку.

Судя по всему, капитан галеры полностью опустошил трюм, чтобы уменьшить осадку корабля перед плаванием по мелководной реке.

Подняв голову, Данте посмотрел на кормовую надстройку. Дверь капитанской каюты была приоткрыта. Казалось, кто-то в ее недрах приглашает поэта войти...

В каюте царил мрак. В центре, под свисавшей с потолка железной люстрой, вокруг небольшого стола сидели трое. Они так мирно восседали на резных стульях, словно задремали над своими наполовину полными кубками с вином во время дружеской беседы. Сочившийся сквозь щель в ставнях свет освещал какое-то разбитое на куски металлическое приспособление, стоявшее на полу у самого стола.

Заинтересовавшись, Данте наклонился, поднес к этому приспособлению факел и увидел непонятное устройство, оцетинившееся деревянными рычажками и медными шестеренками. Свет факела дробился тысячью огней на их полированных поверхностях. Устройство было фута два в высоту, ширину и длину. Впрочем, представить себе в точности его первоначальную форму было довольно трудно, потому что кто-то разбил его на куски сильным ударом. Неподалеку все еще валялся топор, которым был нанесен этот удар.

Подняв одну из шестеренок, Данте попробовал пальцем ее острые зубья. На колесике были какие-то малюсенькие буквочки, но поэту их было не разобрать.

В этот момент галера покачнулась и закрипела, словно попав в водоворот.

Начальник стражи, не обращая внимания на разбитый механизм, приблизился к сидевшим за столом трупам и удивленно воскликнул:

— Смотрите! Сарацин!

Данте в свою очередь посмотрел на покойников. Одежду двоих украшали знаки отличия офицеров военного флота. Наверняка это были капитан галеры и его помощник. Третий же был облачен в роскошные и очень странные одежды, трепетавшие вокруг его тела, как перья сложенных крыльев. Его голову венчал огромный тюрбан, на грудь спускалась длинная восточная борода. Глубокие морщины на лице говорили о том, что он был уже очень стар...

— Умерли... Они все умерли... — тупо повторял начальник стражи.

— Замолчите! — раздраженно прошипел Данте. — Вы мешаете мне слушать.

— А что вы слушаете?

— То, что говорят мертвецы!.. Например, этот человек говорит мне, что он не входил в команду галеры. Он вообще не был моряком. Обратите внимание на его руки и одежду. Он явно был пассажиром. Когда галера выскочила на берег, они все уже были мертвы. Все, кроме одного! — С этими словами Данте указал на пустовавший четвертый стул и четвертый кубок с вином на столе. — Их было четверо. Но один из них не стал пить.

— Посмотрите-ка сюда, — добавил поэт, ткнув пальцем в глубь каюты. —

Четыре койки. И на всех спали. Очевидно, что человек, не пивший вина, жив.

Набравшись мужества, Данте повернул к свету голову старца и разжал ему челюсти. На кривых зубах мертвеца застыла розоватая пена, а посиневшие губы в последние мгновения жизни были прикушены до крови.

Отпустив голову покойника, Данте понюхал остатки жидкости у него в кубке.

— От чего они умерли?

Данте поднес факел к лицу мертвеца.

— Видите распухшие губы и язык? Как будто он задохнулся... — сказал поэт и убрал факел подальше от бороды покойника, которая чуть не загорелась. — Это яд. Необычный. Он парализовал им дыхательные органы.

Опустив факел, Данте заметил у мертвого старика на шее что-то вроде позолоченного медальона на кожаном шнурке. Медальон был покрыт малюсенькими знаками и арабскими буквами.

Сняв с шеи покойника медальон, Данте увидел, что это астролябия очень тонкой работы. Алидада — ее подвижная стрелка — была погнута словно от удара. Однако координатная сетка — клубок тончайших металлических нитей, больше похожий на произведение ювелирного искусства, — не пострадала вместе со всеми своими стрелочками и солнышками, означавшими неподвижные звезды.

Данте прикинул, что на этой астролябии не менее сотни звезд, хотя на всех

инструментах такого рода, которые ему приходилось видеть раньше, количество звезд не превышало тридцати. Случись ангелу прокладывать себе путь в глубинах звездного неба, ему не найти лучшего инструмента... Ангелу? Или демону?..

Быстро осмотрев двух других мертвецов, Данте нашел на их телах зловещие следы такой же смерти.

— Четвертый человек умертвил своих спутников, отравив все вино на борту галеры. По морской традиции, добравшись до цели, все на борту стали пить вино. Поэтому сразу умерли все, — пробормотал Данте. — Давайте-ка получше осмотрим корабль!

Оглядевшись по сторонам, он заметил в глубине каюты прикрепленный к переборке окованный железом шкафчик. Взломав кинжалом его дверцу, Данте обнаружил внутри тетрадь в кожаном переплете. Скорее всего, это был судовой журнал. После беглого осмотра Данте сунул его к себе в сумку.

Смрад разлагавшихся трупов становился невыносимым. Данте зашелся кашлем, и его чуть не вырвало. Наспех обшарив карманы покойников, он выскочил из каюты.

Очутившись на палубе, Данте остановился перевести дух и задумался над страшной смертью гребцов. Теперь он понимал, почему они так скорчились. Те из них, кто не успел выпить яда, умерли

от жажды в цепях под палящим солнцем. Оравитель и не подумал их освободить. Они наверняка до последнего момента бились в цепях, и их душераздирающие вопли не один день оглашали пустынное болото. Однако гортанные звуки арабского языка распугали и без того немногочисленных обитателей этих мест, выросших в страхе перед болотной нечистью.

Данте казалось, что он и сейчас слышит стенания несчастных.

— Велите вашим людям тщательно собрать все части механизма в каюте, — приказал он капитану стражи. — Пусть все сложат в парус и с величайшей осторожностью доставят во Флоренцию!

— А что делать с этими?

Поэт в нерешительности осмотрелся по сторонам. Покойникам теперь ничем не поможешь... Но не оставлять же их гнить в цепях!

— Подожгите галеру. Она будет им погребальным костром. Пусть наш бог вместе с их богом примут их души в языках пламени... И пока никому ничего не рассказывайте о том, что мы здесь видели!

— Но ведь трюм галеры пуст. На ней нет ничего ценного! О чем же молчать? — с подозрением спросил начальник стражи. — Кроме мертвецов...

— Вот именно! Кроме мертвецов! — резко перебил Данте и начал спускаться по веревочной лестнице.

Стражники бросились выполнять его приказ, желая как можно скорее покинуть это проклятое место.

— Возвращаемся к лошадям, — приказал поэт, когда пламя начало лизать борта галеры.

С вершины пригорка он бросил прощальный взгляд на уже почти полностью окутанный огнем корабль. Языки пламени походили на воздетые к небу руки людей, взывающих о справедливости... или о мести!

Они добрались до Флоренции после бессонной ночи, проведенной в седле. Люди и кони выбились из сил. Над их головами опускались ночные созвездия. Верхушки городских стен сияли в первых лучах солнца так, словно были медными, а не каменными и кирпичными.

Ночью временами моросил дождь. Когда небо прояснялось, Данте смотрел на звезды, прикидывая, сколько прошло времени. Один раз он увидел созвездие Близнецов, под чьим знаком родился. Две блестящие звезды Кастор и Поллукс казались ему путеводными, они помогали ему побороть мучившее его недомогание. Стражники все время недовольно ворчали, и капитан несколько раз предлагал сделать привал, но Данте торопился и не разрешил отдыхать.

Мертвецы сгорели вместе с галерой, но их души взывали к поэту об отмщении. Данте желал найти человека, учинившего эту бойню и преспокойно скрывшегося с места преступления.

Перед приором поперек седла лежал мешок с разбитым механизмом. Когда

железо позвякивало, конь фыркал и начинал рыскать из стороны в сторону, словно чувствуя, что везет какую-то адскую машину.

— Именем магистрата откройте ворота! — из последних сил крикнул Данте стражнику на башне, наклонившемуся между зубцами с факелом в руке, чтобы получше рассмотреть путников. В неверном свете огня люди и кони у подножия стены наверняка казались ему просто темной бесформенной массой.

— Выполняйте приказ! — снова крикнул поэт.

— Пошел ты в задницу! — заорал ему в ответ стражник, поднеся ко рту сложенные рупором ладони. — Сегодня не рыночный день, и до трех часов в город никого не пускают. Ждите здесь. И отойдите подальше от стен, а то мы выйдем и пересчитаем вам ребра!

— Ах ты подлец! — гневно воскликнул Данте и соскочил с коня. Его крик и внезапное движение напугали животное, которое прынуло в сторону, и поэт промахнулся мимо стремени. Он соскочил прямо в грязь, подняв тучу брызг и с трудом удержавшись на ногах. У него за спиной слышались злорадные смешки стражников, которым явно не понравился эпитет, выбранный поэтом для их товарища на городской стене. Даже капитан не сумел сдержаться и сдавленно захихикал.

Тем временем на стенах появились остальные стражники, привлеченные перебранкой. Они зевали во весь рот и греме-

ли доспехами. Их заспанные красные рожи высовывались между зубцами стены. Стражники выкрикивали ругательства и делали непристойные жесты.

Решив положить конец этому представлению, начальник стражи выехал вперед и рывкнул:

— Открывай ворота, каналья! Это я — ваш капитан!

Ругательства тут же стихли, и через несколько мгновений зазвенела цепь. Ведя лошадь под уздцы, Данте медленно вошел под низкий свод ворот. Он вглядывался в лица стражников, пытаясь запомнить каждого из них, и цедил сквозь зубы проклятия.

Именно в этот момент где-то у него за спиной послышалось далекое пение. Казалось, кто-то распевает псалмы, слова которых не разобрать. Данте даже подумал, что песнопение ему почудилось, но, обернувшись, он увидел, как из-за поворота дороги показалась довольно странная процессия медленно шагавших людей. Звуки пения доносились с их стороны.

Данте показалось, что перед ним — жертвы кораблекрушения. Впереди шествовал высокий мужчина в грубой темной сутане с надвинутым на бородатое лицо капюшоном. Он опирался на длинный посох, увенчанный крестом, заключенным в круг. За ним двигалась группа мужчин и женщин, одетых таким образом, словно предводитель оторвал их от самых будничных занятий. На них были

одежды крестьян, торговцев, благородных людей, рыбаков, воинов, проституток, врачей и менял... Казалось, в этой печальной процессии собрались представители всех сословий и занятий, существующих в мире.

Среди толпы виднелись мулы, нагруженные самыми невероятными пожитками в сундуках и узлах. На спине одного из мулов красовался особенно большой сундук. Несмотря на сильную руку ведущего его под уздцы мужчины крепкого телосложения, животное все время недовольно дергало головой. Сундук был покрыт белым покрывалом с красным крестом.

Вскоре песнопение возобновилось, и процессия, возглавляемая монахом, медленно прошествовала в ворота. Стражники, в чьи обязанности входил сбор пошлины за посещение Флоренции, не сказали ни слова.

— Кто это? — спросил поэт.

— Наверное, пилигримы, направляющиеся в Рим, — ответил капитан.

— Думают, что папа Бонифаций отпустит им все их грехи?*

* Бонифаций VIII, в миру — Бенедетто Казтани (ок. 1235 г. — 1303 г.), римский папа с 1294 г. Активно боролся за папскую теократию, Стремился расширить круг государств, зависимых от папства (вмешивался в вопросы о замещении императорского престола, о замещении королевских престолов в Венгрии и Польше, претендовал на обладание Сицилией). Притязания Б. VIII на верховное господство над светскими государями натолкнулись на сопротивление складывавшихся в Европе централизованных государств. Установил юбилейные годы (святые годы) в 1300 г., первоначально как столетние юбилеи церкви. Паломникам, посетившим Рим в ю. г., даровалось полное отпущение грехов.

— Они сбиваются в толпы, надеясь, что на перевалах их не ограбят разбойники... Хотя чем можно поживиться у этих оборванцев... — пробормотал начальник стражи, провожая презрительным взглядом вошедшую в ворота толпу.

— К тому же, — усмехаясь, добавил он, — хозяева наших постоянных дворов почище любых грабителей!

Данте в последний раз взглянул вслед пилигримам и сел в седло.

— Куда везти эти железяки? — спросил поэта капитан таким тоном, словно ему ужасно хотелось избавиться от мешка с загадочным содержимым.

— Проводите меня до Дворца Приоров при монастыре Сан Пьеро, а мешок отвезите мастеру Альберто из Ломбардии. Его мастерская у церкви Санта Мария. Пусть он как следует спрячет этот мешок. Завтра я к нему зайду.

Во дворе монастыря Сан Пьеро уже светило солнце, взошедшее над его крышей. Поэт прошел туда, где все еще царилась тень и начиналась лестница, ведущая к кельям. Стоило ему подняться на пару ступенек, как на него налетел человек, сломя голову несшийся вниз. Это была почти обнаженная девушка. Поэт замер с разинутым ртом, узнав ее худенькое личико, на котором сладострастным огнем сверкали зеленые глаза.

— Пьетра!.. — задохнувшись, пробормотал он.

Девушка как ни в чем не бывало рас- смеялась ему в лицо и побежала к выходу. На Данте пахнуло вином. Несколько мгновений поэт раздумывал, не бросить- ся ли ей вдогонку, но услышал звук тяже- лых шагов и остался на месте. На верхних ступенях лестницы появился запыхав- шийся полураздетый мужчина. Увидев Данте, он замер на месте и заговорщиче- ски подмигнул поэту, прошептовавшему к своей келье, не удостоив его даже взгля- дом.

— Чего это вы надулись, как индюк, мессир Алигьери?! Хватит задирать нос! — крикнул полуголый мужчина вслед Дан- те. — Ведь мы уже два месяца безвылаз- но сидим в этом монастыре, как в тюрь- ме!.. Хотя вы как-то умудряетесь шастать по своим делам даже по ночам!

Данте замер на месте, повернулся и сделал несколько шагов в сторону гово- рящего. В висках у поэта застучала кровь, а в глазах потемнело от усталости и недо- могания. Со спокойствием стороннего наблюдателя констатировав, что и сам он порой — не образчик добродетели, Данте все же протянул руки к горлу полуголого мужчины, который быстро ретировался вниз по лестнице в сторону караульного помещения.

— Вы что, ревнуете ко мне свою ма- ленькую шлюху?! Да никуда она от вас не денется! — ухмыльнулся мужчина, стара- ясь держаться на почтительном рассто- янии от поэта, — Ищите ее в публичном доме, где я ее и нашел!

Сжав кулаки, Данте повернулся в сторону своей кельи:

— Послушайте, Лаппо! Мы по чистой случайности оказались сейчас в одной должности. Я стараюсь оправдать оказанную мне честь, призвав на подмогу весь мой ум и все мои добродетели, а вы — ведете себя как купающаяся в пороках посредственность. Впрочем, чего еще от вас ожидать!

Данте произнес эту краткую речь ледяным тоном и довольно громко. Остальные приоры так и не высунулись из своих келий, но поэт надеялся на то, что они уже проснулись и слышали его слова.

Распахнув дверь к себе в келью, Данте оглядел ее нехитрую обстановку. Кажется, все на месте!

Поэт просмотрел свои бумаги, сложенные на письменном столе перед маленьким окошком, и погладил рукой бесценный экземпляр «Энеиды», уже порядком растрепанный от непрерывного чтения. Все действительно было на месте, но бумаги лежали не в том порядке, в каком их оставил Данте. В его отсутствие кто-то явно в них копался, вынюхивая секреты, которые можно было бы потом использовать против него.

При мысли об этом поэт насмешливо усмехнулся. Жалкие невежды! Все его тайны начертаны в книге его памяти, куда не проникнуть никому!..

Даже загадочное послание, спрятанное между страницами шестой песни «Энеиды», было на месте...

Тем временем самочувствие поэта ухудшилось. Силы стали покидать его. Рухнув на постель, Данте погрузился в долгожданный сон.

ГЛАВА II

7 АВГУСТА. ОКОЛО ПОЛУДНЯ

азбудил Данте упавший ему на лицо яркий солнечный луч. Солнце было уже высоко в небе, но смертельно уставшего Данте не поднял даже утренний колокольный звон. Весь предыдущий день его мучила лихорадка, перемежаемая странными снами. Вот и сейчас, когда поэт приподнялся на постели, келья начала качаться вокруг него, как корабль, навязчиво преследовавший его в сновидениях, — черная галера с безобразными мертвецами на борту, являвшаяся Данте, лишь только поэт погружался в беспокойный сон.

Зажмурившись, Данте ждал, пока пройдет головокружение. Потом он, шатаясь, добрался до шкафчика и извлек из него список «Энеиды». Между его страницами лежал лист бумаги.

Этот лист нашли стражники в неизвестно кому принадлежавшем тюке шелка. Данте в сотый раз перечел написанное на листе.

«Доверьтесь нам, о приверженцы любви, и примите с распростертыми объятиями того, кто придет исполнить замысел, с какой бы стороны света он ни явился. Сначала будет построен новый Храм. Потом — его великолепные врата. Последним прибудет корабль и привезет чудесное мерило, в котором — ключ к сокровищам Фридриха, открывающим двери Царства Света».

Лист пергамента был скреплен сургучной печатью. На нем не значился получатель, который наверняка заранее знал о прибытии послания на склад и обязательно забрал бы этот пергамент, не найди его случайно стража.

Подняв с сундука сумку, Данте извлек из нее тетрадь, найденную на борту галеры, и начал осторожно листать пропитанные морской влагой страницы. Судя по огромному количеству однообразных навигационных записей, в руках у поэта был судовой журнал. В некоторых местах чернила расплылись, и написанное было не прочесть. Данте разобрал несколько названий средиземноморских портов и списки кое-каких товаров. На одной из последних страниц значились чьи-то имена. Скорее всего, это были члены экипажа. Кроме этого, последние страницы содержали краткое описание ремонта галеры на Мальте.

Речь шла о христианском судне, но с очень странным экипажем на борту. Судя по именам, многие члены экипажа были

французами из Лангедока*. Кроме того, на галере были пассажиры, значившиеся как «заморские гости».

Почему же на христианском корабле некоторые неверные были не прикованы к веслам, а отдыхали, как почетные гости, в капитанской каюте? А что это за злое- щий флаг, под которым плавала эта гале- ра?! Неужели таким людям доверили хра- нить легендарные сокровища императора Фридриха?! А что это еще за «Царство Света»?!

Впрочем, хотя бы некоторые слова на пергаменте были понятны Данте. При- верженцами любви называли членов тай- ного общества, созданного для борьбы с деспотизмом римского папы, в которое в молодости входил сам поэт и его товари- щи...

Отдалившись от них ради участия в политической борьбе в родном городе, поэт больше ничего о них не слышал. И вот они напомнили ему о себе этим пергаментом и... кораблем с командой мертвецов!

Смерть! Данте уже давно шел с ней рука об руку. Он слышал ее тихие шаги на залитых солнцем улицах Флоренции, ощущал ее дыхание в те моменты, когда у него на голове — как на загривке още- тинившейся собаки — внезапно сами по себе начинали шевелиться волосы...

* Лангедок — историческая область на юге Франции. Главный город — Тулуза. Название «Лангедок» появилось в XIII в. (от названия языка обитателей этой территории — *la langue d'oc*). В XIII веке на территории Лангедока получила широкое распространение т.н. ересь катаров (манихеев).

Смертью дышала каждая строка будущего произведения Данте — огромной поэмы о небесах и о земле — диалога странника с душами величайших из древних мудрецов, повествующего обо всех тайнах потустороннего мира.

Поэт покосился на пачку листов, лежавших на столе. Это были собранные им повсюду бумаги и пергаменты, с которых он старательно соскреб ранее написанное.

Взяв в руки несколько листов, Данте стал разглядывать набросанное им на одной из первых страниц своего произведения изображение Земли, идеально разделенной на воду и сушу. В недрах земли зияла огромная пещера для погибших душ, кругами витавших вокруг ужасного колодца, из глубин которого доносились леденящие сердце завывания Люцифера... Вот из воды восстает огромная скала, поднявшись на которую, можно очиститься от грехов. А потом?.. Потом — ничего. Фантазия поэта пока была бессильна описать блаженство и небеса в том виде, в каком они могли бы предстать перед человеческим оком.

Изобразить зло ему оказалось гораздо проще.

Вот уже некоторое время Данте слышал из окна необычный шум. Словно где-то у моста Понте Веккьо собралось множество народа. Можно было подумать, что все жители районов на южном берегу Арно решили переселиться на се-

вер Флоренции. Погрузившись в чтение собственного произведения, поэт не сразу обратил внимание на этот шум. Однако теперь пропустить его мимо ушей было уже невозможно. Данте инстинктивно покосился на дверь. Что, если это бунт? Или и того хуже — восстание постоянно недовольных чесальщиков шерсти?..

Поспешно покинув монастырь, Данте выскочил на запруженную народом улицу.

В толпе, преимущественно состоявшей из скромно одетых людей, то там, то здесь выделялись богатыми одеждами члены крупнейших гильдий, а также виднелись доспехи стражников. Внезапно Данте узнал в толпе знакомое лицо.

— Мессир Дуччо! Что вы здесь делаете? Что вообще происходит?

Под напором толпы на Данте налетел секретарь городского управления — совершенно лысый мужчина средних лет.

— Все бегут в аббатство Святой Марии Магдалины, приор! — выпалил Дуччо. — Прибыла великая реликвия с Востока!

Данте отпрыгнул от несшейся по улице человеческой лавины.

— И вся эта толпа бежит смотреть реликвию? — недоверчиво спросил поэт.

Секретарь пожал плечами и грубо отпихнул какого-то налетевшего на него крестьянина, но тот не обратил ни малейшего внимания на толчок и помчался дальше вместе со всеми.

— Из Франции прибыл монах Брандан, возвестивший о многих чудесах!

— Из Франции к нам еще не прибывало ничего хорошего. Подражание французам губит наши добрые нравы. Из их страны к нам приходят все самые страшные болезни. Особенно с тех пор, как там воцарился этот еретик Филипп!* Неужели вся Флоренция сошла с ума?!

— Я вас понимаю. Но когда и вы увидите это своими глазами, вы будете поражены!

— Что я увижу?!

— Чудесную деву! Пойдемте!

Данте ошеломленно уставился на Дуччо, но того уже понесла вперед толпа, и он лишь успел махнуть Данте рукой:

— Ступайте и посмотрите!

Поэт еще слышал голос секретаря, но самого Дуччо уже не было видно за головами толпы.

* Филипп IV Красивый (1268—1314) — король Франции из рода Капетингов, правивший в 1285—1314 гг. Сын Филиппа III и Изабеллы Арагонской.

Аббатство Святой Марии Магдалины возвышалось за древним Форумом, сразу за церковью Санта Мария ин Кампидолио. Аббатство представляло собой мощное здание, возведенное на фундаменте отдельно стоявшего римского дома, имевшего прямоугольную форму. На улицу выходила монастырская церковь с фасадом из простых обожженных кирпичей. За ее апсидой поднималось второе здание, где раньше проживало небольшое братство монахов-бенедиктинцев. Слева — глухая стена скрывала от посторонних взглядов монастырский двор между церковью и близлежащими постройками.

— Мессир Дуччо! — окликнул секретаря Данте, пробираясь к дверям церкви. — А я-то думал, что это аббатство совсем заброшено!

— Так оно и есть! Монахов здесь не осталось. Последний аббат умер лет десять назад во времена Джано делла Белла*.

* Джано делла Белла — флорентийский приор, аристократ, симпатизировавший представителям средних классов и провозгласивший «Законы правосудия» в 1292—

— Так чье же это теперь здание?

Дуччо пожал плечами:

— Не знаю. Вообще-то оно должно было перейти монастырю Сан Пьеро, но на самом деле оно соседствует с домами рода Кавальканти, который, кажется, присовокупил его к своим владениям на двух близлежащих улицах.

Данте поднял глаза на соседние здания. Он прекрасно их знал. Вот башня высотой в пятьдесят локтей, а вот и сгрудившиеся вокруг нее остальные дома, соединенные над землей переходами и галереями. Закрывать ставнями окна, забаррикадировать двери — и дома рода Кавальканти превратятся в крепость в самом центре Флоренции.

— Возможно, мессир Кавальканти решил перед смертью позаботиться о том, чтобы у его родни была собственная часовня, но теперь этим храмом все равно никто не пользуется. Ведь сын старого Кавальканти — Гвидо Неукротимый изгнан из Флоренции за то, что постоянно раздувал у нас распри, — продолжал мессир Дуччо.

Данте молча кивнул. Он сам подписал указ об изгнании, и от воспоминания об этом у него по-прежнему щемило сердце.

Внутри церкви множество мужчин и женщин жались к колоннам и голым ка-

1293 годах. По этому проекту новая городская конституция запрещала непосредственное участие представителей аристократических семей в управлении городом.

менным стенам под напором постоянно прибывавшей толпы. Между двумя дальними колоннами была натянута железная цепь, отделявшая толпу от алтаря. Позади скромного мраморного алтарного стола возвышалась стенка, за которой раньше пел хор. Теперь она, как кулиса, закрывала собой происходящее в апсиде.

За цепью рядом с алтарем стоял деревянный ящик высотой почти в человеческий рост. Он был накрыт белым сукном с ярким алым крестом посередине. Данте показалось, что он уже где-то видел этот необычный ящик. Он напряг было память, но тут кто-то толкнул его в спину. Обернувшись, Данте увидел молодого человека в студенческом одеянии. Тот поспешил извиниться перед поэтом и встал рядом с ним. Данте стал озираться по сторонам в поисках Дуччо, но секретарь растворился в начавшей волноваться толпе.

Из-за алтарной преграды появилась высокая фигура, облаченная в свисавшие до пола грубые одеяния паломника на пути в Святую Землю, подпоясанные пеньковой веревкой, с большим деревянным крестом на груди. Из-под капюшона Данте видел лишь нижнюю часть его лица с черной как смоль густой бородой, ниспадавшей незнакомцу на грудь. Его руки были спрятаны в широких рукавах одеяния.

Данте сразу узнал предводителя странной толпы паломников, которую видел утром у городских ворот. Узнал он и

ящик. Однако сейчас стоявший перед алтарем мужчина совсем не походил на изможденного юродивого, каким показался поэту в первых лучах восходящего солнца.

Откинув капюшон театральным жестом руки, мужчина обнажил совершенно безволосый череп. У него был очень высокий лоб, и Данте показалось, что перед ним восставший из мертвых древний римлянин. Внимательно разглядывая незнакомца, Данте заключил, что тот не похож на смиренного богомольца. Этот широкоплечий и статный мужчина был живым воплощением монашествующего воина. Его горделивая поза говорила, что он привык не просить милостыню, а силой брать то, что причиталось ему по праву.

Незнакомец молча приблизился к ящику и решительным жестом сорвал с него покрывало, под которым оказался большой и богато украшенный ларец, похожий на переносные часовенки, которые Данте уже видел у бродячих проповедников. Затем незнакомец отворил дверцы ларца.

Внутри на одноногом столе покоился бронзовый реликварий высотой почти три фута. Он представлял собой искусно вырезанный и украшенный множеством разноцветных камней женский поясной бюст. Данте уже видел подобные реликварии — настоящие произведения искусства, созданные для хранения святых мощей. Некоторые из этих реликвариев повторяли форму ног, другие — рук или

даже головы. Этот же реликварий был настолько велик, что в нем почти помещался человеческий торс.

Черты лица, изображенного на реликварии, потрясли поэта, дотоле не видевшего такого недвусмысленного выражения сладострастия и коварства, искаженного гримасой невыносимой боли. Воплотить в металле лицо такой богини преисподней, искривившей свой поблескивавший перламутровыми зубами рот, мог только великий художник. Данте огляделся по сторонам, но не заметил, чтобы кого-то, кроме него самого, возмутило появление в храме этого непристойного изображения.

Подождав, пока толпа не проникнется увиденным, монах подошел к реликварию и стал гладить его руками, словно стараясь разогреть холодную бронзу. Растегнув какую-то пряжку в самом низу бюста, он воздействовал на невидимые застежки, откинул крышку на голове и повернул в сторону бронзовое лицо. Под ним блеснуло что-то белое. Данте раздраженно подумал, что сейчас ему покажут очередной череп какого-нибудь святого или мученика. Поэту не нравилась манера растаскивать по кусочкам человеческие тела, лишив их возможности спокойно ожидать Страшного суда... Потом Данте предположил, что в реликварии может скрываться мраморная статуя какой-нибудь языческой богини...

Тем временем монах простер руки в сторону толпы, призывая ее к вниманию.

Затем он взялся пальцами за что-то вроде маленькой рукоятки, торчавшей из бюста, и потянул ее на себя, полностью открыв реликварий, в котором покоилась верхняя часть тела молодой девушки, разрубленной пополам в районе пояса. Ее совершенно спокойное прекрасное лицо было покрыто чем-то вроде прозрачной ткани. Эта ткань была белее слоновой кости и оберегала безмятежный сон закрытых глаз. На голове у девушки была шапочка, расшитая золотом и жемчугами. Из-под нее виднелся выпуклый девичий лобик. Сложив руки на груди так, как было изображено на крышке реликвария, девушка прикрывала ими маленькую нежную грудь. Рассматривая неподвижное лицо и бледную кожу девушки, Данте решил, что перед ним восковая фигура.

— Мощи! — заголосили вокруг него в толпе. — Смотрите! Это святые мощи!

— Пророк! К нам снизошел пророк! — орал кто-то во все горло.

— Его зовут Брандан, — сказал сзади незнакомый женский голос, имея в виду, очевидно, монаха.

Поморщившись, Данте стал более пристально разглядывать обнаженный женский торс.

«Значит, это не статуя, а набальзамированный кусок человеческого тела!» — с содроганием подумал он.

И все же гладкая кожа на лице девушки, ее пухленькие щеки, глаза, которые угадывались под опущенными веками, —

все это совершенно не походило на жуткие сморщенные мумии, которые так часто выставляли в церквах.

Протолкавшись к самой цепи, Данте оказался перед человеком, которого толпа уже признала пророком. Тот воздел руки и лицо к небесам.

— Перед вами Антиохийская дева! Она зовет вас отомстить за поруганную Святую Землю! — воскликнул «пророк» с воодушевлением в голосе. Он говорил басом с интонацией, выдававшей его южное происхождение. — Дева вызывает к вашей совести!

Последовала театральная пауза. Можно было подумать, что говорящий собирается с последними силами.

— Когда язычники, сломив сопротивление наших воинов, ворвались на улицы Антиохии*, началась страшная резня. Неверные вламывались в дома и глумились над их обитателями. Эта святая дева спряталась у себя дома, но когда в него явились бесы в человеческом обличье, ее спас от позора ее же отец. Ударом меча он рассек пополам ее непорочное тело. И тогда свершилось ослепившее нечестивцев чудо. Узрите ж и вы волю Всевышнего!

* Антиохия — город на юге Малой Азии на реке Оронт, основанный в 300 г. до н. э. Селевком I и ставший столицей Селевкидов. Назван Селевком в честь своего отца Антиоха I Сотера. Во время 1-го Крестового похода в 1098 г. Антиохия была завоевана крестоносцами, которые создали крестоносное Антиохийское княжество. В 1268 г. Антиохию взял штурмом египетский султан Бейбарс и положил конец Антиохийскому княжеству.

Проповедник внезапно простер руки в сторону статуи. Через мгновение Данте увидел, как у той поднялись веки. Под ними засверкали глаза.

Сотни людей, столпившихся в церкви, окаменели. Потом под сводами храма раздался рев ошеломленной толпы.

Даже поэт не удержался от удивленного восклицания, увидев, как зашевелился обрубок человеческого тела. Широко открыв глаза, разрубленная пополам девушка повела ими по сторонам, а потом изящно развела сложенные на груди руки. Ее нежная грудь с едва заметными сосками ритмично вздымалась. Правой рукой девушка благословила толпу.

— Она дышит! Она живая! — завопил кто-то рядом с поэтом. Ему вторили тысячи голосов. Тело девушки начало шевелить головой, вперившись глазами в пространство перед собой. Казалось, она кого-то ищет. Невероятно, разрубленная девушка действительно жила!

— Меч перерубил ее тело, но Господь Бог пожелал, чтобы дева не умерла. Она заклемила язычников грозными словами, поколебавшими их мрачную решимость, и устрасила их. Пока неверные метались, ослепнув от ужаса, немногие уцелевшие христиане успели спастись, унеся с собой в земли, озаренные Божественной благодатью, Антиохийскую деву, — вещал монах.

Дева по-прежнему разглядывала толпу ледяным взглядом своих ярко-голубых

глаз. Когда они остановились на Данте, поэту на мгновение показалось, что дева искала в толпе именно его.

— Она возглавит наш победоносный поход на Восток! Мы вернемся туда, чтобы освободить гроб Господень и вернуть себе богатства, похищенные язычниками у наших братьев. Внемлите же слову де-вы, когда она вам его возвестит! А сейчас жертвуйте на ее правое дело по мере сил своих!

С этими словами монах по имени Брандан указал пальцем на маленького коренастого человечка, почти незаметного в скрывавшем его с головы до пят грубом саване.

Человечек стал тут же шнырять в толпе, тряся мешком, в который посыпались пожертвования толпы. Данте заметил, что человечек не рискует к нему приближаться и старается не встречаться с ним взглядом. Наверное, на лице у поэта было написано все, что он думал о происходящем.

Тем временем явление Антиохийской девы, кажется, подходило к концу. Женский торс медленно сложил руки на груди и закрыл глаза. Наверное, дева вновь погрузилась в блаженный сон, полный видений грядущего торжества справедливости. Закрыв реликварий и застегнув ремни, скреплявшие его усыпанные тяжелыми драгоценными камнями половинны, монах Брандан повернулся ко все еще волновавшейся толпе. Перед этим он не забыл закрыть окошко в чудесном ящике и накрыть его покрывалом с крестом.

Данте был удивлен, но не разделял восторгов и замешательства окружавшей его толпы. Ему не раз приходилось видеть на ярмарках обделенных судьбою безруких, безногих и людей с прочими самыми невероятными увечьями, и теперь он не сомневался в том, что разум может и должен найти объяснение только что увиденному им «чуду».

А ведь увидев Антиохийскую деву, не мудрено было поверить в чудеса! Как выжить человеческому телу без доброй половины своих важнейших органов? Каким образом обрубок дышит, не содрогаясь при этом в страшных мучениях? Как питается это существо, если только ему не приходит каждый миг на помощь рука всемогущего Господа?... Древние тоже знали о чудесном и необъяснимом. Сам Аристотель признавал, что перед лицом сверхъестественных явлений есть столь же оснований слепо верить в них, как и напрочь их отрицать... Но почему же высшая сила избрала для своих проявлений именно такую форму? Данте не мог этого не понять. Почему Господь являет себя в виде жуткого увечного существа, ставшего поводом для очередного балагана? Чтобы воодушевить таким образом чернь на поход в Святую Землю? Неужели Бог не в состоянии освободить родину своего Сына, просто взывая к человеческой добродетели?..

— Проклятая! Она приносит одни несчастья!.. — пробормотал кто-то у Данте за спиной.

Поэт повернулся, желая увидеть говорящего, чьи слова прекрасно выразили тревогу, снедавшую его с того самого момента, когда открылся реликварий. Говорил согнувшийся под тяжестью лет старец, скромно одетый, но не похожий на простолюдина.

— Вы об Антиохийской деве? А за что она проклята? — озабоченно принялся расспрашивать его Данте.

Старик все еще смотрел вдоль прохода, в конце которого исчезли двое мужчин с реликварием.

— Нет, я не о деве, чем бы она ни оказалась на самом деле... Я — о проклятой коробке, в которую ее положили. В молодости я уже ее видел. Я знаю, чья рука изобразила запечатленное на ней лицо. Я уже видел его пятьдесят с лишним лет назад у мастера колокольных дел Андреа, у которого мы с ним учились литейному делу.

— С кем — с ним?

— С великим мастером мертвых фигур Гвидо Бигарелли.

— С самим великим Бигарелли — архитектором императора Фридриха?!

— Да. С Бигарелли, великим в своих злодеяниях... Я-то знаю, как он изготовил этот реликварий...

Старец покачал головой, а Данте не знал, что и думать. Неужели этот старик выжил из ума?!

Однако имя Гвидо Бигарелли звучало в голове поэта как набат... Архитектор

императора! Правая рука Фридриха II! Человек, помогавший императору воплощать все его самые безумные мечты! Поговаривали, что после возвращения Фридриха из-за моря Бигарелли создал в Палермо тайную мастерскую...

Данте встречался с этим знаменитым мастером, когда тот некоторое время работал у монахов монастыря Санта Кроче. Тогда поэт был еще совсем юным и лишь познавал азы стихосложения, но он и сейчас прекрасно помнил сломанный нос и растрепанную бороду Бигарелли, походившего на сатира. Помнил Данте и его глаза, затуманенные самыми невероятными фантазиями...

— А почему вы называли его мастером мертвых фигур?

Поэта так заинтересовал этот невероятный эпитет, что он уже не слышал ропот толпившегося в храме народа.

— Я видел, как он изготовил этот реликварий, — повторил старец. — Он отлил его поверх тела своей мертвой любовницы. Я слышал, как шипит ее мясо...

этот момент между Данте и старцем протиснулись какие-то люди. Поэт вновь заметил толкнувшего его молодого студента. Тот смотрел на Данте с таким видом, словно подслушал его разговор со старцем, который тем временем уже почти растворился в толпе. Поэт хотел было окликнуть старца и продолжить беседу, но тут кто-то громко назвал его самого по имени.

Оглянувшись, Данте вздрогнул. Позвавший его человек на добрую ладонь возвышался над толпой. Он гипнотизировал поэта пристальным взглядом темных глаз, и Данте стал пробираться к нему, распахивая людей.

— Что я вижу, мессир Алигьери! Вас тоже заинтересовало это чудо? — улыбаясь, спросил поэта высокий человек, когда они с Данте спрятались от давки за колонной.

— Да и вас оно, кажется, не оставило безучастным... — только и нашелся ответить поэт.

Его собеседник, по-прежнему улыбаясь, тряхнул копной черных с проседью волос,

выделявшихся на фоне его уже ослепительно седой бороды. Он приблизился к Данте, слегка припадая на правую ногу.

— Любознательность — основа науки. Кому это знать лучше, чем вам. Мы же вместе стремились познать секреты природы в Париже.

Перед глазами поэта вновь промелькнули короткие дни, проведенные им на Факультете свободных искусств. Он прекрасно помнил своего собеседника — Арриго из Ези, возглавлявшего в Парижском университете кафедру натурфилософии.

— А вы давно из Парижа? — спросил его Данте.

— Во Франции теперь уже не те времена. Из-за нападок приспешников Папы Римского ни о какой серьезной науке не идет и речи. Поэтому я и пересек Альпы. Некоторое время я жил в разных северных городах, а в последнее время преподавал в Тулузе.

Первоначальное удивление Данте постепенно уступило место воспоминаниям. Арриго был преподавателем, произведшим некогда на поэта впечатление ясностью и логичностью изложения учений античных философов.

— Почему же вы не обратились ко мне, учитель? — с улыбкой упрекнул Арриго поэт. — Я принял бы вас у себя с должным почетом и сделал бы для вас все, что позволили бы мне мои скромные средства.

Вновь улыбнувшись, Арриго потрепал Данте по плечу.

— Благодарю вас, но прошу не видеть во мне несчастного изгнанника. У меня довольно средств к существованию, и время от времени я даю уроки и даже надеялся, что вы почтите их своим присутствием. Мы возобновили бы нашу дружбу в мире слов — единственном достойном мудрецов, которые властвуют в нем безраздельно, — ответил Арриго, бросив взгляд на царившую вокруг суматоху.

— Служба родному городу вынудила меня отдалиться от этого мира, но я не забыл ваших уроков, как и вы не забыли моего имени.

— Как же мне забыть моего лучшего ученика?

— Вижу, вас интересуют не только секреты природы и ее Творца, — заметил Данте, кивнув на толпу.

— Мудрец должен знать все. Это его высший долг.

— Все знать может только Всевышний. На это указывали и Фома Аквинский*, и Святой Бонавентура**, — возразил Данте. Незаметно для самого себя он

* Фома Аквинский (1225/26 — 1274) — величайший из средневековых схоластов и один из виднейших философов и богословов западной традиции. Именно Фома Аквинский приспособил к нуждам церкви учение Аристотеля, получившее широкое распространение в Западной Европе в XIII веке. Он «очистил» его от материалистических элементов, придав ему христианский характер.

** Святой Бонавентура (ум. 1279) — епископ, выходец из монахов-францисканцев, один из Учителей Католической Церкви.

возобновил прерванный много лет назад диспут.

— Существуют и другие мнения. К свету познания стремились не только упомянутые вами мудрецы. Кажется, в свое время упоминались и другие имена. А ведь есть и те, о ком небезопасно было говорить даже во французских землях...

— И у нас во Флоренции?

— Возможно...

Данте почувствовал, что разговор принимает опасный оборот.

— Каково же ваше мнение о том, что мы только что увидели? — спросил поэт, чтобы сменить тему разговора.

— О том, что мы увидели?... А вы уверены в том, что мы увидели одно и то же?

— У нас разные ноги, руки и глаза. Но, в сущности, образы, сформированные у нас в мозгу нашими органами чувств, должны быть подобными. Ведь наше сознание — лишь отражение единого Бога.

— А если Бога нет? — негромко спросил Арриго.

— Не богохульствуйте! — шутливо погрозив ему пальцем, воскликнул Данте. Он не мог себе даже представить, что человек, возглавлявший одну из кафедр Богословского факультета, мог сомневаться в существовании Бога.

Однако Арриго и не думал шутить.

— Я хотел сказать: а если нет единого Бога? Подумайте о свете и тьме. Что, если и божественное начало разделено между

добром и его противоположностью? Чье же проявление мы увидели в этом случае? Добра или зла?

Поэт растерялся, а Арриго пожал плечами:

— Прошу простить меня, мессир Алигьери. Люди, изучающие проявления природы так, как делаю это я, часто привыкают во всем сомневаться... Однако вернемся к представшему нашему взору чудовищному зрелищу. Можно подумать, Бог отменил все законы естества. Мне никогда еще не приходилось видеть существа, способного жить без половины своих органов.

— Вы тоже думаете, что это — кукла с каким-то механизмом внутри? — заинтересованно спросил Данте.

— Не знаю. Во Франции я видел механическую фигуру на башенных часах, но никогда не сталкивался ни с чем столь же похожим на живого человека. Можно подумать, что...

Увлечшись разговором, Данте и Арриго шли к выходу, но люди перед ними внезапно остановились. Раздались громкие голоса. Кажется, вспыхнула перебранка. Данте поднялся на цыпочки, пытаясь понять, что происходит, и увидел начальника стражи, проталкивавшегося со своими людьми через толпу.

— Мессир Данте! — крикнул капитан, увидев поэта. — Я вас ищу!

— А зачем я вам понадобился? — инстинктивно напрягся поэт.

— Вас ждут на постоялом дворе «У ангела». Там покойник.

Данте закрыл глаза и сжал кулаки, стараясь побороть внезапно нахлынувшее раздражение. У него бешено застучало сердце и закружилась голова. Он задыхался от глухой ярости, почувствовав себя на флорентийских улицах не лучше, чем в Преисподней. Ему казалось, что в горячем воздухе витает смрад горячей серы. Поэт попытался думать о чем-нибудь другом. Стал лихорадочно рыться в памяти. Вспомнил лицо Пьетры, ее презрительную усмешку...

— Возитесь сами с этим покойником... Я устал. Позовите какого-нибудь другого приора!

— Нет! — выдохнув это слово, начальник стражи замялся, словно не находил других, и подозрительно покосился на предусмотрительно отступившего в сторону Арриго. — Это очень странный покойник. Мы не понимаем, откуда он вообще здесь взялся.

— На нем турецкое платье! — почти шепотом добавил капитан.

Данте прищурился.

Четвертый человек из каюты галеры?! Значит, смерть не дала ему далеко убежать!

Услышав эту неожиданную новость, поэт почувствовал прилив сил. Куда-то испарилось даже мучившее его недомогание.

— Говорите, на постоялом дворе «У ангела»? Что ж. Пойдемте. Может, я смогу

продолжить разговор, прерванный на борту галеры.

— Вы что, не поняли? Там — мертвец!

— Вот с ним-то я и поговорю. Если мы сумеем его понять, он очень многое расскажет нам и без слов.

Поклонившись на прощание философу, Данте устремился к выходу из церкви по узкому проходу, проложенному в толпе стражниками. Капитан поспешил за ним вслед, сокрушенно качая головой.

Постоялый двор «У ангела» находился на узкой и грязной улочке у древних римских стен недалеко от церкви Санта Мария Новелла. Скорее всего, раньше занимаемое им помещение было сторожевой башней с обрушившейся вершиной. Теперь постоялый двор возвышался над развалинами римской стены, как последний солдат уничтоженной армии. Вокруг него сгрудились более поздние постройки. На первом этаже старой башни построили обширное деревянное помещение. Здесь находилась кухня и — на грубых нарах сразу по трое — ночевали самые бедные путники.

С другой стороны улочка упиралась в невысокую стену из грубых камней, за которой начинались виноградники. У самых дверей постоялого двора над конским пометом вились тучи мух.

— Чьи это земли? — спросил поэт.

— Кажется, они принадлежат семейству Кавальканти, — немного подумав,

ответил начальник стражи. — Постоялый двор вроде бы тоже раньше был их. Тут была мельница, а в башне держали зерно и муку.

Опять род Кавальканти!

Услышав эту фамилию, Данте вновь ощутил жгучее чувство вины. Тряхнув головой, чтобы поскорее избавиться от него, поэт стал осматривать постоялый двор. На вывеске был изображен распростерший крылья ангел. Кто-то замазал краской половину вывески, но от дождя и ветра краска облупилась, и теперь вновь было видно, что раньше постоялый двор назывался «У падшего ангела».

Данте криво усмехнулся, не сомневаясь, что первоначальное название придумал Гвидо Кавальканти. Это было вполне в его духе.

— Где мертвец? — спросил поэт, отогнав печальные мысли.

— Пойдемте... В этой башне устроили небольшие каморки. Хозяин постоялого двора сдает их богатым путникам, которые не желают спать вместе с другими. Покойник в одной из них. На самом верхнем этаже.

Данте еще несколько мгновений задержался перед входом, желая запечатлеть в памяти облик постоялого двора, прежде чем нырнуть в море подробностей, которое наверняка ждет его внутри. Потом, не дожидаясь начальника стражи, он шагнул внутрь и стал карабкаться вверх по ступеням бесконечной дубовой лестницы, вью-

щейся вдоль стен башни. При этом поэт сразу же почувствовал внутри постоянного двора что-то странное, хотя и не смог определить источник этих ощущений.

Решительно бросившись вверх по лестнице, он выбился из сил, не преодолев и половины ее. Ему стало душно внутри этой каменной воронки. Он задыхался. На каждом из первых четырех этажей он заметил по две маленькие двери, на пятом этаже была только одна. Под крышей башни, опиравшейся на мощные деревянные балки, находилось лишь одно помещение. На лестнице было душно и скверно пахло. Свежий воздух едва сочился через две малюсенькие бойницы в стене.

— Где?.. — спросил было поэт, шагнув в комнату, но тут же замолчал, пораженный представшим его взору зрелищем. Перед ним было помещение такое же круглое, как и сама башня. Вряд ли оно превышало десять локтей в диаметре. В глубине стояла небольшая деревянная кровать, на которой с трудом поместился бы человек среднего роста. Рядом с ней — сундук для одежды, а на нем почти догоревшая свеча.

В центре комнаты перед небольшим письменным столом пристроился стул с высокой спинкой. На стуле, в позе, не предвещавшей ему вечного покоя, скорчился труп. Не смог бы он и воззвать о мести — голова, почти полностью срубленная страшным ударом, свисала на его плечо.

Данте чуть не вскрикнул, потом — перешагнул порог и подошел к столу. Фонтан крови из шеи мертвеца залил одежду и забрызгал лист пергамента на столе перед ним. Рука покойника все еще лежала в центре восьмиугольника, начертанного углем на пергаменте. Его голова словно прильнула к телу, от которого уже почти отделилась.

Поэту стало дурно, однако он пересилил себя и отметил, что на убитом дорогая одежда. Просторная и легкая, она ниспадала вдоль трупa, как роскошная римская тога. Голова мертвеца была повязана скрученной полоской ткани. Данте сразу понял, почему начальник стражи решил, что убитый одет на турецкий манер, но на самом деле это была просто одежда, более удобная для путешествий, чем для повседневной городской жизни. Судя по всему, покойник был состоятельным пилигримом. Иначе он вряд ли бы позволил себе снять эту дорогую комнату...

Содрогнувшись, Данте осторожно взял голову покойника в руки и откинул с лица закрывавшие его длинные пряди седых волос.

Заглянув в лицо мертвецу, поэт увидел, что оно искажено, а глаза — выпучены. И все же Данте не сомневался, что это не гримаса боли или удивления. Нет, убитый наверняка хотел до самого конца видеть все. Он не бежал от смерти, а впился в нее глазами.

Поэт взглянул в черные расширенные зрачки мертвеца, пытаясь рассмотреть в

них облик убийцы, который, — как говорят, — в них запечатлевается, но ничего не увидел. По глубоким морщинам на лбу и в углах приоткрытого рта, в котором виднелись редкие пожелтевшие зубы, Данте стало ясно, что перед ним труп старика. Еще раз взглянув на его одежды, поэт вспомнил мертвого сарацина на борту галеры. Тот тоже был стар, и его тоже убили.

Однако этот труп, казалось, еще недавно был телом еще крепкого человека. Под одеждами угадывались сильные мускулы.

Несколько мгновений поэт размышлял о том, что — несмотря на соединявший их кусок кожи — голова и тело будто бы принадлежат разным людям. Он поднял голову и совместил ее с обрубком шеи. Голова идеально подошла к телу.

В процессе этой операции Данте вновь впился глазами в лицо покойника. Оно показалось поэту смутно знакомым. Лишь сейчас он стал отдавать себе отчет в этом, и его память бешено заработала. Вновь опустив голову на плечо мертвеца, Данте стал ее разглядывать.

Потом окинул взглядом помещение. Комнатку, в которой он находился, перевернули вверх дном. Из сундука выбросили всю одежду. Рядом со стариком лежала кожаная сумка, срезанная с ремней, возможно, тем же лезвием, что прикончило ее хозяина.

Данте внимательно осмотрел сумку, но ничего в ней не нашел. Из сумки пахло воском, а еще сильнее — чернильным

орешком. В сумке явно лежали похищенные убийцей бумаги. Об этом говорило и темное пятно в одном из углов сумки, где лежал кусок разбитой чернильницы. В сундуке же остались медная линейка и циркуль.

— Позовите хозяина, — приказал Данте начальнику стражи.

Через некоторое время тот вернулся с маленьким испуганным человечком, жавшимся к стене и жмурившимся при виде трупа.

Данте пристально взглянул на него:

— Это вы Манетто дель Молино, управляющий этим постоялым двором от имени рода Кавальканти?

Хозяин постоялого двора застучал зубами и закивал. При этом Данте тут же понял, почему этот постоялый двор показался ему таким странным. Стук зубов испуганного хозяина громко раздавался в мертвой тишине, какой не бывает в таких заведениях. Никто не кричал и не смеялся. Не слышно было и звонких женских голосов. Не звенела посуда. Не звучали шаги.

Неужели остальных постояльцев тоже поубивали?!

— Что это за человек?

— Пилигрим на пути в Рим. Он назвал себя декоратором Брунетто из Палермо, а я подумал, что его вызвал к себе папа украшать Рим к юбилейному году...

Взглянув на руки убитого, Данте убедился, что их уже изуродовала и покрыла пятнами старость, но они были еще сильны...

— Вы что-нибудь брали отсюда?

— Упаси господь! Я даже не посмел сюда войти, когда мне сказали, что он... Что его...

— Кто нашел труп?

— Одна из проституток монастыря Ладжи. Она поднялась наверх спросить, не хочет ли кто-нибудь из моих постояльцев этого самого... Ну вы понимаете?..

Рассеянно кивнув, Данте задумался о другом.

— А какие у вас теперь еще постояльцы?

— Еще шестеро, — откашлялся хозяин. — Кроме... Кроме этого...

— Как их зовут и где они проживают?

— Я вам их лучше покажу. Они как раз собрались в зале внизу. Идите за мной, пожалуйста...

Данте пошел за хозяином постоялого двора, а за ним по пятам следовал начальник стражи. В дощатом полу второго этажа был большой люк, из которого раньше, наверное, сбрасывали зерно. Хозяин приподнял его крышку и поманил к себе поэта.

Прямо под ними у дубового стола сидели несколько человек, что-то пьющих из глиняных кружек. Они тихо беседовали, ничем не напоминая буйных постояльцев постоялого двора. Казалось, они коротают время за разговором в ожидании какого-то события.

— Здесь все ваши постояльцы? — громко спросил поэт.

Хозяин, прищурившись, посмотрел в люк и кивнул.

Данте внимательно рассмотрел всех сидевших внизу, потом кивком указал на человека во главе стола, сидевшего втянув голову в плечи. У него было довольно приятное, но очень недовольное лицо. Он был молод. Ему было лет двадцать. Данте показалось, что он его уже где-то видел.

— Это Франческино Колонна из Рима, — прошептал хозяин постоянного двора. — Он — студент. Учится в Болонье, а сейчас возвращается в Рим.

Поэт внезапно узнал студента, толкнувшего его в церкви.

— А это — Фабио даль Поццо, — продолжал хозяин, показав пальцем на коренастого мужчину, сидевшего рядом со студентом с кубком вина в руках. — Торговец тканями. Привез к нам шотландское сукно.

Не говоря ни слова, Данте указал на двоих мужчин, игравших в кости на другом конце стола. Один из них — толстяк с туго обтянутым одеждой необъятным пузом — медленно тряс стаканчик с костями, словно не решаясь испытать судьбу. Его партнер со смуглым лицом был невероятно худ. Он рассеянно следил за движениями толстяка.

— Толстого зовут Риго из Колы, — прошептал хозяин. — Он тоже торгует сукном и едет в Рим на юбилейные торжества... Второго зовут Бернардо Ринуч-

чо. У него полная сумка бумаг и чернил. Кажется, он что-то сочиняет. Он каждый день ходит к монахам в монастырь Санта Кроче и роется в их бумагах, — пожившись, добавил хозяин.

Казалось, скулы на изможденном лице худого мужчины сейчас разорвут кожу, которая, как чулок, слезет с его блестящего черепа. Данте тоже поежился.

— Вылитый мертвец... — дрожащим голосом пробормотал хозяин.

Поэт кивнул. Папа Бонифаций скупал художников по всей Италии, чтобы они украсили Рим к юбилею. Джотто*, друг Данте, тоже собирался на службу к папе...

— А это кто? — прошептал поэт, указав на широкоплечего мужчину, завернувшегося, несмотря на невыносимую духоту, в плащ из белого сукна. У него был орлиный нос, а на щеке — длинный шрам, оставшийся от удара, который вполне мог убить его на месте.

— Это Жак Монерр, француз, — тихо сказал хозяин.

— А что делает француз в нашем городе?

Хозяин лишь пожал плечами:

— Монерр родом Тулузы, а сейчас возвращается из Венеции. Он *literatus* — ученый человек, как и старик вон в том углу.

* Джотто ди Бондоне (1266/67 — 1337) — художник, представитель флорентийской школы. Величайший живописец и реформатор итальянской живописи, преодолевший каноны средневековых традиций и заложивший основы искусства Возрождения.

— Родом из Тулузы, но едет из Венеции... — задумчиво пробормотал Данте, теребя нижнюю губу. — А кто этот старик?

С этими словами он указал на уже давно привлекшего его внимание старца с длинными седыми волосами, ниспадавшими по обе стороны лица на тщедушные плечи. При этом старец был довольно высок. Одет он был в неброскую темную одежду, какую часто носят медики. На его изборожденном глубокими морщинами лице сверкали молодые глаза, но ему явно было холодно. Он сидел, закутавшись в теплую одежду. Даже на руках у него были темные кожаные перчатки.

— Это мессир Марчелло, — ответил хозяин тоном, в котором сквозили одновременно почтение и недоверие. — Говорят, он великий врач. Он с севера Италии и едет в Рим по данному обету. По крайней мере, именно так он сказал остальным постояльцам, а моя служанка это услышала.

Данте в последний раз окинул взглядом сидевших внизу людей, а потом отошел от люка, опасаясь, как бы они не заметили наблюдение.

— Закройте ворота, чтобы к вам больше никто не вошел. Если кто-нибудь будет ломиться, немедленно сообщите мне об этом! — приказал поэт хозяину постоялого двора и повернулся к начальнику стражи: — Унесите труп в госпиталь Санта Мария. Да так, чтобы никто этого не видел. В госпитале ничего никому не объяс-

няйте. И прикажите вашим людям держать язык за зубами!.. Хотя эти проклятые сплетники все равно проболтаются...

— А что я могу объяснить? Разве вы чего-нибудь выяснили? — саркастически заметил начальник стражи.

— Да, мне почти ничего не стало известно, но ум мудреца с радостью пускается в путь по темным лабиринтам неизвестности, в которых безнадежно плутают глупцы. Мой ум тоже найдет выход и узрит свет правды... В свое время.

— А вы не хотите допросить остальных постояльцев?

— Если убийца — один из них, — покачивая головой, ответил Данте, — он уже успел замести следы. А совместный допрос с остальными ему будет только на руку. Он будет повторять то же, что и они, укрыв свою ложь за их правдой. Лучше притворимся, будто уже что-то узнали. Убийца будет волноваться и надеяться, что мы идем по ложному следу. Чувствуя себя в сравнительной безопасности, он может ошибиться и попадетсЯ в расставленные мною сети.

С этими словами Данте двинулся к лестнице. На верхней ступеньке он подобрал полу плаща, поправил головной убор и откинул ниспадавшую с него ткань на правое плечо. Спустившись вниз, он гордо прошествовал мимо сидевших за столом постояльцев и вышел на улицу.

Солнечный свет ослепил поэта, тут же прикрывшего ладонью глаза.

ГЛАВА III

УТРО 8 АВГУСТА. ВО ДВОРЦЕ ПРИОРОВ

от все, что мы знаем об этих людях, — сказал секретарь, протягивая Данте бумагу. — Мне пришлось лично допрашивать начальников караулов у всех городских ворот.

— Вы ждете награды, мессир Дуччо? — хмыкнул Данте, вырвав из рук секретаря бумагу, на которой значились имена людей, проживавших на постоялом дворе «У ангела»; рядом с каждым именем было накарябано несколько слов. — Не много же вы узнали...

— Флоренция — свободный город. Мы допрашиваем въезжающих к нам путников лишь в тех случаях, если их появление может нам угрожать, — не моргнув глазом, ответил Дуччо.

Пожав плечами, Данте стал читать бумагу, но узнал из нее немногим больше того, что уже сообщил ему хозяин постоялого двора. Новостью для поэта стали лишь дни появления во Флоренции этих людей, въехавших в город с четырех разных сторон. Первым — 2 августа — при-

был убитый Брунетто. Вместе с ним приехал Риго из Колы. На следующий день приехал Бернардо Ринуччи, а потом — молодой Франческино Колонна и Фабио даль Поццо. Потом во Флоренции появился француз, а вслед за ним — старый медик, прибывший всего два дня назад. Казалось, они специально собрались во Флоренции и кого-то здесь ждут, но неожиданно-негаданно появилась смерть.

А может, смерть уже ждала кого-то на постоялом дворе, спрятав пустые глазницы своего черепа под кожей лица одного из постояльцев, и поспешила нанести свой удар на вершине башни с такой же жестокостью, с какой свирепствовала на борту галеры с мертвой командой...

Солнце клонилось к закату. Фасады домов порозовели. Добравшись почти до самой церкви Орсанмикеле, Данте решил было пойти мимо башни Кастанья и домов рода Черки. Там он мог перекинуться хотя бы парой слов с родственниками, жившими на этой же улице. Впрочем, увидев, что тень солнечных часов на одной из лоджий уже клонится к семи часам, поэт передумал. До мастерской мастера Альберто было еще далеко, а тот скоро заканчивал работу.

Углубившись в лабиринт улочек за развалинами римского Колизея, Данте пошел мимо кособоких каменных домиков и деревянных лачуг, в которых жили и трудились большинство флорентийских ремесленников. На юге у самого берега Арно высились бараки, в которых

красильщики сушили ткани. За ними виднелись привязанные к берегу огромные баржи с водяными колесами, приводившими в движение машины, чесавшие шерсть. Наконец Данте пробрался между лотками котельщиков. Улица стала немного шире. Данте обошел развалины римской арки и увидел перед собой невысокую стену, сложенную из ее камней. За стеной был дворик дома мастера Альберто из Ломбардии.

Недалеко от стены сгрудилась небольшая толпа. Мужчины и женщины на что-то смотрели, кричали и смеялись. Полагая, что увидит скомороха в пестрых лохмотьях, Данте изготавился прогнать его прочь и протолкался сквозь толпу.

Глазам поэта предстало неожиданное зрелище. К угловому столбу прикреплены были колодки, сжимавшие запястья и шею какого-то мужчины в крестьянских одеждах, громким голосом сетовавшего на судьбу. Ему вторило улюлюканье зевак, не забывавших кидать в него камнями и нечистотами, подобранными у себя под ногами.

Данте хотел было пройти мимо, но его явно узнали. В толпе зашептались. Крики смолкли, и поэту стали хорошо слышны причитания человека в колодках, переспавшего свои жалобы латынью.

Невольно заинтересовавшись, Данте остановился.

— Чего ты воешь, мошенник? За что тебя сюда посадили? — спросил он и

присел, чтобы заглянуть в глаза человеку в колодках, но тот упорно не отрывал глаз от земли. Тогда поэт схватил его за редкие волосы и насильно поднял голову.

Человек захрипел от боли и изогнул шею вверх. Его лицо было в синяках. Один глаз заплыл от удара камнем, но второй злобно сверкал.

— Мессир! Клянусь, что своим нынешним позором обязан лишь *quaestio irresoluta* — прискорбному взаимному непониманию! — пробормотал человек в колодках.

— Выходит, стража притащила тебя сюда прямо с философского диспута? — спросил поэт, отпустив волосы несчастного.

— Именно так, мессир! По вашей обуви я вижу, что вы — человек почтенный и ученый, — ответил человек в колодках, снова уставившись в землю. — Вот вы-то сразу поймете, что я невиновен!

— Кто ж не знает, что в тюрьмах и преисподней — одни невинные?! — с сарказмом заметил поэт.

— Услышав повесть о моих несчастьях, вы не сможете со мной не согласиться... Все началось с того, что я захотел расширить маленький виноградник моих родителей и приобрести соседнюю с ним землю. Мы договорились с соседом, что я получу его землю на расстоянии тридцати шагов, и я заручился его разрешением отмерить эти шаги самолично.

— Ну и что?

— Ну и то, что я отмерил ровно тридцать шагов, а меня обвинили в мошенничестве. И вот я здесь!

— Почему же? Мне кажется, ты все сделал, как вы договорились.

Внезапно человек в колодках рассмеялся так звонко и насмешливо, словно разгуливал на свободе.

— Я как следует разбежался и как запрыгал! Как запрыгал! Я прыгнул целых тридцать раз. А этот чурбан, мой сосед, вместо того чтобы подивиться моей находчивости, подал на меня в суд!

Данте тоже невольно рассмеялся:

— Да уж! Вы явно друг друга не поняли. Твоему соседу надо было подумать, что у такого находчивого, как ты, тридцать шагов превратятся в сто!

Человек в колодках оживился:

— Вы за меня заступитесь?

— Нет. Ведь ты же философ, так и принимай случившееся с философским спокойствием. Сейчас тебе набьют еще шишек, а завтра ты пойдешь домой!

наменитый механик из Ломбардии раскладывал на верстаке блоки для одного из кранов, применявшихся на строительстве нового флорентийского собора. Услышав шаги приора, он поднял голову, но не успел открыть рот, как Данте заговорил:

— Где то, что вам привезли по моему приказу?

Механик кивнул в угол мастерской, где между полками и небольшой дверью лежал все еще завязанный мешок.

— Стражники приказали мне его не трогать, но его содержимое лучше поскорее достать. Мешок насквозь мокрый.

Поэт развязал мешок и стал вытаскивать из него куски механизма, а механик Альберто раскладывал их на столе. С каждым новым куском у него становилось все более и более удивленное лицо.

— Ну и что вы обо всем этом думаете? — спросил внимательно наблюдавший за ним поэт, когда мешок опустел.

Альберто молча взял с полки лампу с небольшим латунным отражателем, от-

брасывавшим луч света в нужном направлении. В мастерскую еще проникали лучи света, но мастер все равно зажег лампу и, подслеповато прищурившись, стал разглядывать лежавшие перед ним куски механизма.

— В общем-то похоже на детали ба-
шенных часов, но именно таких я никог-
да не видел. А вот!..

— Что?

— Какая-то надпись на шестеренке.

Данте стал рассматривать зубчатое ко-
лесико.

— Это письма сарацин, — почти
сразу сказал он.

— Так этот механизм собрали невер-
ные! Откуда он у вас?

Приор ничего не ответил, но тут же
вспомнил галеру, полную разлагавшихся
трупов, махнул рукой и что-то пробормо-
тал о коммерческой тайне.

Впрочем, увлеченный осмотром час-
тей механизма, Альберто уже не слушал
Данте.

— Да, сарадины всегда были отлич-
ными механиками, — бормотал он. —
К ним обращался сам великий Фрид-
рих. Они соорудили ему в Палермо
часы...

— Вы понимаете их язык? — спросил
поэт, глядя пальцами арабскую вязь на
шестеренке.

— Нет. Но мой слуга, конечно, пой-
мет. Он не забыл письма своих отцов.

Механик куда-то удалился и тут же вернулся в сопровождении невысокого смутлого юноши с осунувшимся лицом человека, много страдавшего и забывшего, что значит есть досыта.

— Это Амид. Его пленили недалеко от египетского побережья и хотели отправить гребцом на галеры, но я его отстоял, когда увидел, как он ловко обрабатывает металл. Не знаю, впрочем, благодарен ли он мне за это...

Старый механик протянул слуге шестеренку с надписью. Юноша стал внимательно ее рассматривать. Внезапно он вздрогнул, отпрянул и стал затравленно озираться по сторонам.

— Ну? — раздраженно спросил его терпавший терпение Данте.

Юноша уставился в пол и не отвечал.

— Это — богохульство... Хула на всемогущего и всемилостивейшего Аллаха, — наконец пробормотал он. — Зачем мне произносить эти страшные слова, да еще и на языке, которым говорите вы — неверные?

Услышав дерзкие слова молодого язычника, Данте затрясся от ярости, но сдержался, потому что у юноши был действительно испуганный вид, и речь наверняка шла о страшном богохульстве.

— Если ты скажешь это на моем языке, твой бог не очень обидится. Говори!

— Аллах — велик... — начал дрожащим голосом молодой сарацин, — но Аль-Джазари выше его...

Сказав это, юноша втянул голову в плечи, словно ожидая, что его сию минуту поразит гром.

— Кто такой Аль-Джазари? — спросил Данте.

— Я знаю! — воскликнул мастер Альберто. — Этот Аль-Джазари родом из персидского семейства великих мастеров автоматов. Он самый прославленный мастер.

— Каких еще автоматов?

— Механизмов, изображающих живые существа. Павлинов, распускающих хвосты из лазурита, бронзовых львов способных рычать у подножия тронов восточных владык и прочих дьявольских штук такого рода.

— Наверное, император тоже заказал ему какое-то украшение для своего двора, — продолжал механик. — Я видел некоторые работы этого язычника в Иерусалиме, когда ходил в крестовый поход. Это были произведения бурной фантазии...

Данте уставился в пустоту и задумался об увиденной в церкви реликвии, показавшейся ему живой. Его так и не покинуло подозрение, что речь идет о хитромном механизме.

— И при этом очень извращенной фантазии, — продолжал Альберто.

— Почему извращенной? — внезапно заинтересовался Данте.

— А зачем оживлять железо и дерево? Превращать неживое в живое. Это против природы вещей.

— Против природы вещей? — переспросил поэт и вспомнил, насколько неестественной ему показалась галера, на борту которой он побывал. Ее борта, призванные защищать вышедших в море людей, стали стенками их гроба. — Но ведь Господь поставил людей во главе всех живых существ. Нам принадлежат богатства природы, так почему же мы не можем в нее вмешиваться? Между прочим, и ваши часы призваны привнести в течение времени новый порядок. Так разве нельзя их назвать богохульством? А вам не приходило в голову написать что-нибудь в этом роде на ваших шестеренках?

Покачав головой, Альберто открыл было рот для ответа, но не успел.

— Прикиньте, для чего мог служить этот механизм, — перебил его Данте.

Механик с сомнением пожал плечами, но стал копаться в кусках механизма, перекладывая их то так, то этак и стараясь понять, как они соединялись. Он нахмурился и сжал губы с выражением видимого неудовольствия на лице. Покопавшись в железяках еще немного, он поднял голову.

— Я не вполне понимаю, что это. Тут явно не хватает чего-то важного. Остальное чем-то похоже на большие часы. Видите эту зубчатую ось и остатки цепочки? Это, конечно, самая важная часть всего механизма. Вот эта стальная пружина на оси приводит в действие первое колесо, которое, в свою очередь, заставляет вра-

щаться колеса поменьше. Скорость вращения постепенно возрастает. Я бы даже мог ее рассчитать, если бы у меня были все части этого механизма...

— И вы считаете, что его создал Аль-Джазари? — спросил Данте, обдумав объяснения механика.

— Аль-Джазари был величайшим механиком известного нам мира. Он прославил наше ремесло! Хорошо бы нам иметь его механизмы... — Альберто с благоговейным видом повернулся к остаткам разбитой машины. — А ведь его убили...

— За что же убили Аль-Джазари?

— Его умертвили его же соплеменники. Кажется, он обезумел. По крайней мере, мы, христиане, больше ничего не знаем.

Поэт задумался, поглаживая себя по подбородку. Другой рукой он рассеянно водил по арабским буквам. «Аллах велик, но Аль-Джазари выше его...» Богохульство? Слепая гордыня? Иногда ее жертвами становятся даже гении...

— А когда его убили?

— Где-то в середине нынешнего столетия. Незадолго до смерти императора Фридриха.

Данте вновь повернулся к механизму. Если его действительно изготовил Аль-Джазари, ему лет пятьдесят... Где же он был все это время? И почему теперь он прибыл на крыльях смерти в такую далекую страну? И зачем он вообще нужен?

— Об Аль-Джазари рассказывали и другое, — негромко сказал механик, и поэт встрепенулся.

— Что именно?

— Он сошел с ума потому, что кое-что узнал...

— Он изобрел какой-то новый механизм?

— Нет. Своими изобретениями он гордился. Говорят, Аль-Джазари сошел с ума потому, что познал границы Царства Божьего!

— Пределы власти Всевышнего?! Но ведь Бог всемогущ!!!

— Так говорят...

Данте притих. У него перед глазами кружились полуразложившиеся трупы. Потом он вспомнил об астролябии, найденной стражниками на галере, и стал искать ее у себя в сумке. Теперь, в хорошо освещенной мастерской, он убедился в том, что маленькие значки на астролябии были не украшением, а обозначениями градусов и орбит. Сбоку от них поэт опять обнаружил арабские буквы. Теперь астролябия предстала перед ним во всей своей изысканной красоте.

Данте стал озиаться в поисках юного сарацина и обнаружил его молящимся лицом к стене, преклонив колени на коврике.

Приблизившись к Амиду, поэт протянул ему астролябию.

— А что написано здесь?

Раб осторожно взял инструмент в руки, словно опасаясь, что ему вновь придется произносить богохульства, но, быстро прочитав надпись, немного успокоился.

— Это посвящение «тому, кто измеряет звезды». Это подарок султана главному астрологу Дамаска.

Поэт с механиком переглянулись и стали ждать, что им еще скажет Амид, но тот молчал. Размышляя о только что услышанном, Данте стал осматриваться по сторонам. На рабочем столе в мастерской и на полках вдоль ее стен лежали инструменты и части механизмов. В углу было небольшое углубление с циновкой, на которой лежало свернутое одеяло. Наверняка именно там и спал молодой раб. Из-под одеяла торчал корешок толстой книги.

Заинтересовавшись, Данте наклонился над циновкой и поднял книгу. У него в руках оказался том, на страницах которого затейливая арабская вязь изящно переплеталась с миниатюрами на полях. Амид настороженно следил за действиями поэта. Почувствовав на себе его взгляд, Данте спросил:

— Что это за прекрасная книга, язычник?

— Это сказ о сне. «Китаб аль-Мир'Аж».

Поэт невольно сжал книгу в руках, словно не желая с ней расставаться. Много лет назад учитель Данте Брунетто рассказывал ему об этой редкой «Книге лест-

ницы Магомета», в которой говорилось о путешествии Магомета в царство теней, по которому он дошел до самого трона Всевышнего. Поэту очень хотелось узнать, о чем говорится в этой книге, и вот теперь она была у него в руках, но ее язык был ему недоступен.

Данте протянул книгу сарацину, но не выпустил ее из рук:

— Ты расскажешь мне о том, что в ней написано, а то мы сожжем ее как ересь неверных...

Юноша понурил голову.

— Но не сейчас. Теперь я спешу. Однако я вернусь, и ты все мне расскажешь.

уда ты бежишь, Данте? Неужто тебя преследуют фурии?

Поэт замер, узнав окликнувший его насмешливый голос. Говоривший стоял широко расставив ноги, на другой стороне улицы и, сверкая лукавыми глазами, манил к себе Данте пальцем. Потом он прикрыл себе лицо ладонью, словно стеснительная девушка. При этом у него на губах играла плутовская усмешка.

— Ничего, что я тебя окликнул? Или к вам, великим поэтам, дозволено обращаться только дамам вашего сердца? Беатриче и прочим? Конечно, мой голос не так звонок, но зато я очень громко рыгаю!

Данте покраснел и, сжав кулаки, стал переходить улицу.

Окликнувший его мужчина изобразил на лице притворный испуг.

— Боже мой! Какое страшное лицо! Со всем как на поле боя в битве при Кампальдино!* Ведь мы одержали там победу лишь

* Битва при Кампальдино 11 июня 1289 г. принесла победу гвельфской Флоренции и поражение гибеллинской армии города Ареццо. Гибеллины — политическое течение сторонников империи в итальянских городах. Эту

потому, что среди наших противников не было никого с такой страшной рожей!

Тем временем Данте перешел улицу и смерил говорившего взглядом, удивляясь его яркой, кричащей одежде.

— Зачем ты здесь, Чекко? — прошипел поэт. — Ты же знаешь, что нам во Флоренции не нужны распутники и транжиры. Я думал, что ты тоже отправился в Рим. В Вечном городе тебе будет где разгуляться. Кроме того, там относятся к развратникам с большим снисхождением, чем у нас во Флоренции.

Чекко Ангольери подпернул фиолетовые штаны и уселся на большой камень.

— Должен напомнить тебе, Чекко, что закон запрещает расхаживать по Флоренции расфуфыренным, как скоморох! Чего это ты так вырядился?

Не выразив ни малейшего беспокойства, Чекко Ангольери показал рукой на прохожих.

— Ты прав, друг мой. В городе папы Бонифация больше трактиров, чем церквей, а публичный дом там найти гораздо проще, чем монастырь. Туда-то я и направляюсь, чтобы засвидетельствовать свое раскаяние и получить прощение всех грехов по случаю Юбилейного года. Однако любой человек, вступивший на путь

партию возглавлял император. Их противники — гвельфы, номинальной главой которых являлся папа. Гибеллины получили свое название от Вайблинген (название родового замка Гогенштауфенов, ставших императорами); гвельфы — от герцогского рода Вельфов, противников Гогенштауфенов.

истинный и раскаявшийся в своих грехах, просто обязан посетить по пути в Рим твой благочестивый город.

— Что же до моих штанов, — продолжал Ангольери, с любовью разглядывая свои короткие ноги, — никто еще здесь не сделал мне замечания.

— Если бы ты шлялся здесь не по тавернам, а ходил по учебным заведениям и храмам, — усмехнувшись, сказал Данте, — с тебя бы уже сбили спесь.

— Когда меня обуревают черная меланхолия, я иногда оступаю на пути к спасению души. Еще мне мешает отсутствие денег. Если мой отец вскорости не помрет и я не унаследую то небольшое, что у него осталось, мне придется побираться на паперти... От безденежья я могу пойти на что угодно, а вы, флорентийцы, катаетесь как сыр в масле. Неужели никто здесь не даст мне и корочки хлеба? Я с удовольствием предложу свои услуги любому благодетелю.

— Какого же благодетеля ты ищешь?

— Наверняка найдутся те, кому пригодятся мои острый язык и верная рука... Но что это мы все обо мне да обо мне?! Как у тебя дела? Что намерен явить миру величайший из тосканских поэтов? Слышал я, что ты пишешь о путешествии в царство мертвых.

— Не только мертвых, но и тех, кто никогда не умрет!

— Ах вот оно как! — с ироничной усмешкой на губах пробормотал Чекко, но

Данте погрузился в свои мысли и больше его не слушал.

— Да вы еще спесивее французов, — пробормотал наконец сиенец, указав пальцем на стены нового собора, уже возвышавшиеся за церковью Санта Репарата. — Те тоже возводят огромные соборы с высоченными остроконечными шпилями. Они не взывают смиренно к Богу, как делаем это мы в наших церквях, а хотят сами вскарабкаться к нему на небо!

— Но подняться до Бога очень нелегко, — пробормотал Данте, услышав последние слова Ангольери.

— Отчего же?

— Царство мертвых состоит из трех частей, погруженных во мрак и омываемых светом. Я уже хорошо вижу проклятых и тех, кто искупит свои грехи в огне Чистилища. Но вот остальное...

— Рай? Как ты себе его представляешь?

— Пока — никак. Царство добра еще не приняло определенных очертаний в моем воображении. Что бы я ни выдумывал, это не может передать величие всемогущего Господа. Иногда перед моим внутренним взором мелькает неопределенный образ светящегося пятна, вокруг которого греются души праведников...

— Как крестьяне у огня? Или погонщики верблюдов вокруг костра в ночной пустыне? Так-то ты представляешь себе рай?! Неужели именно так нас отблагодарят за жизнь, прожитую по уши в крови

и нечистотах? — издевательским тоном спросил Ангольери. — Честное слово, мне больше по душе рай неверных с его молочными реками в медовых берегах, вином и прекрасными женщинами.

Данте скривился, покачал головой и махнул рукой, словно не желая продолжать разговор.

Тем временем они с Ангольери уже давно шагали вдоль по улице, пробираясь сквозь толпу и увертываясь от выючных животных, способных в любой момент растоптать неосторожного пешехода.

Чекко Ангольери замолчал с таким видом, словно задумался о чем-то очень далеком.

У самого подножия лестницы Данте остановился и схватил друга за руку:

— Чекко, у меня здесь очень неприятное дело. Я должен осмотреть труп убитого человека.

Сделав несколько шагов к входу в госпиталь, Данте снова задержался и обернулся к Чекко Ангольери:

— Если хочешь, пошли вместе. Пожалуй, сейчас мне пригодятся твой цинизм и остроумие...

Сиенец молча последовал за поэтом.

Вместе с Чекко Данте спустился в подвал, где лежали трупы. В помещении стоял невыносимый смрад: чадили светильники со скверным маслом, из-под вымазанных кровью простыней несло

разложением. Закрыв нос и рот тканью, свисавшей у него с головного убора, Данте прошел к последним нарам, куда в госпитале Мизерикордия положили обнаженный труп человека, убитого на постоялом дворе. Его голову приложили к шее, и теперь о страшной смерти несчастного говорил только уродливый шрам в том месте, где голову чуть не отрубили.

Чьи-то милосердные руки раздели и омыли покойника. Данте подошел к нему поближе, чтобы лучше рассмотреть лицо, а Чекко скривился и остановился на почтительном расстоянии от нар.

Поэт стал рассматривать изуродованное старостью лицо убитого. Его нос смотрел чуть вбок, словно когда-то был сломан.

Данте вновь показалось, что он где-то уже видел это лицо. Поборов отвращение, поэт наклонился к самому лицу убитого и провел пальцами по его ледяной щеке.

— Кто ты? — пробормотал Данте.

Сначала поэту казалось, что он будет вечно бродить кругами по краю бездонного черного колодца, но внезапно у него в памяти — как пузырь воздуха из недр грязной лужи — всплыло имя жертвы.

Данте действительно встречался с ним лет двадцать назад, когда ходил учиться во францисканскую школу в Санта Кроче.

Позеленевший Чекко стоял за спиной у поэта.

— Ну что? — пробормотал он наконец, устав ждать.

Поэт молча вытянул вперед руку, словно указывая на что-то за пределами подвала, и глубоко задумался.

— Не может быть... — пробормотал он и зашевелил в воздухе пальцами с таким видом, словно старался поймать ускользающие от него мысли. — Там в церкви стоит реликварий с Антиохийской девой, а этот человек — Гвидо Бигарелли, мастер, изготавливавший живых мертвецов.

Чекко с непонимающим видом взглянул на труп. Казалось, имя покойника ни о чем ему не говорило. Данте же не находит себе места: Бигарелли вернулся во Флоренцию в тот самый момент, когда там чудесным образом возникло одно из его произведений. Потом Бигарелли убили. Это не могло быть простым совпадением!

Наконец Данте немного пришел в себя и огляделся по сторонам. Чекко же с непроницаемым лицом смотрел на покойника.

— Такое впечатление, словно Бигарелли их здесь ждал! — внезапно воскликнул Данте, повернувшись к сиенцу.

— Кто же его убил? — спросил Чекко, склонившись над трупом. — Какой сильный удар!

С раны смыли запекшуюся кровь, и ее можно было, как следует рассмотреть. Удар нанесли с чудовищной силой. Меж-

ду доскутами кожи и кусками мяса белели перерубленные позвонки.

Поэт поднес к ране указательный палец.

— Очень странно, — пробормотал он.

— Что странно?

— Убийца нанес два сильных удара. Сначала он пронзил орудием убийства шею насквозь, а потом рванул лезвие вправо, разрезав мясо, кожу и перерубив позвонки. При этом он сделал это дважды. Вот следы двух очень похожих ударов. Можно подумать... — с этими словами поэт внезапно замолчал.

— Можно подумать, что убийц было двое? — спросил его Чекко.

Данте покачал головой. Потом ему внезапно пришла в голову одна мысль. Он покосился на обнаженный труп, а потом стал оглядываться по сторонам.

— Где же его одежда?..

Они с Чекко стали искать и скоро нашли в одном из углов подвала плетеную корзину с залитой кровью одеждой.

Данте вытащил ее из корзины и стал ощупывать руками. Внезапно он нащупал что-то мягкое в одном из внутренних карманов. Это был сложенный лист бумаги. На нем стояли какие-то знаки: восьмиугольник с маленькими крестами в углах и короткая надпись «Templum lucis, haec arca thesauri Federici».

— «Это храм света, ковчег сокровищ Фридриха», — перевел Данте.

Внезапно он заметил ниже короткую надпись на итальянском: «Здесь распахнутся ворота царства тьмы».

Храм! Свет! Сокровища! Те же слова, что и в загадочном послании!

Поэт вновь бросился изучать одежду убитого и убедился в том, что она сшита на восточный манер.

В бортовом журнале галеры говорилось о «заморских гостях». Может, этот труп действительно принадлежит человеку, убившему весь экипаж корабля?..

— Скажи мне, Чекко, зачем ты на самом деле приехал во Флоренцию? — спросил сиенца Данте.

— Меня привела к вам любовь! — воскликнул Чекко с обычной для него легкомысленной ухмылкой.

Данте раздраженно махнул рукой. Он прекрасно знал эту фразу, по которой узнавали друг друга приверженцы любви.

— Но и денег я тоже не прочь заработать! — добавил сиенец.

аспоровавшись с Чекко, Данте некоторое время стоял в нерешительности. Ему хотелось бы продолжить расследование преступления, но долг общественной службы требовал его возвращения в Сан Пьеро. Жаркий ветер поднимал с мостовой облака раскаленной пыли. Поэту запорошило глаза, и он двинулся через улицу, чтобы укрыться в тени на другой стороне. Внезапно у него за спиной закричали, Данте обернулся и едва успел выскочить из-под колес невесть откуда взявшейся повозки. Прижавшись к стене, поэт громко проклинал возницу, не обратившего на него ни малейшего внимания и продолжавшего погонять лошадей.

— Вас не задело, мессир? — спросил предупредивший Данте высокий старец в темных одеждах.

Прикрыв глаза от солнца ладонью, Данте попробовал разглядеть его лицо. Оказалось, что перед ним человек, которого хозяин постоянного двора назвал медиком Марчелло. Поэт тут же забыл про чуть не раздавившую его повозку.

— Благодарю вас за предупреждение, — сказал он, направившись к старцу. При этом у Данте возникло ощущение, что тот его здесь поджидал.

— Кажется, я вас знаю, — продолжил поэт и отвесил неглубокий поклон.

— Я тоже вас знаю, мессир Алигьери. Я слышал, что вы — великий поэт, — ответил старец и в свою очередь поклонился.

— Слава любого толка быстрее скорохода... А что привело вас сюда?

— Если вы меня знаете, вам известны и мои занятия. А занимаюсь я телесными недугами и движениями небесных тел, порождающими их и излечивающими. Сюда же я пришел потому, что направлялся в госпиталь, надеясь хоть что-то сделать для несчастного, умерщвленного под одной крышей со мной. Однако ему, кажется, уже ничем не поможешь...

— Совершенно верно. Он умер мгновенно. А вы его знали? Он был вашим другом?

Несколько мгновений Марчелло молчал, словно прикидывая, как лучше ответить.

— Все смертные на Земле в известном смысле знают друг друга, — наконец ответил он. — Все мы — люди, и значит — братья и сестры... Вот я и хотел проводить в последний путь одного из своих братьев.

— Но вы ведь знали его? — настаивал Данте.

Старец вновь замолчал, словно не в силах выразить то, что было у него на уме.

— Нет. Я его не знал. Я видел его лишь в тот короткий промежуток времени, когда мы вместе проживали на постоялом дворе. Но мне показалось, что он меня знает. Что он вообще...

— Что? Ну! Говорите! — подбодрил старца поэт.

— Что он нарочно поселился там, куда должен был приехать я. Казалось, он меня ждал, — пробормотал Марчелло.

— Как это так?

— Он вел себя как-то странно. Сразу стал очень доверительно со мной общаться. Все время задавал мне вопросы с таким видом, словно ждал ответных распросов с моей стороны. Так же он общался и с Бернардо...

— С ученым?

— Убитый знал, чем занимается Бернардо, и вел с ним долгие разговоры о прошлом.

— И о чем же он говорил?

— Его очень интересовала жизнь императора Фридриха. Они рассуждали о том, бывал ли император во Флоренции. И о другом... Но теперь все равно слишком поздно.

— Убитому не нужен врач, но не помешает тот, кто призовет к ответу его убийцу, — сказал Данте, не сводя глаз с лица старца.

— Это верно, — кивнул тот. — Теперь блюстители закона и порядка помогут несчастному гораздо больше, чем я сам и мои ничтожные знания.

Слушая старца, Данте подходил к нему все ближе и ближе. Наконец он как бы невзначай прикоснулся рукой к его плечу и почувствовал под одеждой твердые мускулы.

Марчелло отшатнулся, но тут же поспешно извинился:

— Прошу прощения, мессир. Привычка. За морем мне часто приходилось иметь дело с прокаженными.

— А куда вы сейчас? На постоянный двор?

— Да... Но как же изменился ваш город с тех пор, как я был здесь в последний раз много лет назад! — воскликнул Марчелло, указав рукой на ведущее повсюду строительство. — Я даже боюсь заблудиться. Вы меня не проводите?

Не говоря ни слова, Данте взял старца под локоть, и они зашагали в сторону постоянного двора мимо развалин римских бань.

Шагов сто они прошли молча. Марчелло все время оглядывался по сторонам, словно искал соответствие между ныне видимым и воспоминаниями. Внезапно он остановился возле мраморной колонны, вделанной в угол одного дома.

— Чем ближе конец века, тем быстрее течет время, — пробормотал он. — Но устремившиеся вперед годы пожирают

сами себя, как обезумевшие от страха лисичи в завязанном мешке...

— А зачем вы едете в Рим? — спросил Данте, когда старец вновь медленно двинулся вперед.

Марчелло остановился и повернулся к поэту:

— В конце жизни приходит время примириться с Богом и отдать ему должное. Скоро пробьет и мой час. Тогда Святой Петр бросит на весы добро и зло, которые я совершил в жизни... Хочу встретить этот миг с чистой душой. Я еду в Рим по данному давным-давно обету, чтобы просить прощения за грехи, совершенные мною на длинном жизненном пути.

— А их так много?

— А у кого их мало? Особенно в моем возрасте. Чем дольше живешь, тем больше грешишь...

сли хозяин постоялого двора не солгал, Бернардо проводил почти все свое время в библиотеке монастыря францисканцев. Данте стоял у дверей скриптория и ждал, когда из нее выйдут закончившие ежедневный труд монахи. Наконец в дверях появилась изможденная фигура Бернардо. Он нес связку пергаментов и ящичек с письменными принадлежностями. У него был больной и измученный вид. Он едва волочил ноги, но явно не собирался сдаваться. Время от времени он останавливался, ставил ногу на камень, доставал из ящичка восковые таблички и что-то писал на них острой металлической палочкой.

У общественного фонтана Бернардо с жадностью принял к бронзовому носику и стал пить. Казалось, его мучает неутолимая жажда. Данте осторожно подошел к нему и вежливо поздоровался. Бернардо ответил на приветствие, утерев рукавом пот со лба.

— Я давно хотел с вами поговорить, — сказал поэт.

— Я знаю, какую должность вы занимаете, мессир Данте. Известны мне и ваши поэтические произведения. Скорее всего, вы хотите узнать у меня подробности гибели злополучного декоратора Брунетто, но — увы! — мне нечем вам помочь. Я впервые познакомился с ним на этом постоялом дворе и видел его там всего несколько раз за ужином. Я ведь не просиживаю часами за общим столом. Я или хожу по своим делам, или запираюсь у себя в комнате, чтобы записать то, что узнал, — и Бернардо указал на пергаментные свитки.

— А чем именно вы занимаетесь? — полюбопытствовал поэт.

— Я пытаюсь закончить третью часть труда под названием «Res gestae Svevorum» — «Деяния династии Гогенштауфенов» — великих императоров Священной Римской империи. Главным образом меня интересует величайший из них — Фридрих. Его жизнь и смерть...

— И что же вы обнаружили во Флоренции? Ведь Фридрих здесь, кажется, не бывал.

— Да. При жизни он к вам не приезжал. Ведь флорентийцы, хотя среди них и было немало верных ему гибеллинов, часто относились к нему враждебно. Кроме того, император боялся предсказания Михаила Скота, заявившего, что его повелитель умрет *sub flore*...^{*} Однако, воз-

^{*} Игра слов. Название города Флоренция, данное ему римлянами, *Castra Florentia* (процветающий военный лагерь), происходит от латинского слова *flos* (*floris*), означающего «цветок».

можно, кое-что имеющее прямое отношение к Фридриху оказалось во Флоренции после его кончины.

— Что именно?

Историк поджал губы и пожал плечами с таким видом, словно уже жалел о том, что наговорил лишнего.

— Я кое-что узнал из «Хроники» Майнардино. Кое-что, связывающее Фридриха и Флоренцию.

— Вы читали Майнардино из Имолы?! Верного императору епископа, посвятившего остаток своих дней его жизнеописанию! Но ведь говорят, что его «Хроника» безвозвратно утрачена или так и не была написана!

Бернардо прищурился и с загадочным видом покосился на Данте. Потом быстро осмотрелся по сторонам, словно опасаясь чьих-то ушей.

Данте тоже машинально огляделся, но не заметил ничего подозрительного. Тем временем Бернардо отломал у кустарника ветку и стал что-то чертить ею в уличной пыли.

— Хорошо. Допустим, эта «Хроника» существует, и вы ее читали. Что же вы узнали в ней такого, что поспешили во Флоренцию? И что же у нас оказалось после смерти императора?

Бернардо ответил не сразу, подыскивая верные слова.

— Майнардино кое-что написал о сокровищах императора. «Thesaurus Federici in Florentia ex oblivione resurgat» — «Со-

кровища Фридриха восстанут из забвения во Флоренции».

— Значит, вы ищете сокровища?

Бернардо решительно покачал головой:

— Я не гонюсь за богатством. В конце жизни золото перестает интересоваться. Однако мне хотелось бы, чтобы мой труд дал ответ на вопрос, ставивший в тупик даже моего учителя. Я бы с удовольствием задал его Арриго из Ези. Я слышал, что и он сейчас во Флоренции.

— А при чем тут этот философ? — удивился Данте.

— О нем говорится в труде Майнардино. Арриго был послушником у Илии Кортонского, францисканского монаха, к которому благоволил Фридрих. Говорят, Арриго очень богат. Богат был и Илия. Поговаривали, что он нашел то, что ищут все алхимики, — способ изготавливать золото. А может, он нашел сокровища императора... — казалось, Бернардо думает вслух.

— Впрочем, они могут быть безвозвратно потеряны, — сказал он наконец, сокрушенно качая головой. — Фридрих стал прахом, в прах обратилось и все, что ему принадлежало...

— А узнать это можно только во Флоренции? Тут же могут быть и его сокровища?

— Майнардино в этом не сомневался, а я хочу проверить, была ли его уверенность обоснованной. Мне надо успеть,

пока смерть не заткнет мне рот, как и моему учителю.

Данте схватил Бернардо за рукав:

— Вам что-то угрожает? Скажите мне что, и я воспользуюсь всей своей властью, чтобы вас защитить!

— Меня не защитили бы и все римские легионы, — с кривой усмешкой ответил Бернардо. — Моя моча уже давно пахнет медом, а внутренности мне жжет огнем. — Я молю Бога лишь о том, чтобы он дал мне время закончить мой труд, — добавил он и снова приник к фонтану.

Поэт подождал, пока Бернардо утолит жажду. Наконец тот поднял голову, облизывая губы с таким видом, словно не хотел потерять ни капли воды. Казалось, ему стало немного лучше.

— Надо было и мне подписать Иерусалимский договор, — пробормотал Бернардо.

Данте с непонимающим видом уставился на него, и историк невесело усмехнулся:

— Говорят, что, оказавшись во время крестового похода в Иерусалиме, Фридрих вступил в сговор с неверными, которые открыли ему секрет панацеи — чудодейственного средства, излечивающего все недуги и прогоняющего смерть назад в царство теней. Поэтому-то некоторые и считают, что Фридрих не умер и вернется по истечении пятидесяти лет со дня своего исчезновения. Представьте себе эту

сцену, мессир Данте, явление Антихриста в юбилейный год! Вот испугался бы Бонифаций!

— Возможно, Папа Римский объявил этот год юбилейным именно для того, чтобы умолиť Бога навсегда избавить его от Фридриха, — пробормотал Данте.

Вскоре Бернардо распрощался с Данте и удалился, с трудом волоча ноги.

Поэт хотел было пойти за ним, но передумал и направился обратно в мастерскую Альберто. А вдруг механик уже разобрался в предназначении механизма! Кроме того, Данте никак не мог позабыть о книге «Китаб аль-Мир'Аж». Искаженные ужасом лица мертвецов на галере чередовались перед его мысленным взором с неясными райскими образами из будущей поэмы. Казалось, в тумане неопределенности перемешались смутные образы блаженства и уродливые гримасы злодеяния.

Из размышлений поэта вывела фигура широкоплечего человека, возникшая перед ним из переулка рядом с древним Коллизеум.

— Здравствуйте, мессир Монерр! — крикнул Данте.

Француз тут же обернулся и стал искать в толпе человека, окликнувшего его по имени. У него был встревоженный вид, но, узнав Данте, он тут же успокоился.

— Вы не против, если мы с вами немного побеседуем на ходу? — спросил Данте француз.

— Побеседовать с вами, мессир Данте, для меня большая честь, хотя я и догадываюсь, что именно побудило вас проявить внимание к такому заурядному человеку, как я. Наверняка при других обстоятельствах мы поговорили бы об ученых материях, а сейчас нашей темой станут злодеяние и смерть, — Монерр говорил на правильном тосканском наречии с еле заметным французским акцентом.

— Вы прекрасно говорите на нашем языке!.. Но какие ученые материи вы имели в виду?

— Науку Урании!* — воздев перст к небесам, ответил Монерр. — Я посвятил ей всю свою жизнь. Сначала в родной Тулузе, потом Венеции, где я изучал карты небес, составленные древними, и в первую голову Птолемеем**, иногда внося поправки в те места, где мои великие предшественники допустили неточности. Я пытался распространять свет своих знаний, но безуспешно. Этим-то и объясняется то, что вы меня не знаете...

Монерр криво усмехнулся, и шрам у него на лице стал еще заметнее.

«Так он — астроном!» — подумал пораженный этим совпадением Данте.

* Урания — древнегреческая муза, покровительница астрономии.

** Птолемей — (ок. 90 — ок. 160), древнегреческий ученый. Разработал математическую теорию движения планет вокруг неподвижной Земли, позволявшую вычислять их положение на небе. Вместе с теорией движения Солнца и Луны она составила т. н. Птолемею систему мира. Система Птолемея изложена в его главном труде «Альмагест» — энциклопедии астрономических знаний древних.

У поэта, наверное, был такой удивленный вид, что Монерр не выдержал и вновь усмехнулся:

— Если вас интересуют мои занятия в вашем городе, скажу, что он — лишь одна из остановок в моем последнем путешествии.

— А куда вы направляетесь? — заинтересовавшись, спросил Данте. — И почему это путешествие у вас последнее?

Произнеся это зловещее слово, поэт вздрогнул. Неужели Монерр, как и Бернардо, знает, что дни его сочтены?!

Француз задержался у развалин римской арки. Вдали виднелась глухая мрачная стена флорентийской тюрьмы. Проведя рукой по лицу, словно отгоняя внезапную головную боль, Монерр сказал:

— Я направляюсь в Африку. В места, населенные кровожадными маврами. Потом я проследую дальше на юг, где живет беспощадная мантикора*. Я хочу пересечь далекий экватор и узреть южное небо, еще не виденное глазами христианина. В древних преданиях говорится о том, что там сверкают неизвестные нам звезды, а на своде небес встают и опускаются новые созвездия, предвещающие невероятные повороты судеб. Я надеюсь дополнить ими каталог Гиппарха...**

* Мантикора — оборотень, существо, упоминаемое во многих средневековых bestiариях.

** Гиппарх (ок. 180 или 190—125 до н.э.), древнегреческий астроном, один из основоположников астрономии. Составил каталог положений 850 звезд.

Монерр говорил сверкая глазами. Казалось, в них на самом деле сияет свет далеких звезд. Погрузившись в мечты, он словно забыл, где находится, что-то пробормотал себе под нос по-французски, а потом снова заговорил на родном языке Данте:

— Говорят, что на тамошних небесах сияет крест из четырех звезд. Он словно свидетельствует об истинности нашей веры или предрекает ее участь... Однако мессира Данте интересует совсем другое, — напомнил себе Монерр и сразу сник.

— А почему вы считаете это путешествие последним? — настаивал Данте, с содроганием подумав о том, что Флоренция уже почти превратилась в обязательную остановку на последнем пути человека.

— Я уже бывал в землях неверных. Рана, полученная в последнем путешествии, повредила мне правый глаз, и по какой-то странной взаимосвязи парных органов нашего тела его слепота стала постепенно распространяться и на левый. Скоро я ослепну, и звезды будут сиять мне только в воспоминаниях... Мне надо спешить!

Некоторое время Данте с французом шагали молча. Поэт старался не отставать от Монерра, обгонявшего его, несмотря на невыносимую жару.

— Вы несетесь как берберийский конь! — заявил наконец поэт, не раз пускавшийся бегом, чтобы не отставать от

француза. — Вы выработали у себя такую походку в дальних странствиях?

Монерр усмехнулся и остановился:

— Совершенно верно. Я бывал в таких землях, где всего лишь один час опоздания равносителен смертному приговору. В пустынях, где надо успеть добраться от одного оазиса до другого. В землях, кишущих язычниками, где наши укрепления находились ровно на расстоянии дневного перехода. Стоило человеку чуть замешкаться в тех краях, и он становился легкой жертвой неверных в ночном мраке. Там мы ездили вдвоем на одном коне, чтобы второй мог отдохнуть для дальнейшего пути.

— В каждой земле свои опасности, — пробормотал Данте. — Вы ведь знаете, что случилось с одним из постояльцев, живших под одной крышей с вами.

— С декоратором Брунетто? — кивнув, уточнил Монерр. — Я часто видел, как он разглядывает свои чертежи.

— Он был не декоратор. И звали его не Брунетто. Убитый — Гвидо Бигарелли — величайший скульптор нашего времени.

Француз ничем не выдал своего удивления.

— А вы об этом не подозревали? — настаивал поэт.

— Нет. Но путники часто скрывают, кто они такие на самом деле. По разным мотивам.

— По каким, например?

— Чтобы не попасть в руки к властям, если те настроены к ним враждебно. Или чтобы не попасться в лапы злоумышленников, если у них с собой нечто ценное.

Данте поджал губы и задумался. Бигарелли был убежденным гибеллином — сторонником императора, и во Флоренции, где правили сторонники римского папы — гвельфы, он вполне мог скрывать свое настоящее имя по политическим мотивам.

— Возможно... Возможно, дело было именно в этом, — продолжал Монерр.

— В чем? — встрепенулся Данте.

— Вечером накануне убийства я столкнулся с ним, поднимаясь к себе в комнату. Он стоял на лестнице вместе с толстым купцом Риго из Колы. Они о чем-то оживленно разговаривали, но, увидев меня, тут же замолкли. Однако я расслышал их последние слова.

— О чем? О чем же они говорили?! — воскликнул Данте, невольно сделав шаг к французу.

— О золоте, мессир Алигьери. О горах золота, и о том, что его можно получить, только заключив свет в кольцо.

— В каком смысле? — удивленно спросил поэт.

— Не знаю, — пожал плечами Монерр. — Ничего больше я не слышал... Догадывайтесь сами, — с легкой иронией в голосе добавил он. — Ведь мудрец здесь вы, а я — простой астроном.

осле разговора с французом Данте не покидало беспокойство. Он все больше и больше убеждался в том, что убийство имеет отношение ко всем, кто, казалось бы, случайно оказался на постоялом дворе «У ангела».

Поэта не покидало ощущение, что этих людей — таких разных по характеру, манерам и даже по внешнему виду — что-то связывает, но он не мог понять, что именно, кроме того, что все они были чужестранцами и утверждали, что во Флоренции только проездом.

Данте не сомневался, что облик преступления отражает особенности преступника. Жертва всегда сама привлекает к себе своего палача, выбирая его среди тех, кто более всего подобен ей самой. Громилу убивают разбойники в поножовщине, а развратник становится жертвой своей похоти и своих страстей. Какого же убийцу нашел себе скульптор?

Мастер мертвых фигур Гвидо Бигарелли после долгого отсутствия вернулся во Флоренцию под чужим именем словно нарочно для того, чтобы встретить

смерть. Всю жизнь он заигрывал с нею, создавая свои произведения. Казалось, он вошел с ней в тайный сговор, беззвучно заклинал ее задержаться в своих бронзовых фигурах, ласкал ее кости под кожей пылких любовниц. И вот смерть пришла за вознаграждением...

Данте вспомнил незамысловатую догадку начальника стражи, которую сначала с презрением отверг. Теперь же она не давала ему покоя. Неужели Бигарелли действительно был четвертым человеком из каюты галеры? Неужели это он умертвил всю команду корабля?!

Поэт вспомнил загадочную Антиохийскую деву. Реликварий с его невероятным содержимым и изготовивший его Бигарелли вряд ли случайно появились во Флоренции одновременно! Таких невероятных совпадений не бывает!

Дойдя до того места, где улица сужалась из-за строительных лесов, только что возведенных у фасада большого строящегося дома, Данте поморщился, подумав о бессмысленной и показной роскоши недавно разбогатевших флорентийцев. Прислонившись к одному из столбов, чтобы пропустить встречную повозку, поэт внезапно чувствительно получил локтем по лицу от какого-то стремительно пронесшегося мимо человека.

Ничего не понимая, Данте стал озираться по сторонам, и тут на доски у него за спиной грохнулся увесистый камень. Второй камень задел его плечо.

Поэт машинально отскочил в сторону, ожидая обрушения строившейся стены у себя за спиной, но тут же увидел, что на находящейся чуть дальше площади разыгрываются бурные события. Обезумевшая толпа сцепилась в драке прямо на битой глиняной посуде, среди перевернутых лотков и разбросанных на земле овощей и фруктов, обильно политых разлившимися винами и оливковым маслом. Кругом метались мужчины и женщины, пытавшиеся скрыться с места побоища.

Перед носом у Данте просвистел очередной брошенный из толпы камень. Вслед за ним летели другие. Кое-кто из противников разбежались по сторонам площади. Теперь они осыпали друг друга камнями, вращая над головой импровизированными пращами из подобранных на земле кусков материи. Сначала они пытались выковырять досками и палками камни у себя из-под ног, но древняя римская мостовая не поддавалась. Тогда они бросились на старые стены Кампидолия и стали голыми руками выламывать из них глиняные кирпичи.

— Что тут происходит?! — крикнул спрятавшийся за повозкой Данте старику, сидевшему уронив голову на руки.

Рассмотрев получше одяние Данте, старик осмелился открыть рот:

— Это люди семейств Черки и Донати. Они встретились посреди рынка и тут же начали осыпать друг друга бранью. А потом стали драться.

— Проклятые буяны! — процедил сквозь зубы Данте.

Дождавшись, когда на землю обрушился очередной град камней, он решительно встал на ноги и направился прямо к дерущимся, надеясь, что на них произведет впечатление его одеяние флорентийского приора.

— Прекратите! Именем закона приказываю вам прекратить! — воскликнул Данте, схватил за плечо какого-то откатившегося прямо ему под ноги драчуна, отпихнул его в сторону и наградил пинком под зад.

Внезапно кто-то взял поэта за локоть. Данте резким движением вырвал руку и с искаженным яростью лицом повернулся к новому противнику, но отвлекший его человек улыбнулся и поднял руки вверх в знак своих добрых намерений.

— Простите, мессир Данте. Я лишь хотел вам помочь! — воскликнул он, наклонившись за упавшим на землю головным убором приора.

Данте узнал Арриго из Ези. Улыбнувшись в ответ, поэт стал отряхиваться и счищать с одежды замаравшие ее нечистоты.

— Это я должен просить у вас прощения. Я ведь вас чуть не ударил, но в этой толпе безумцев немудрено спутать праведника с головорезом!

— А много ли праведников в этом городе? — пробормотал Арриго, разглядев две враждующие толпы, разошедши-

еся по противоположным сторонам площади, но продолжавшие бросать друг другу оскорбления и обмениваться злобными взглядами. — Такое впечатление, будто Флоренции скоро придет конец и она погибнет во внутренних распрях, не смотря на благие намерения ее основателей...

— Эти намерения, — если они вообще существовали, — были начертаны на сухих листьях, унесенных первыми же порывами ветра, — покачив головой, сказал Данте.

— Что же привело ваш город в такое плачевное состояние? — оглядевшись по сторонам, спросил погрузневший философ.

Данте гневно кивнул на буянов:

— Во всем виноват этот сброд, которого, как магнитом, тянет в наши стены. Это отребье собралось сюда со всей Тосканы. Их привлекает возможность легкой наживы, возникшая у нас из-за всеобщего падения нравов, нерадивость властей, продажность прелатов и магистратов вкупе с невежеством ученых мужей. Выбравшись из сточных канав, эти скоты распространились по улицам нашего города, за свободы которого наши отцы заплатили кровью. Отныне Флоренция почти неуправляема.

Приор замолчал, искоса поглядывая на буянов и утирая тыльной стороной ладони кровь, сочившуюся у него из разбитой губы.

Казалось, Арриго слушает Данте с большим вниманием.

— В иных итальянских городах не лучше. Но благой правитель мог бы насадить порядок при поддержке людей доброй воли. Таких, как, например, вы, мессир Данте.

— Если бы люди вроде меня могли заставить себя слушать!.. Если бы у них были средства, сравнимые с несправедливо заработанным золотом, оказавшимся в распоряжении этой швали и рвани!..

— Как знать, может, недалеко те времена, когда в небе Италии вновь гордо воспарит орел и выключает глаза нечисти, осквернившей своим зловонным дыханием ее земли...

Все еще облизывая кровоточащую губу, Данте невесело усмехнулся. При этом он наблюдал за действиями драчунов, перебравшихся в противоположный конец площади и начавших прятаться в близлежащих переулках.

— Города — как большие звери. Они очень похожи на населяющих их зверьков, — с горечью констатировал он.

— Нет непобедимого зверя. Город можно зарезать, как и любого человека, — настаивал философ.

— Это действительно так, — пристально посмотрев на Арриго, согласился Данте. — По воле судьбы я сейчас расследую преступление. Убийство, совершенное на постоялом дворе «У ангела».

— Я знаю. Бедный Брунетто...

— На самом деле его звали совсем по-другому, — с притворным безразличием сказал Данте, тщательно отряхивая ладонью полы одежды.

Не проявив ни малейшего любопытства, Арриго ждал, что еще скажет Данте.

— Его звали Гвидо. Гвидо Бигарелли.

— Правда? — Философ сохранял спокойствие с таким видом, словно это имя было ему совершенно незнакомо. А может, он уже знал, что убили именно Бигарелли.

— А вы уже кого-нибудь подозреваете? — спросил он у поэта, усевшись в тени у невысокой стены.

Данте с таким же безразличным видом пожал плечами:

— Пока мне известны лишь некоторые подробности. Я еще не вижу всей картины преступления. Я не знаю, как умертвили жертву. Неизвестно мне и почему ее убили. Меня лишь преследует ощущение, что убийца был хорошо известен своей жертве, а может, даже близок к ней. Моя интуиция, опираясь на разум, указывает мне на остальных гостей постоянного двора.

— Так допросите же их со всем пристрастием!

— К чему это? Я услышу лишь поток лжи и полуправды. Убийца наверняка уже придумал, как выгородить себя, а я, к сожалению, не умею читать мысли.

— Вы не надеетесь раскрыть преступление?

— Нет, это не так, — ответил поэт. — Надежда у меня сохранилась, но чтобы его раскрыть, мне не обязательно допрашивать этих людей. Все события вокруг нас подчиняются логике, а логика вытекает из необходимости. Я должен понять, для чего понадобилось это убийство. Тогда мне станет ясна его логика, и я найду убийцу без всяких допросов.

— Отчего же вам не сделать это как можно скорее?

— Мне что-то мешает. Возможно, преступления совершены по сиюминутным соображениям, но их корни, несомненно, уходят гораздо глубже. Это-то меня и путает. Не могу понять, как почти одно и то же следствие может иметь такие разные причины. Сам Аристотель не счел бы это возможным.

— Я восхищаюсь вашей верой в непогрешимость Аристотеля, — улыбнувшись, покачал головой Арриго. — А каково ваше мнение о нынешних ученых мужах из Парижа? К примеру, о Бэконе? Разве он не говорит о том, что мы должны учиться делать выводы, опираясь на естественный порядок вещей в природе? А что есть природа, кроме непрерывных метаморфоз, возникновения чего-то нового и множества противоречий?.. Одна-

* Бэкон, Роджер (ок. 1214—1292), английский философ и естествоиспытатель, монах-францисканец. Профессор в Оксфорде. Придавал большое значение математике и опыту — как научному эксперименту, так и внутреннему мистическому «озарению». Занимался оптикой, астрономией, алхимией; предвосхитил многие позднейшие открытия.

ко вы упомянули какие-то «преступления». Значит, не только Гвидо Бигарелли сошел в царство мертвых?

— Нет, не только. В нескольких лигах к западу от Флоренции учинили страшную бойню, возможно для того, чтобы скрыть какое-то другое преступление. Убийца умудрился умертвить всю команду настоящего морского судна.

Арриго открыл было рот, словно для нового вопроса, но потом, кажется, передумал и промолчал.

— А что такое «Царство Света»? — внезапно спросил его поэт.

Арриго с удивленным видом повернулся к Данте:

— Полагаю, это торжество духа. Иными словами, это метафорическое описание того, что вы называете раем.

— Мы?

— Я имел в виду богословов, изучающих суть, вид и границы рая. А также вас — поэтов, стремящихся облечь его в стихотворную форму. А почему вас это вообще интересует?

— У меня сложилось впечатление, словно нынче очень многие разыскивают это царство... Можно подумать, что оно существует где-то на земле. Или так называют какой-то предмет с необычайными свойствами... Вот сукины дети!

Философ вытаращил глаза от удивления, но тут и его оросила теплая струя, лившаяся с неба под звуки непристойной частушки. Прямо над ними, на вершине

полуразрушенной римской арки, какой-то парень из семейства Донати спустил штаны и мочился на своих противников. Струя его мочи описывала в воздухе изящную янтарную кривую.

Данте вскочил на ноги, изрыгая проклятия, и не обращая внимания на все еще сыпавшиеся камни, опустился на четвереньки и стал шарить по земле. Нашарив увесистый кусок кирпича, Данте поднялся с земли, тщательно прицелился и швырнул кирпичом в негодника, по-прежнему мочившегося и распевавшего частушки.

Арриго наблюдал за тем, как Данте следит за полетом кирпича с таким видом, будто направлял его взглядом в полете. Кирпич ударил хулигана прямо в лоб.

— Вот это да! — воскликнул Арриго. — Не хуже, чем в Библии! Вам, флорентийцам, надо чеканить на монетах не лилию, а Давида*. Или хотя бы поставить ему памятник!

Хулиган скатился с арки. Лицо его было залито кровью, хлеставшей из рассеченной брови. Несколько мгновений не было слышно ничего, кроме его завываний.

Арриго по-прежнему смотрел на поэта с удивлением и тревогой во взгляде. Потом еле заметно улыбнулся.

* Давид — библейский персонаж. Когда на Израильское царство напали враги и в решающей битве нужно было сразиться с великаном Голиафом, именно Давид был избран Богом, чтобы победить, умертвив гиганта камнем из пращи. Впоследствии Флоренцию украсила знаменитая статуя Давида работы Микеланджело.

— Как хорошо, что мы не ведем философских споров в виде рукопашного боя! Пойдемте отсюда, приор. Пусть эти звери перегрызут друг другу глотки, а мы лучше еще поговорим. Проводите меня до монастыря Санта Мария Новелла. Я там живу.

В последний раз кровожадно покосившись на буянов, Данте повернулся к философу, и лицо его постепенно прояснилось.

— Ну да. Вы правы. Пусть себе дерутся, — пробормотал он и зашагал прочь.

— Помилуйте! — воззвал к Данте Арриго, поспешавший за ним, приволакивая ногу. — Вы еще молоды, а я стар. Мне за вами не угнаться!

— Кто это молод? В мае мне стукнуло тридцать пять. Лучшие годы моей жизни уже позади, — сказал поэт и остановился. — И теперь, куда бы я ни шел, меня не ждет ничего хорошего...

— Мне осталось жить еще меньше, но я, как и вы, еще не научился мечтать... Ведь ваше благородное сердце наверняка еще мечтает и видит сны...

— Сны говорят с нами по ночам на понятном лишь им самим языке. Впрочем, и при свете дня мир кружится вокруг меня в хороводе неясных образов. Я словно заблудился в лесу темном, как сама смерть.

— Можно подумать, что вы, друг мой, стоите у врат преисподней... — пробормотал Арриго.

— О преисподней я думаю очень много. И не только о ней. Меня занимает и состояние души, попавшей в царство вечного света.

— К чему вам все это? А как же ваша любовная поэзия? Чувства, мечтания мимолетных дней нашей жизни? Они вас больше не вдохновляют? — воскликнул Арриго.

Данте ничего не ответил. За пределами площади все было тихо и спокойно. Кажется, поэт с философом только что побывали в ином мире.

— Там дерутся, здесь — торгуют, — оглядевшись по сторонам, сказал Арриго. Вокруг сновали повозки, кричали возницы, ржали лошади, в воздухе висели облака пыли. — По всей Тоскане с завистью судачат о том, что во Флоренции строят самый большой храм во всем христианском мире. Этот шедевр обессмертит имя Арнольфо ди Камбио...^{*} В вашем городе кипит жизнь, а вы помышляете о смерти... Да вы вообще меня слушаете или нет?! — схватив Данте за рукав, воскликнул философ.

Поэт встрепенулся и пришел в себя.

— Простите, учитель. Я слышал ваши слова, но душа моя временно покинула тело, и уста мои онемели. Конечно, любовь ни на секунду не покидает меня и диктует мне свои стихи, но с тех пор как я решил положить свои силы на управле-

^{*} Арнольфо ди Камбио (ок. 1245 — до 1310), итальянский скульптор и архитектор. В 1296 г. начал строительство собора во Флоренции.

ние родным городом, меня круглые сутки преследует отнюдь не любовь...

— А что же?

— Добро и зло. И мысли об их природе. Как они умудряются сожительствовать в одном и том же сердце? Как и почему они борются друг с другом? Почему Царство Света так часто погружается во мрак смерти и трясину злодеяний?

— Будьте осторожны, друг мой, — внезапно помрачнел Арриго. — На севере многие взошли на костер за такие мысли. Весь Прованс вплоть до Тулузы все еще зализывает кровавые раны после опустошительного крестового похода на катаров.

— Не волнуйтесь, учитель! — рассмеялся Данте. — Я не стал манихеем. Бог — един, и свет его благодати постепенно распространяется на всю Вселенную. Свет этот сверкает и господствует безраздельно под хрустальным сводом небес, а вот на земле он словно дробится на мелкие части, как разбившаяся о скалу волна, не способная смыть вязкий ил со дна человеческой души. Вот это — настоящая преисподняя, и я хочу о ней писать. Поэтому-то я и опишу путешествие в царство мертвых. Я пойду туда по стопам Одиссея и Энея и напому людям о том, что они напрасно позабыли!

Арриго схватил Данте за рукав. Казалось, философ хотел что-то сказать, но промолчал, покачал головой и, прихрамывая, удалился.

ГЛАВА IV

НА РАССВЕТЕ 9 АВГУСТА.
ВО ДВОРЦЕ ПРИОРОВ

анте заметил во дворе какую-то суматоху. В углу била копытом о камни оседланная лошадь. Вооруженный человек что-то возбужденно говорил начальнику стражи. Сгрудившиеся вокруг стражники жадно слушали.

Поэт заинтересовался и подошел к ним.

— Что случилось? — спросил он, глядя вслед гонцу, снова вскочившему в седло, пришпорившему лошадь и галопом усакававшему со двора.

— На Пизанской дороге пожар. На землях Кавальканти что-то сгорело.

— Что именно?

— Непонятно. Сеновал или что-то в этом роде. Сгорело дотла какое-то большое строение.

Приор вспомнил, что постоянный двор «У ангела» тоже принадлежал семейству Кавальканти. А может, это просто совпадение?

И все же Данте заволновался, почувствовав, что этот пожар как-то связан с недавними трагическими событиями. Ему показалось, что в цепи загадочных происшествий стали возникать недостающие звенья.

— Сколько отсюда до места пожара?

— Несколько лиг. Это совсем рядом. Прямо за новыми городскими стенами.

Задумчиво прикусив губу, Данте некоторое время молчал, а потом сказал:

— Я туда поеду. Прикажите стражникам меня сопровождать.

— Но пожар уже потушен! — стал возражать начальник стражи.

— Пожар волнует меня в последнюю очередь, — отрезал поэт.

Лошадей седлали целый час. Солнце уже было высоко над горизонтом, когда Данте, начальник стражи и шестеро его вооруженных людей наконец отправились в путь.

За полями возле церкви Санта Мария Новелла возвышались новые красные кирпичные стены. Флоренция решила взять под их защиту множество построек, выросших недавно за пределами старых городских стен. Во многих местах новые стены еще не было возведены. Порядок их строительства кому угодно показался бы совершенно загадочным. Складывалось впечатление, словно здесь играет в кубики великан-сумасброд. А может, нынешние флорентийские строители реши-

ли украсить окрестности своего города новыми живописными руинами.

За новыми воротами, фундамент которых еще только заложили, вилась немощеная дорога.

Через некоторое время Данте и его спутники свернули с нее и поехали вверх по склону невысокого холма вдоль по тропе между оврагами и зарослями кустарника. Выехав из дубовой рощи, они оказались в маленькой ложбине, где увидели на земле большой выжженный круг. В круге торчали обуглившиеся столбы и валялись обрушившиеся балки. Строение действительно полностью сгорело и, судя по всему, было внушительных размеров.

В воздухе еще стоял едкий запах гари, усилившийся при порывах теплого ветра. Припорошенная пеплом земля дымилась. На некотором расстоянии от пожара лежали нетронутые огнем внушительные штабеля строительного леса.

Подъехав к пепелищу, Данте спрыгнул с лошади и подошел поближе. У него за спиной раздраженно кряхтели следовавшие его примеру начальник стражи со своими людьми.

— Вы выяснили, кто построил все это? — спросил приор.

— Еще нет. Я же вам говорил, что это — земли Кавальканти. Их уже давно не обрабатывают. Они не облагаются налогом, и с них не поступает никаких средств в кадастр. На них расположено только одно хозяйство крестьян-аренда-

торов. Да и то довольно далеко. Лигах в двух отсюда. Тамошние работники заметили пожар и оповестили нас.

— А они не знают, кто здесь все это строил?

— Они же настоящие чурбаны! — пожал плечами начальник стражи. — Эти скоты с трудом говорят по-человечески. Не то, что мы — горожане! Эти недоумки заявили мне, что здесь черти строили какое-то «кольцо Сатаны»! Не знаю уж, где они высмотрели здесь чертей... Наверное, приползали исподтишка подглядывать, но что-то их напугало, и они больше не совали сюда носа вплоть до самого пожара.

Данте ничего не понимал. Что еще за «кольцо Сатаны»?! Он вновь обернулся к торчавшим из земли обугленным бревнам. Что это? Неужели Всевышний и вправду поразил своим Перуном сооружение, возведенное нечистой силой?!

— Рассыпьтесь цепочкой! — крикнул он стоявшим в праздности стражникам. — И ищите!

— Что нам искать? — спросил один из них.

— Не знаю. Ищите все равно что. Подбирайте все странное и необычное.

Стражники осторожно пошли по пеплу, стараясь не наступать на еще тлевшие головешки.

На первый взгляд было непонятно, для чего предназначалось сгоревшее строение. Судя по торчавшим из земли

бревнам, оно было высоким, как большой сеновал или конюшня, но очень странной формы. А лес, уцелевший при пожаре? Его намеревались хранить внутри сооружения? Или из этого леса его должны были достроить?

Данте медленно двигался к центру пепелища. Шагов через десять он заметил, что из земли больше не торчат палки. В центре наверняка было обширное свободное пространство... Да это строение действительно напоминает кольцо! Кольцо Сатаны!..

Вздвогнув, поэт отогнал эти мысли и решил впредь опираться только на рассудок и научные знания.

— У вас есть веревки? — спросил он начальника стражи.

— У каждого из моих людей есть несколько футов веревки в чересседельной сумке.

— Попробуем определить, какой формы было это сооружение, — пробормотал Данте. — Обычно форма случайна, но иногда она может пролить свет на многое...

Начальник стражи явно удивился и хотел было что-то сказать, но флорентийский приор уже быстро пошел к краю пепелища.

Он заметил, что в некоторых местах было больше обломков, чем в других. Там же из земли торчало больше бревен и валялось больше обугленных балок. Можно было подумать, что именно там

находились особо хорошо укрепленные углы загадочного сооружения.

— Ищите вокруг пепелища такие места. Пусть в каждом из них остановится один человек. Возьмите веревки в руки. Один конец дайте мне, — приказал поэт стражникам.

Стражники и их начальник побрели по пеплу, волоча за собой веревки. Один за другим они останавливались, сжимая концы веревок в обеих руках. И перед глазами поэта возник восьмиугольник...

Данте все еще пытался понять, почему у сгоревшего здания была такая странная форма, а стражники вполголоса переговаривались между собой, когда один из них внезапно громко воскликнул:

— Приор! Тут что-то есть!

Подойдя к закричавшему стражнику, поэт увидел, что тот роется в пепле. Там действительно что-то было. Сначала Данте показалось, что это обгоревший кустарник протягивает вверх пять изогнутых веточек. Потом он понял, что это — человеческая рука.

Обуглившийся труп лежал на спине. Страшный жар на пожарище высушил всю жидкость в теле покойника, превратив его в хрупкую мумию. Впрочем, чисто внешне его тело не очень пострадало. Возможно, его кожаная одежда спеклась с кожей тела и сохранила его форму. Даже завернутая в остатки какой-то ткани голова мертвеца была на месте.

Вглядевшись в лицо, напоминавшее отныне черное стекло, Данте узнал Риго из Колы, одного из торговцев шерстью, живших на постоялом дворе «У ангела».

Значит, дьявол посетил свое кольцо...

Сбежавшиеся на крик своего товарища стражники, кажется, думали так же. Они стали креститься, явно стараясь уберечь себя от нечистой силы, а не из уважения к усопшему.

Рядом с трупом лежали кусочки стекла с темным налетом. Данте потрогал его кончиками пальцев.

— Это масло для лампы, — сказал он подошедшему начальнику стражи.

— Все ясно! — воскликнул капитан, в свою очередь понюхав осколок. — Он зажег масло, чтобы поджечь это сооружение, но не рассчитал. Что-то произошло, и он сгорел вместе с сожженным им же строением. Как говорится — не рой другому яму!

Данте склонился над лицом покойника и стал вглядываться в его заострившиеся черты, в которых словно читалось удивление, запечатлевшееся в последний момент жизни там, где раньше были вытекшие от жара глаза. Потом поэт перевернул труп лицом вниз.

— Да все было так, как я вам говорю! — закричал начальник стражи так громко, чтобы его слышали стражники.

Поэт же тем временем указал ему пальцем на спину Риго из Колы примерно в том месте, где находилось сердце.

Там на обуглившейся кожаной одежде красовались два параллельных глубоких разреза. Данте достал из внутреннего кармана кинжал и вставил его лезвие в один из разрезов. Лезвие вошло легко, не встречая сопротивления кожи и мяса.

Молча Данте ткнул лезвием и во вторую рану. С тем же результатом.

Потом поэт усмехнулся и повернулся к начальнику стражи:

— Выходит, потом ваш поджигатель устыдился содеянного и заколол себя самого двумя ударами кинжала в спину?

Начальник стражи не проронил ни слова.

— А вы больше ничего не заметили? — безжалостно продолжал Данте, показав на лежавшие рядом с убитым остатки почти полностью сгоревших больших листов пергамента.

— Что это такое? — поморщился начальник стражи. — Опять книга?

— Вряд ли, — покачал головой Данте. — Листы слишком большие для книги. И никаких следов переплета. Скорее всего, это были какие-то чертежи, — продолжал он, взяв в руки крошащийся пергаментный лист.

Внезапно поэт вспомнил большую пустую сумку в комнате Бигарелли. Его сумка пахла чернилами.

— Четвертый человек... Значит, это он всех убил... А кто же прикончил его самого? — пробормотал растерявшийся начальник стражи. Казалось, он ждет, чтобы

Данте разгадал для него эту головоломную загадку, но поэт молчал, задумчиво потирая подбородок рукой.

Солнце клонилось к закату. Вскоре стемнеет. Здесь больше нечего делать...

Убедившись в том, что карманы покойника пусты, Данте приказал закопать его под пинией в стороне от пожарища.

Никто не прочитал заупокойной молитвы над обутленным трупом...

а полпути домой Данте услышал стук конских копыт. Не успел он приказать сопровождавшим его стражникам остановиться, как из перелеска вылетела группа всадников в охотничьих одеждах с луками в руках и колчанами за спиной. Увидев Данте и стражников, всадники тоже натянули удила. Поэт никогда раньше не видел ни одного из них, кроме самого молодого, который к тому же, кажется, был предводителем.

— Добрый вечер, мессир Алигьери! — воскликнул Франческино Колонна, театральным жестом сорвав с головы шапку. — Эй вы, приветствуйте флорентийского приора! — крикнул он своим спутникам.

Все трое отвесили неглубокие поклоны и что-то пробормотали.

— А что вы здесь делаете, Колонна? Это ведь не дорога в Рим.

— Мой родной город надежно стоит на своих холмах уже две тысячи лет. Стоит и еще немного без меня. Чего мне торопиться? Ведь и у вас предостаточно дичи! — воскликнул юноша и вытащил

из чересседельной сумки окровавленного кролика.

— Не велика добыча для четырех молодцов, — заметил Данте, кивнув на державшихся поодаль спутников Франческино. — А это ваши друзья?

— Веселые попутчики. Они тоже направляются в Рим на юбилей. Я познакомился с ними по дороге из Болоньи. Прежде чем пуститься в дальнейший путь, мы решили развлечься конной охотой.

— А вы знаете, где находитесь?

— Кажется, где-то к северу от новых стен. Мы мчались не разбирая дороги. А что, здесь заповедные земли?

Данте покачал головой.

— В таком случае счастливо оставаться, мессир Алигьери! Увидимся, когда Богу будет угодно! — воскликнул юноша и прищипорил коня.

Данте проследил за тем, как Франческино в сопровождении своих спутников скачет в сторону пожарища.

— Увидимся, когда того пожелают законные власти Флоренции, — пробормотал поэт.

Почему-то он не сомневался в том, что Франческино со спутниками направились туда, где был убит Риго из Колы. Данте приходилось слышать о том, что убийца возвращается на место преступления, повинувшись загадочному повелению некоего чувства, являющегося чем-то средним между совестью и чувством вины. Впро-

чем, раньше поэт думал, что это — пустые выдумки.

А ведь эти люди здесь не случайно!

Данте успел разглядеть кролика в руках у Франческино. Кролик был в сухой запекшейся крови, словно его умертвили много часов назад.

Нет, они явно не охотники!

Когда они оказались в пределах городских стен, начальник стражи подъехал к поэту:

— Знаете, мне пришла в голову одна мысль. Я тут все думал об этом сгоревшем сооружении... А ведь такое построит далеко не каждый! Тут нужен настоящий мастер! А не торговец шерстью...

— А может, он и не был торговцем. К тому же ему наверняка кто-то помогал.

— Вы тоже подозреваете этого Фабио даль Поццо с постоялого двора? — спросил начальник стражи поэта.

Данте кивнул, потому что тоже думал о нем.

— Он — чужестранец, — продолжал капитан. — И под одной крышей с ним уже убили человека...

Данте с содроганием подумал о том, как относятся во Флоренции к чужестранцам, но проговорил:

— Пожалуй, стоит его допросить. Я сам им займусь несколько позже, а вы проследите за тем, чтобы он никуда не скрылся!

томленный Данте немного поспал. Поднявшись с постели, он еще плохо соображал, в его мозгу роились сновидения. Распахнув дверь кельи, поэт вышел на колоннаду и вдохнул полной грудью свежий воздух, в котором уже чувствовалось приближение вечерней прохлады, хотя стоявшее высоко в небе солнце все еще жгло беспощадно. Его, как всегда, раздражал шум улиц, отражавшийся гулким эхом от монастырских стен.

Данте заметил, что стражники собрались у распахнутых ворот и глазекот наружу. Стараясь собраться с мыслями, поэт спустился во двор и разглядел в проеме ворот толпы куда-то спешившего народа. Эти люди наверняка пришли с другого берега Арно через мост Понте Веккьо и сейчас шли в северные районы города.

— Куда они все идут? — спросил Данте у стражников, хотя заранее знал ответ.

— В аббатство Святой Марии Магдалины, приор. Говорят, там сегодня опять будут показывать Антиохийскую деву.

Перед глазами у Данте стоял труп Бигарелли с отрубленной головой. Не мог он забыть и роскошного и ужасного произведения мастера мертвых фигур. Вспоминал Данте и восковое лицо покоившейся в реликварии статуи и то, как она ловко изображала живое человеческое тело. Ум поэта упорно старался найти преступника среди гостей постоялого двора «У ангела». Он предпочел бы направиться туда, а не в мрачное аббатство, но что-то подсказывало Данте, что чудесная Антиохийская дева тоже каким-то образом замешана в преступлении.

— Скажите остальным приорам, что я не приду на совещание. У меня другие дела! — заявил Данте стражникам.

Церковь была уже полна народа. Данте снова пришлось проталкиваться сквозь толпу, чтобы добраться до того места у колонны, с которого ему было в прошлый раз все так хорошо видно. Балдахин для реликвария Бигарелли уже поставили перед алтарем. Кто-то уже раздвинул занавески, представив его взорам верующих. Однако монах еще не появился.

Поэт воспользовался передышкой, чтобы получше рассмотреть толпу вокруг себя. Она была какая-то не такая, как в первый раз. Известие о чудесной реликвии явно быстро распространилось по всему городу. Теперь вокруг поэта мелькали не только грубые лица простолюдинов и их серые одежды, но и разноцвет-

ные одеяния дворян и членов богатейших купеческих гильдий.

К самому алтарю пробилось множество больных и увечных. В одном углу поэт заметил темные одежды нотариуса, а рядом с ним белели зловещие рясы двух доминиканцев.

Поэт машинально спрятался за колонну. Тут могла появиться и инквизиция; известия о чуде, несомненно, вышли за пределы стен маленького аббатства!

В этот момент из задней двери нетопливым величественным шагом вышел монах Брандан. Двое мужчин несли за ним реликварий. Все произошло, как и в первый раз, но теперь толпу обуяло еще большее нетерпение. Она почти безумствовала. Уже повидавшие чудо были очень возбуждены; те, кто о нем только слышал, сгорали от нетерпения увидеть проявление Божественной Благодати, снизошедшей в крошечный ад их повседневного существования.

Тем временем реликварий открыли, и перед взглядами любопытствующих заблистала восковыми оттенками кожа Антиохийской девы. Через несколько мгновений, словно по команде монаха, дева медленно приподняла веки. Сначала заблистали белки глаз, потом появились голубые зрачки. Данте восхищался работой механизма, наверняка спрятанного в голове девы. Лишь очень совершенная машина могла так идеально имитировать медленное движение век. Если этот механизм действительно изготовил Аль-Джа-

зари, он заслужил свою славу. Заслуживал он за это приспособление и проклятия...

Внезапно Данте заметил в поведении механической куклы что-то новое и совершенно неожиданное. Ее нежная грудь дрожала, словно ее наполняли воздухом легкие. Казалось, Антиохийская дева действительно часто дышит, ощущая тревогу и беспокойство собравшейся толпы.

— Святую Землю Палестины слишком долго попирает пята язычника! — стала монотонно вещать Антиохийская дева. — Разве вы не слышите плач тех, кто, как и я сама, дорого заплатили за верность Господу Богу?!

При этом она обвела глазами толпу и простерла руку к безмолвствующему монаху.

— Разве вы не слышите глас Божий, призывающий нас устами святых угодников освободить землю, в которой родился и пострадал Иисус?!

Монах торжественно склонил голову.

— Беритесь за оружие и идите в Святую Землю! Жертвуйте на этот поход! Собирайтесь под знамена Христовы, пока еще не поздно и ваши души не ввергнуты в адское пламя за леность и нерадивость! — возопила реликвия страшным голосом.

Данте с трудом поборол желание упасть на колени. Ему показалось, что бледная кожа девы немного порозовела, словно от усилий к ней прилила кровь.

Грудь этого человеческого обрубка вздымалась теперь быстрее, чем раньше.

В этот момент торс девушки открыл рот, и Данте явственно увидел, как поднялась грудь, вбирая в себя воздух. Потом под сводами церкви вновь зазвучал громкий и звонкий голос. Дева пела латинский псалом.

Данте растерялся. Перед ним был явно не механизм. Даже гениальный Аль-Джазари не смог бы создать машину, столь правдоподобно изображающую человека.

Данте уставился на маленький столик с реликвией и на его тоненькую ножку. Было не понятно, как даже самый гибкий и ловкий человек может за ней спрятаться. Ящик же, в котором хранился реликварий, и его опора явно были пустыми. Поэт невольно разинул рот, как неграмотный крестьянин. Неужели действительно настало время чудес?! От этой мысли сердце Данте застучало быстрее. Толпа вокруг него упала на колени. У него самого тоже подгибались ноги.

Антиохийская дева пела приятным мелодичным голосом. Она чуть приподняла голову, словно отыскивая вдохновение где-то под потолком или не желая созерцать разбушевавшуюся толпу.

— Завтра мы будем записывать добровольцев под знамена Антиохийской девы! — воскликнул Брандан. — Соберайтесь с духом! Готовьтесь к нелегкому походу в земли неверных! Но не теряйте надежды! С нами Бог! В Риме, что на на-

шем пути, нас благословит сам папа римский, и Божественная Благодать снизойдет на нас, как Святой Дух на апостолов! Народ Флоренции, возлюбленное чадо Святой победоносной Церкви, верь в Антиохийскую деву!

Девушка в реликварии, словно в знак согласия, медленно кивнула головой, не отрывая взгляда остекленевших глаз от возбужденной толпы. Однако ее лицо помергло и покрылось едва заметными морщинками. Казалось, ужасная рана мучает ее, и она поморщилась, словно страдающая от возвращения на землю после непродолжительного разговора с небесными ангелами.

Монах, наверное, тоже прочел усталость на ее лице. Подойдя к ней, он ласково коснулся ее плеча. Казалось, для Антиохийской девы это был своего рода сигнал. Она тут же замолчала, закрыла рот и глаза, а потом медленно сложила руки на груди, словно защищая ее от того, что могло произойти в течение ожидавшего ее сна.

Поэту показалось, что полужакрытые глаза девы сверкнули странным огнем, словно та испытала сильную боль или глубокое отвращение, но его тут же отвлекло происходившее вокруг. Толпа в церкви наверняка прониклась словами девы и заволновалась. Мужчины и женщины, воодушевленные возможностью спасти собственные души, а заодно и Гроб Господень, пришли в крайнее возбуждение. Они что-то кричали, к чему-то призывали, во-

пили о том, что надо немедленно действовать. Казалось, многие из них уже знают, что надо делать и куда идти.

Тем временем поэт продолжал думать, пытаясь найти рациональное объяснение увиденному, но ему ничего не приходило в голову. Интуиция что-то ему шептала, но шепот этот был слишком неразборчив. И все-таки поэту хотелось понять, почему Антиохийскую деву показывают в деревянном ящике, а не просто на алтаре. — Может, ее прячут в ящик не потому, что боятся за нее, и не для того, чтобы ее украсить?

В ящике, конечно, очень мало места...

Данте очень хотелось сдатьсь и признать, что его ум не может понять, каким образом, — если не по воле Божьей, — женщина может жить без нижней половины тела. Однако его мучило подозрение, что ящик не просто украшение, а приспособление, закрывающее от толпы то, что она не должна была видеть.

Чтобы проверить обоснованность своих подозрений, Данте попытался было пробраться в один из углов церкви, но тут же замер на месте, заметив за боковой колонной сутаны притаившихся там доминиканцев, которые внимательно наблюдали за происходившим. Один из них — тощий, как смерть, с тонкими поджатыми губами — был сам Ноффо Деи — главный инквизитор Флоренции и старший шпион кардинала Акваспарты, представлявшего в родном городе поэта самого римского папу.

Внезапно поэт услышал чьи-то смешки. Кто-то пробормотал что-то сквозь зубы. Говорили и усмехались стоявшие перед Данте мужчины. Судя по одежде — богатые торговцы.

Поэту показалось, что один из них пробормотал слово «Тулуза». Как ни напрягал слух Данте, он не разобрал больше ничего, кроме обрывочных слов.

О чем они толкуют? Может, Брандана видели в Тулузе?

Озираясь по сторонам, Данте стал искать в толпе знакомые лица. Внезапно он увидел Арриго. Философ стоял у самых перил с таким рассеянным видом, словно приблизился к ним от нечего делать. Тем временем Брандан, вместо того чтобы — как в первый раз — тут же скрыться в маленькую дверь, остановился у кафедры, благословляя волнуемую толпу, а потом стал медленно двигаться туда, где стоя Арриго. У поэта сложилось полное впечатление, что продолжавший осенять собравшихся в церкви крестным знаменем Брандан успел перекинуться с философом парой слов.

Всего лишь парой. И очень быстро. Исподтишка. На манер нечистой силы.

Данте хотел было приблизиться, но Брандан уже отошел от Арриго. Тогда поэт направился к выходу.

У дверей его встретил стражник:

— Человек, о котором вы говорили, уже в тюрьме!

Данте содрогнулся. Вот идиоты! Он же приказал только задержать Фабио даль Поццо для допроса, а не бросать его в мрачные застенки!

Оттолкнув ничего не понимающего стражника, Данте распахнул двери и побежал к лестнице.

Наконец поэт добрался до низкой и узкой тюремной двери в мрачной стене без окон рядом с церковью Святого Симеона. Маленькие бойницы были только у башни. Из них, как с майского дерева, свисали ленточки и веревочки. Это умирающие от голода заключенные вывесили их в надежде, что какой-нибудь сострадательный человек подвесит на них корочку хлеба.

Во дворе тюрьмы несколько заключенных мыли дубленые кожи, расплескивая по камням вонючую воду из колодца.

Не увидев среди них того, кто был ему нужен, Данте торопливо заговорил, обращаясь к стоявшему тут же стражнику:

— Я флорентийский приор. Сегодня сюда доставили человека — торговца Фабио даль Поццо. Он мне нужен.

— Ваш приятель на дыбе. Палачи спускают с него шкуру, — ухмыльнувшись, заявил стражник.

— Немедленно проведите меня к нему, — задыхаясь от ярости, приказал поэт.

Ему было стыдно за то, что произошло, и он мысленно обещал себе, что кто-то дорого заплатит ему за это.

Смущенный гневным тоном поэта стражник провел его к деревянной лестнице, спускавшейся в сырой коридор, еле освещенный выходившими во двор узкими бойницами. В коридоре было тяжело дышать от смрада человеческих экскрементов. Поборов тошноту, Данте поднялся к одиночным камерам для самых опасных преступников и наконец добрался до довольно обширного помещения, из которого неслись продолжительные истошные вопли.

Глазам Данте предстал полуголый Фабио даль Поццо, согнувшийся в три погибели от невыносимой боли. Его руки были связаны за спиной веревкой, пропущенной в кольцо под потолком. Другой конец веревки держал один из двух находившихся в помещении палачей. Вот палач опять изо всех сил дернул за веревку, и его жертва заорала. За этой сценой наблюдал с довольным видом прислонившийся к колонне начальник городской стражи.

Несчастливого торговца так скрючило от боли, что он почти уткнулся в пол лбом. Данте бросился вперед и обеими руками потянул вниз ближайший конец веревки, чтобы облегчить мучения несчастного.

Почувствовав рядом с собой человека, Фабио даль Поццо поднял покрытое следами побоев лицо.

— Не надо! — собравшись с последними силами, пробормотал он. — Не надо...

Данте жестом приказал палачу отпустить веревку. Фабио упал на колени и залился слезами. От боли он искусал себе все губы.

Наклонившись ему к самому уху, поэт прошептал тихо, чтобы никто больше не слышал:

— Что вы знаете о купце по имени Риго де Кола и о его замыслах?

Фабио задрожал, и его измученное лицо исказилось от ужаса.

— Ничего!.. Клянусь, я ничего не знаю... — пробормотал он.

Данте вдруг захотелось приказать снова вздернуть Фабио даль Поццо на дыбу, но что-то в его поведении подсказывало поэту, что он не врет.

— А сооружение на землях Кавальканти? Это-ведь вы его построили? — наугад спросил поэт у Фабио, который тут же вздрогнул, тем самым дав Данте понять, что его догадки имели под собой почву.

— Нет, не я... Большое кольцо... Да, они о нем говорили, — залепетал несчастный, словно обрадовавшись, что ему наконец-то есть в чем признаться.

— Это все — они! — повторил он.

— А зачем им нужно было это там строить? Для чего?

Фабио затрясся от ужаса.

— Клянусь, я не знаю! Я слышал, как он говорил об этом с мастером. Риго должен был помочь мастеру все достроить. Они называли это кольцом. Мастер был

уже очень стар. Ему было не подняться на леса с отвесом... Потом мастера убили, и я уже ничего не понимал. Спросите лучше у Риго! Он все знает! А я просто ждал, когда за мной придут, а тут — это!..

— Риго убили, как и старого архитектора.

У Фабио зубы застучали от страха.

— Но я же ничего не знаю! Меня наняли в Венеции. Я должен был приехать во Флоренцию и остановиться на постоялом дворе «У ангела». Туда за мной должны были прийти. Я вообще все время ездил под стражей!..

— Как это — под стражей? — удивленно спросил Данте.

— До границы Венецианской республики меня довели ее воины. На землях Падуи мне приказали никуда не отставать от каравана купцов, идущего во Флоренцию. В этом караване я и познакомился с Риго из Колы. Но он был не купец. Это точно.

— Точно?

— Даже не сомневайтесь. Все они были не купцы, хотя и притворялись ими. На самом деле они больше походили на воинов. А их груз! На вид — тюки с сукном, а внутри...

— Что? Что вы видели?

— Переправляясь через одну реку недалеко от Болоньи, один мул поскользнулся и упал со своим тюком. В нем была не только шерсть. Там были и мечи, и наконечники для копий.

— А куда подевались эти люди?

— Не знаю. У стен Флоренции мы разошлись. Со мной поехал только Риго. Мне же еще в Венеции приказали поселиться на постоялом дворе «У ангела». Потом я должен был найти монаха по имени Брандан. И помогать ему.

— В чем именно помогать?! — воскликнул ошеломленный Данте.

— Не знаю! Он должен был мне сам все сказать, — простонал Фабио. — Я должен был помочь ему своими знаниями...

— Какими знаниями? — заинтересовался поэт. — А вы случайно не механик? Это вы сделали механическую деву?

— Да нет, конечно! — вроде бы с неподдельным удивлением воскликнул Фабио. — Я занимаюсь совсем другим. — Я ведь тоже ученый. Вроде вас, — добавил он почтительным тоном. — Я математик. Моя специальность — отношения между дробными числами на основе трактата великого Фибоначчи...*

— Леонардо Фибоначчи, который раскрыл императору Фридриху секрет математики сарацин?

— Да, да... — У Фабио дрожал голос. Казалось, он боялся, что Данте ему не поверит. Он шевелил головой, как животное, не знающее, с какой стороны лучше лизнуть руку хозяина. — Они лишь один раз разоткровенничались и сказали, что в нашем кольце спрятано сокровище.

* Леонардо из Пизы по прозвищу Фибоначчи (1180—1240) — самый значительный математик Средневековья.

Данте задумался. А вдруг сокровища императора действительно скрыты во Флоренции, и чтобы их обнаружить, требуются сложные математические расчеты?!

Поэт сурово взглянул на математика.

— Да, именно так! Сокровище! — воскликнул ободренный его вниманием Фабио. — Между фетром и фетром...

— Между фетром и фетром? — Данте задумчиво теребил нижнюю губу, а Фабио впился взглядом ему в лицо, пытаясь прочесть свою участь.

— Что вы еще знаете? — встрепенувшись, спросил поэт. — Выкладывайте все!

— Больше ничего! Клянусь! Я только украл...

— Что?!

— Из комнаты Брунетто... Когда я увидел, что его убили, я не удержался... У него были прекрасные инструменты: циркуль и огромный золотой отвес... Старинные инструменты...

— А где его бумаги? Где план строения?

— Не знаю! Когда я вошел к нему, там было все разбросано. А он сидел там... В крови... Без головы... Но больше там ничего не было! Только инструменты! Клянусь!

Данте готов был ему поверить. Выходит, убийца не заинтересовался дорогими инструментами, но унес бумаги. Значит,

эти бумаги дороже золота!.. Сокровище...
Между фетром и фетром...

— Развяжите этого человека! — приказал Данте стражникам.

Начальник стражи удивленно выпучил глаза, но кивнул своим людям, и те бросились выполнять приказание приора.

Пока они возились с веревками, капитан приблизился к поэту.

— Но ведь этот мошенник повинен в краже! Он же сам во всем признался! Кроме того, он, кажется, знает, где скрыто какое-то сокровище! — прошипел начальник стражи, вращая алчно вспыхнувшими глазками. — Может, вздернуть его на дыбу, и он расскажет нам, где оно спрятано?

Раздосадованный тем, что начальник стражи все услышал, Данте пригвоздил его гневным взглядом к полу. Он не сомневался, что этот чурбан понимает в происходящем намного меньше, чем он сам, и лучше бы было, если бы он не совал всюду свой нос.

Развязанный Фабио даль Поццо рухнул на пол. Данте с содроганием подумал о том, в какое пугало превратилось правосудие, на которое должен был уповать каждый флорентиец. О чем говорит признание, вырванное огнем и дыбой, если не о неспособности блюстителей порядка сделать правильные выводы и найти неопровержимые доказательства с помощью логики! Стыд и позор тем, кто доводит людей до такого состояния, ка-

кой бы ни была степень виновности подвергаемых пытке!

— Отпустите этого человека! — приказал поэт. — А вы, Фабио, возвращайтесь на постоянный двор и ни в коем случае не выходите оттуда. Пожертвуйте на строительство собора похищенные вами дорогостоящие инструменты и оставайтесь во Флоренции, пока я не скажу вам, что вы можете ее покинуть. Однако я хочу, чтобы вы сделали для меня еще одну вещь, — добавил Данте, поднимая Фабио, бросившегося лобызать его ноги.

Достав из сумки сложенный вдвое лист бумаги и кусочек угля, поэт разложил бумагу на грубом деревянном столе и протянул уголь математику.

— Надеюсь, вы можете пользоваться правой рукой. Соберитесь с силами и нарисуйте план сооружения, которое строили Риго и Брунетто.

Прищурив подбитые глаза, математик с трудом собрался с мыслями и начал дрожащей рукой рисовать на бумаге.

Постепенно перед глазами Данте возник большой восьмиугольник, окруженный по углам восемью маленькими восьмиугольниками.

помощью циркуля Данте начертил девятую окружность.

— Вот Главный круг, приводящий в движение все небесные сферы, — пробормотал он себе под нос. — Об этом писал сам Птолемей.

А дальше...

Поэт поднес поближе к глазам геометрически безупречный чертеж небес — творение великого Птолемея.

— А дальше... — вновь пробормотал Данте и прикусил нижнюю губу. Он чувствовал смятение в мыслях, словно его мозг затопила усталость прошедшего дня. Поэт потянулся и протер себе глаза, пытаясь побороть оцепенение.

Заскрипела дверь. Появился начальник стражи, опасливо обратившийся к сидевшему за письменным столом Данте.

— Вы меня звали?.. А это что? Опять ваше колдовство?! — воскликнул он, указывая пальцем на изображенные поэтом концентрические круги..

— Это *рундстум аекуанс*, капитан. Геометрический центр всех орбит, — помор-

щившись, пояснил Данте. — Впрочем, небесная механика наверняка не входит в сферу ваших интересов... Мне нужна стража.

— А куда это вы собрались? — спросил капитан. — Уже поздняя ночь!

Данте покосился на темно-фиолетовое небо, на котором сверкала ослепительная Венера, и повернулся к капитану. Тот, не услышав ответа, съёжился под ледяным взглядом поэта, втянув голову в плечи так, что она почти утонула в доспехах.

— Я должен это знать, чтобы распорядиться...

— Сегодня ночью мы проникнем в одну церковь, — отрезал поэт.

— В церковь?! — заволновался начальник стражи. — Церковь место святое. Я не имею права туда вторгаться! Да и вы — тоже! Чего это вам взбрело в голову?!

С трудом сдержав поток проклятий, Данте промолчал.

А ведь капитан прав! Вторжение в храм может повлечь за собой самые непредсказуемые последствия. Зачем давать священнослужителям повод ополчиться на городские власти?..

— Возможно, вы правы. Я подумаю над вашими словами.

Наверное, лучше сначала пойти туда одному. Тем более что «чудом» Антиохийской девы уже заинтересовалась инквизиция, которую наверняка интересует только ересь, предположительно сокрытая в нем!

Данте же волновало совсем другое...

Почему произведение убитого Бигарелли появилось во Флоренции именно в день его убийства? Есть ли какая-то связь между этими событиями?

А связь, конечно, должна существовать! Таких совпадений просто не бывает!

Положив в сумку свечу и огниво, Данте направился в монастырскую конюшню в поисках других инструментов, которые могли ему пригодиться.

Покопавшись в углах, он нашел два ломика, которыми кузнецы сдирали с копыт истоптанные подковы, сунул их в сумку и быстро пошел прочь.

Данте добрался до аббатства после того, как прозвонил колокол, запрещающий флорентийцам высовывать нос на улицу после захода солнца. Стемнело. На Флоренцию спустилась липкая ночная сырость. Оживленные днем улицы находились далеко от аббатства, и сейчас здесь не светило ни одного огонька. Однако при свете полной луны Данте легко нашел дорогу.

Аббатство выходило фасадом на узкую улочку. С другой стороны шли глухие стены фруктовых садов. Позади аббатства возвышались мрачные глыбы домов рода Кавальканти. У них в окнах тоже не было света. Можно было подумать, что семейство Кавальканти вымерло после кончины главы рода и изгнания Гвидо.

Данте подошел к дверям аббатства и толкнул их. Толстые дубовые двери даже не пошевелились. Данте налег на них плечом. Они задрожали. Скорее всего, их заперал изнутри массивный железный засов. Этого следовало ожидать! Бесценную реликвию хранят за семью замками!

Стена аббатства была совершенно гладкой. До видневшихся высоко над землей узких окон — не добраться! Не долезть и до большого окна в форме розы над дверями. Внутрь здания смог бы сейчас проникнуть разве что только хитроумный Одиссей!

Поэт лихорадочно рылся в памяти, пытаясь вспомнить, что в таком случае делали другие герои, но в приходивших ему на ум книгах ничего об этом не говорилось.

Хорошо бы найти деревянные козлы! Или обнаружить тайную тропу, которая привела бы его в цитадель противника с тыла, как персов при Фермопилах или римлян при осаде Сиракуз. Наверняка же есть какая-то другая дверь, которой пользовались монахи, чтобы незаметно покидать аббатство и проникать в него!

Пройдя вдоль фасада, Данте углубился в совсем узкий переулочек справа. Там, примерно посередине стены, он действительно обнаружил маленькую дверцу в грубой арке из сероватого гранита. Возможно, когда-то это и был главный вход в аббатство, но затем тщеславие побудило монахов выстроить более помпезный фасад.

Дверца тоже была закрыта, но дерево уже изрядно прогнило. Данте подцепил ее косяк ломиком и поднажал. Деревянный засов жалобно затрещал, и дверца отворилась.

Внутри церкви никого не было видно. Колонны отбрасывали на пол лабиринты теней в лившемся из окон лунном свете. Данте на цыпочках пошел в сторону апсиды, где на фоне каменных стен выделялся ящик с реликварием.

Поэт снял с ящика расшитое покрывало, но оказалось, что под ним ящик обмотан железной цепью.

Данте принялся было ломать ее замок, но внезапно опустил руки. Его охватила тревога. Перед его глазами вновь возникло невероятное чудо, свидетелем которого он стал в этом храме. Поэт понимал, что бросает вызов самому Господу Богу. Причем совершенно один. Сегодня ночью вокруг него не было многолюдной толпы.

Но отступать слишком поздно!

Желая любой ценой проникнуть в суть чуда Антиохийской девы, Данте принялся разгибать звенья железной цепи, оказавшиеся крепче, чем можно было подумать. Наконец одно звено лопнуло. Сняв с ящика цепь, поэт справился с последним приступом робости и решительным жестом открыл крышку.

Ящик был пуст. Там стоял лишь покрытый материей столик на одной ножке. Данте одновременно ощутил облегчение и разочарование.

Выходит, эта реликвия настолько ценна, что ее не решаются оставить даже в замотанном цепью ящике в запертой церкви!

Подняв со столика ткань, Данте обнаружил в столешнице круглое отверстие, сквозь которое были видны стенки ящика. Поэта вновь стали обуревать так до конца и не покинувшие его сомнения.

Это отверстие вполне может развешать чудо! Вторая половина тела девушки могла находиться под столом. Но почему же под столом ничего не было видно?!

Данте разжал пальцы. Материя упала в круглое отверстие и внезапно исчезла...

Куда она пропала?! Она должна лежать здесь — под столом! Почему же ее не видно?!

Данте всерьез задумался о том, все ли у него в порядке с глазами. Потом ему стало страшно.

Никто не умеет отводить глаза лучше самого Дьявола! Низвергнутый со сверкающего купола небес Люцифер — властитель дольного мира зыбких видений.

Поэт сунул руку под стол, но она наткнулась на невидимую преграду.

Неужели под столом кто-то прячется?!

Данте вздрогнул и отдернул руку, словно опасаясь, что ее сейчас схватят.

Внезапно перед ним — как перед новым Нарциссом — откуда-то из пустоты возникло его же собственное лицо.

Протянув вперед дрожащую руку, Данте нащупал холодную гладкую поверхность. Зеркало!

С другой стороны было второе зеркало. Зеркала стояли под прямым углом друг к другу. Место их соединения скрывала ножка стола.

Немного подумав, Данте усмехнулся. Как и при любом другом великом обмане, здесь все было очень просто. Размещенные таким образом зеркала образовывали скрытое от посторонних взглядов пространство, в котором и находилась нижняя часть тела девушки. Зрители же видели в зеркалах не дно ящика, а его стенки, ничем не отличавшиеся от дна.

Поэтому-то Антиохийскую деву и выставляли в ящике. Он не предохранял бесценную реликвию, а скрывал боковины стола.

Данте покатился со смеху, вспомнив благородное лицо Арриго.

Жадный до денег мошенник Брандан провел даже мудрого философа, как неграмотного крестьянина!..

В этот момент Данте слышался какой-то шум. Обернувшись, он увидел, как отворилась дверь ризницы, и из нее под своды церкви скользнула чья-то тень.

Пока этот человек, кажется, не заметил скорчившегося за ящиком Данте, но шел

прямо к апсиде. Из двери ризницы лился тоненький лучик света, и поэт в тревоге задумался, не сидит ли там еще кто-нибудь.

Решив действовать внезапно, Данте сжал в кулаке ломик, которым взломал дверь аббатства, и выскочил из-за ящика:

— Стой и не звука, а то я размозжу тебе голову!

Незнакомец сдавленно вскрикнул и надвинул себе на глаза капюшон. Другой рукой он запахнул на груди плащ. Данте бросился вперед и сорвал у него с головы капюшон. На мгновение перед глазами поэта мелькнуло лицо монаха Брандана, которое тут же преобразилось.

Ошеломленный поэт понял, что сорвал вместе с капюшоном высокий лоб обманщика — раскрашенный кусок пергамента, из-под которого на его настоящий низкий и покатый плебейский лоб упала копна волос.

Брандан тоже растерялся. Выражение его лица менялось с такой скоростью, словно Данте листал «Метаморфозы» Овидия. Казалось, лицо Брандана — театральная сцена, на которую выходят демоны в разных масках: испуганный пилигрим, благочестивый отшельник, суровый аббат, безмозглый придворный, грубый вояка, расторопный купец. Брандан, наконец, не мог решить, какую личину нацепить на себя в сложившейся ситуации.

При этом он начал пятиться к дверям ризницы. Данте прыгнул вперед, чтобы

отрезать ему путь к отступлению. Монах заметался, огляделся по сторонам, разыскивая иной путь к бегству, и внезапно опрокинул прямо на голову Данте один из высоких подсвечников. Поэт увернулся и в свою очередь попытался заехать ломиком Брандану по ноге. При этом он все время косился на дверь ризницы, опасаясь появления новых противников. В полумраке церкви ему показалось, что из ризницы кто-то выглядывает, и он бросился туда. Брандан прыгнул в другую сторону.

Из дверного проема возникла женская фигура, освещенная лунным светом. Данте хорошо различал ниспадавшие ей на плечи волны светлых волос, сверкавших, как снег на горных вершинах.

Тем временем Брандан, вместо того чтобы бежать к ризнице, скрылся за алтарем. Данте подумал, что оттуда он никуда не денется, но на всякий случай загородил собой путь к боковой дверце.

Монах не появлялся. Данте подумал, что Брандан скорчился за алтарем и направился прямо туда. Однако, к его удивлению, за большим каменным жертвенником никого не оказалось. Монаха и след простыл. Под сводами церкви еще отдавался звук его шагов, но поэту было не определить, откуда они доносятся.

Растерянно оглядываясь по сторонам, Данте пытался понять, куда скрылся Брандан, но пока был уверен лишь в том, что монах не мог незамеченным проскользнуть к дверце рядом с алтарем —

единственному пути из церкви. Потом Данте заметил в глубине апсиды высокие и узкие строительные леса, поднимавшиеся почти до самых окон в верхней части стены. Два окна уже украшали разноцветные витражи, а третье еще зияло пустотой. Очевидно, мошенник вскарабкался наверх, чтобы вылезти на крышу.

Выругав себя за то, что не заметил леса раньше, Данте бросился к ним. Выходит, Брандан решил скрыться по крышам, а не по улицам, где его мог задержать патруль стражи!

И действительно, леса, опиравшиеся на шесты, связанные пеньковыми канатами, раскачивались словно под весом карабкавшегося на них человека. На самом верху лесов лежали доски, выходявшие прямо в одно из окон, через которое можно было вылезти на крышу. Данте полез наверх. Наверху, под самыми сводами церкви, все звуки усиливало гулкое эхо, и поэту все время казалось, что вокруг него кто-то есть, хотя сам он никого и не видел.

Данте оглядывался по сторонам, стараясь разглядеть в полумраке своего противника. В этот момент леса вновь так качались, что поэт чуть не свалился вниз. Выругав нерадивых мастеров, возведших это хлипкое сооружение, он схватился за канат. Затем, собравшись с последними силами, он вскарабкался на самый верх и побежал по доскам туда, где, по его расчетам, должен был прятаться Брандан. Впрочем, поэт скоро понял, что снизу

было плохо видно, и на самом деле леса стоят на приличном расстоянии от окон, до которых с них не допрыгнуть.

Заметив впереди тень, Данте остановился, схватившись за верхушку одного из столбов. Внезапно его оставили силы. В пылу погони он не чувствовал усталости, но сейчас ему было никак не перевести дух. У него подгибались колени. Леса продолжали качаться. У Данте закружилась голова. Ему стало так плохо, что он закрыл глаза. Это конец! Если он сам не свалится вниз, его зарежет Брандан!

Впрочем, постепенно поэт пришел в себя. Колени перестали дрожать, и голова прояснилась. Монах наверняка караулит его в самом конце этой узкой дороги из досок, готовый броситься на него, как только он сделает неосторожное движение! Конечно же, Брандан считает себя более ловким, чем поэт, и ждет от него какого-нибудь промаха.

Внезапно до Данте дошло, что он оставил внизу ломик. Поспешно сунув руку под одежду, он вытащил спрятанный там кинжал и выставил его вперед с видом новобранца на учениях.

— Бросай оружие, или я тебя заколю! — крикнул поэт в темноту перед собой.

Брандан не выдал себя ни одним движением. Внезапно Данте услышал где-то далеко у себя за спиной уже знакомый мелодичный голос:

— Не убивайте его, мессир! Я вас умоляю!

Вздвогнув, Данте понял, что это вещает Антиохийская дева, задрожал и обернулся, но никого не увидел.

Чуть не взревев от ярости, поэт понял, что монах-чревовещатель вновь его провел. В этот момент рядом с ним мелькнула чья-то тень, и из глаз у него посыпались искры, как от сильного удара. Данте упал на колени и чуть не потерял сознание.

Лишь через несколько мгновений поэт сумел открыть глаза, но Брандана, конечно, уже и след простыл. Собравшись с силами, Данте стал оглядываться по сторонам, но никого не увидел.

Куда же делся монах?! Неужели он сумел выскочить в окно?! Нет, невозможно! В лунном свете, лившемся из этого зиявшего в стене отверстия, поэт видел, как далеко отстоит оно от лесов. Неужели Брандан не только может прикинуться кем угодно, но и способен становиться невидимым?!

А может, поэту все померещилось? Ведь что он, собственно, видел? Да ничего! Он ни разу как следует не разглядел монаха на лесах, а бросился наверх в погоню за шумами и отголосками эхо... А что, если Брандана вообще не было на лесах? Может, он исчез, используя очередную из трюков, какими провел толпу, разинув рот взиравшую на Антиохийскую деву?

Данте осторожно спустился вниз и сразу побежал в ризницу, но и там нико-

го не было. В одном из ее углов была каменная лестница, наверняка ведущая в монашеские кельи. Сверху виднелись отблески света, как от свечи или от факела. Данте побежал вверх по ступенькам.

Быстро пробежав по коридору, поэт заглянул в каждую из пустовавших келий и наконец ворвался в последнюю с кинжалом наготове.

Эта келья не пустовала. У самой дальней стены застыла женщина, чью фигуру Данте уже видел в полумраке церкви. В ее глазах был страх. Она заломила руки и тяжело дышала, словно в келье было невыносимо душно.

Данте тоже замер на пороге, с трудом переводя дух. При виде женщины он опустил кинжал. Она была одного с ним роста. Ее кожа была очень бледна. На ее лице светились голубые глаза.

Поэт узнал лицо, которое видел в реликварии, хотя там оно и было покрыто слоем светящегося грима, похожего на воск. Подняв руку, он прикоснулся к щеке женщины и ощутил теплую кожу. Нет! Это не маска!

До самой талии тело женщины закрывали густые и длинные волосы, такие светлые, что казались седыми, как у старухи. Однако перед Данте явно была молодая девушка. На самом деле ее волосы были живыми и пышными, как у юного ангела. Поэт узрел в красоте представшего его глазам создания что-то неземное. Такая женщина легко могла приковать к

себе безумной любовью, околдовать, погубить... Теперь Данте чувствовал себя таким же растерянным, как и в первый раз в присутствии чуда Антиохийской девы.

Женщина словно окаменела. Лишь в ее глазах можно было прочесть ужас, во власти которого она находилась. Несколько раз она открывала рот, словно силилась что-то сказать.

Данте осмотрелся по сторонам. Вот же оно — главное действующее лицо невероятного чуда! В голове поэта роились сотни вопросов, но здесь было неудобно и неуместно их задавать. Данте уже подумывал, не связать ли чем-нибудь женщину, пока она не ускользнула по примеру Брандана, но та и не думала двигаться с места.

— Откуда ты? — с трудом переводя дух, спросил поэт, но женщина лишь покачала головой.

— Как тебя звать? — женщина опять замотала головой и поднесла руку себе к горлу.

— Не хочешь мне говорить? А ведь придется!

Женщина открыла рот, но так и не произнесла ни одного членораздельного звука. Она лишь замычала, вновь покачав головой. Потом она схватила поэта за руку и стала постукивать пальцами ему по ладони.

После мгновенного замешательства Данте все понял. Он знал, что немые общаются друг с другом знаками, которые

придумали для них цыгане, часто использующие этих несчастных как попрошайек.

— Так, значит, ты немая... — растерянно пробормотал Данте. — Но как же тогда?..

А ведь он слышал, как она неземным голосом распевала псалмы в церкви! А может, и это был обман? Как и слезная просьба, донесшаяся до него снизу. Значит, Брандан действительно чревоушатель!

Поэт, кажется, придумал, что делать дальше. Осторожно освободив руку, он сказал: «Закрой лицо и следуй за мной!» и пошел к двери.

После мгновенного колебания девушка последовала за ним. В ее глазах больше не было смертельного ужаса, теперь она походила на растерянное животное, не понимающее, куда бежать. Дрожащими руками она закутала лицо в свисавшее у нее с плеч покрывало. Внезапно она протянула руку поэту, словно вверяясь ему, как проводнику.

Осторожно выглянув за дверь, Данте убедился в том, что на улице никого нет. Флоренция погрузилась во мрак. Со стороны Арно пришел сырой удушливый туман, но луна светила достаточно ярко.

Данте и его спутнице предстоял неблизкий путь туда, где за пределами городских стен у церкви Санта Мария Новелла начинались луга. Городские ворота уже были на замке, но поэт не сомневался в том, что ему их отпрут, и даже был готов поощрить за это стражу деньгами.

Оглядев девушку с головы до ног, Данте убедился в том, что ее стройное тело выглядит достаточно крепким, и она вряд ли быстро свалится с ног от усталости. Внезапно поэт вспомнил, что у начальника стражи есть повозка, и жестом приказал девушке следовать за ним в сторону Дворца Приоров.

Они шли по узкой улочке к реке. Вдали уже показались факелы на мосту Понте Веккьо. Данте все время казалось, что из окон и с крыш за ними кто-то подглядывает, но, скорее всего, ему это только мерещилось. Поэт устал. Его лихорадило, и он обливался потом. Наконец они добрались до ворот монастыря Сан Пьеро, у которых дремали двое стражников. Услышав шаги, они встрепнулись и вскочили на ноги с копьями наготове.

— Это я — приор! — рявкнул Данте, подставив лицо свету факела. — Пропустите!

Немного поколебавшись, стражники посторонились. Данте заметил их усмешки при виде женской фигуры. Впрочем, ее появление их, кажется, не очень удивило. Судя по всему, и других приоров по ночам частенько посещали женщины.

На другой стороне двора Данте пошел к крытой галерее. Насколько он помнил, там должны были находиться двухколесная повозка и лошадь. Обнаружив и то и другое, поэт без особых усилий запряг лошадь в повозку.

Они выехали со двора, провожаемые сальными ухмылками и удивленными взглядами так ничего и не понявших стражников. Девушка сидела рядом с Данте и не шевелилась. Внезапно у Данте опять страшно заболела голова, и потемнело в глазах. Ночная беготня и нервное напряжение разбудили в его теле притихший было недуг. Скрипнув зубами от боли, Данте молил Бога о том, чтобы поскорее доехать до цели.

аконец поэт остановил повозку у дверей публичного дома, именуемого «Рай», в котором безраздельно господствовала мона Ладжа. Это была древняя римская вилла, когда-то стоявшая далеко за городом, но теперь новые городские стены из красноватого кирпича строились совсем рядом.

Впрочем, во дворе виллы все было как всегда. Там царила тишина, лишь изредка нарушавшаяся смехом из окон первого этажа. Убедившись в том, что лицо его спутницы спрятано под покрывалом, Данте направил повозку к древнему бассейну для сбора дождевой воды, из которого теперь утоляли жажду лошади клиентов публичного дома, долбя копытами мозаичный пол, изображавший корабль в окружении дельфинов. Здесь все постепенно разрушалось. Теперь тени патрициев, некогда обитавших на этой вилле, лишь изредка возникали в самых далеких и темных уголках двора, заросших сорными травами.

Данте со спутницей уже почти дошли до главной лестницы, когда до него донесся насмешливый голос:

— Что я вижу, приор! Раньше вы приезжали ко мне за женщинами, а теперь решили их ко мне приводить? Вам что, мало вашей маленькой Пьетры?

Данте покраснел и обернулся. Из-под колоннады вышла крикливо одетая женщина, не сводившая с поэта дерзкого взгляда.

— Сейчас я здесь не за этим, Ладжа. Я помню, что у тебя работает одна немая. Она знает язык знаков? Эта женщина тоже немая, — объяснил Данте, указав на свою молчаливую спутницу. — Надо, чтобы твоя немая с ней поговорила. Моя спутница — благородного происхождения, и нельзя, чтобы кто-нибудь ее здесь видел.

— А чего это она так закутана, как прокаженная? — подозрительно спросила Ладжа и попятилась.

— Никакая она не прокаженная! Делай, что я тебе велел. И пошевеливайся!

Мона Ладжа немного подумала, а потом повернулась к комнатам своих девушек и крикнула: — Пьетра! Иди сюда!

— На что не пойдешь ради постоянного клиента, — усмехнувшись, пробормотала хозяйка публичного дома.

Из окна высунулась девушка и, увидев Данте, капризно поморщилась.

— Найди мне немую и приведи ее ко мне! — приказала мона Ладжа Пьетре, которая молча кивнула и скрылась.

— Что ж, ведите за мной вашу даму благородных кровей, — ироничным то-

ном сказала мона Ладжа поэту. — А что это вы все время появляетесь у меня по ночам? Ваша супруга Джемма явно нечасто вкушает сладость брачного ложа. И как это вы умудрились наделать ей детей?.. Впрочем, мои девушки умеют ублажать мужчин лучше, чем жены флорентийцев. Это известно всем...

— Хватит болтать, — злобно прошипел Данте.

Мона Ладжа расхохоталась и хлопнула в ладоши.

— Да вы же посвятили свои любовные вирши сотне разных красавиц, а супруге — ни одного-единственного стишка! Таким, как вы, лучше вообще не жениться, ведь вы же не в состоянии обуздать свой детородный орган! — хихикнула она и отпрыгнула в сторону от двинувшегося на нее со сжатыми кулаками поэта.

Через некоторое время в комнате Ладжи появилась Пьетра. За ней шла испуганного вида девушка, такая бледная, словно никогда не выходила на свежий воздух из комнат публичного дома.

Пьетра не удостоила Данте даже взглядом.

— Вот немая Мартина, — сказала она своей хозяйке.

Мона Ладжа с вопросительным видом повернулась к поэту.

— Пусть она спросит у этой женщины, кто она такая и зачем приехала во Флоренцию?

Тщательно выговаривая каждое слово, мона Ладжа повторила вопросы Данте немой Мартине. Та явно могла читать по губам и закивала, а потом схватила женщину с лицом, закрытым покрывалом, за руку и стала выбивать какой-то загадочный ритм пальцами у нее на ладони.

Данте с огромным интересом наблюдал за этой сценой, пытаясь понять, что она ему напоминает. Ему даже стало как-то неудобно, словно его поймали подглядывающим за секретничающими женщинами. А может, Парис, призванный рассудить спор богинь, испытывал такое же смущение? Впрочем, теперь речь шла не о женской красоте, а о мучившей поэта загадке...

Казалось, Пьетра тоже пристально следит за немыми, но Данте заметил краем глаза, что она то и дело озирается по сторонам и исподтишка поглядывает на него.

Женщина с закутанным лицом в свою очередь начала чертить пальцами загадочные знаки на ладони Мартины. Наконец немая проститутка подняла голову и что-то промычала Пьетре.

— Что? Что она говорит? — в нетерпении воскликнул поэт.

Пьетра презрительно усмехнулась:

— Да ваша подружка совсем не благородная. Кажется, ее дядя простой монах. Ее зовут Амара. Она француженка. Из Тулузы.

— А зачем она здесь?

— Мартина не очень хорошо поняла, — неуверенно сказала Пьетра. — Мартине показалось, что она сказала «ради мечты императора». А точнее, «ради последней мечты императора».

— Какого еще императора?! — встревоженно вмешалась мона Ладжа. — Кого это вы притащили в мой дом?!

Не обращая на нее внимания, Данте задумался об услышанном.

— Спроси ее о зеркалах! — наконец потребовал он от Пьетры.

Удивленная молодая проститутка что-то промычала своей немой подруге, а та, в свою очередь, стала водить пальцами по ладони Амары.

— Она говорит, что по дороге — в Венеции — их научили колдовать, — с не очень уверенным видом перевела Пьетра мычание Мартины.

— Колдовать?! — воскликнула не находившая себе места мона Ладжа и перекрестилась.

Данте повернулся к ней со сжатыми кулаками, но в этот момент Мартина еще что-то промычала.

— Что она говорит? — заинтересовался поэт.

— Ничего! — устало поморщившись, отрезала Пьетра, не сводя при этом с поэта своих ярко-зеленых глаз. — Вы думаете, ее мычание так просто понять? Поговорите-ка с ней сами!

Пожав плечами, поэт на мгновение задумался, а потом взял немую французенку за руку и потащил к двери. У них за спиной возбужденно шушукались женщины.

Амара едва волочила ноги. Попробовав взобраться на повозку, она сорвалась и свалилась вниз. Данте едва успел подхватить ее под мышки. Помогая ей взобраться наверх, он прижался лицом к ее нежной спине. Его ноздри наполнили странные едва уловимые запахи. Он задрожал.

Девушка откинулась на спинку сиденья. Покрывало сползло с ее лица, сверкавшего в лунном свете неземной белизной. Сквозь легкую ткань одежды были хорошо видны линии соблазнительного тела — округлые бедра, длинные ноги. Она тяжело дышала полуоткрытым ртом.

Данте отдернул руку, которая сама потянулась к девушке. Неужели он позволит плотским желаниям побороть свой разум?! Как же велика сила Эроса, если одна мысль о сулимых им наслаждениях заставляет забыть обо всем остальном?!

Смущенный собственными чувствами, поэт собрался было хлестнуть лошадь, когда внезапно раздались чьи-то шаги. К нему молча бежала Пьетра. При этом она настороженно оглядывалась по сторонам, словно боялась, что ее увидят.

Натянув поводья, Данте удержал движущуюся вперед лошадь.

Тем временем Пьетра схватилась за повозку обеими руками, словно желая ее удержать, и покосилась на завернувшуюся в покрывало немую Амару. Потом она еще раз обернулась и, встав на цыпочки, зашептала поэту в ухо:

— Берегись этой женщины!

От молодой проститутки пахло вином, но Данте показалось, что она говорит дружелюбнее обычного, почти с симпатией в голосе.

— Пьетра... — начал было поэт, но девушка махнула на него рукой и отшатнулась от повозки.

— Берегись! — повторила она на этот раз привычным презрительным тоном. — Она — совсем не то, что кажется.

— В каком смысле?

Пьетра исподлобья покосилась на немую, безвольно откинувшую голову на спинку сиденья, а потом разразилась хорошо знакомым Данте вульгарным хохотом.

— Ты сам все поймешь! Еще как поймешь! — крикнула она и бросилась назад к дверям публичного дома с таким видом, словно уже жалела о своем поступке.

Данте растерялся, а его спутница постепенно приходила в себя и время от времени поглядывала на него поверх покрывала, которым вновь закутала себе часть лица.

Разумеется, поэт не мог отвезти ее во Дворец Приоров. Ему даже захотелось поехать обратно в публичный дом и по-

просить мону Ладжу приютить девушку на некоторое время. Однако в этом случае о существовании немой француженки все тотчас бы узнали. Данте же сначала хотел разгадать ее тайну и понять, как она связана с загадочными убийствами.

Наверное, лучше всего вернуться в аббатство. Там Амара будет прятаться и дальше, а поэт поймает Брандана, как только он там появится!

зав Амару за руку, Данте про-
вел ее внутрь аббатства через
взломанную им ранее дверь.
Пальцы девушки согрелись у
него в руке. Теперь она шла
за ним не как несчастная
пленница, а сжимала его руку
в своей, словно была его возлюбленной.

Поэт повел ее вдоль колонн к двери за
алтарем, но не прошли они и нескольких
шагов, как он толкнул Амару за ближай-
шую колонну и спрятался там рядом с ней.
Прямо перед ними кто-то бродил по церк-
ви, словно что-то разыскивая. Незнакомец
приближался, и Данте схватился за кинжал,
подозревая, что это вернувшийся Брандан.

Поэт уже собирался броситься на мо-
наха, как вдруг луч лунного света упал на
лицо незнакомца.

— Чекко! — воскликнул Данте. — Что
ты здесь делаешь?!

Чекко Ангольери подскочил на месте
от неожиданности и замер. Впрочем, он
тут же пришел в себя, и его лицо озарила
привычная насмешливая улыбочка. Под-
няв голову, он демонстративно огляделся
по сторонам.

— Говорят, здесь творятся чудеса. Вот я и хотел их увидеть. Вам, флорентийцам, страшно везет. Господь Бог своею рукою пишет страницы истории вашего города. Да если с неба во всем мире польется жидкий навоз, у вас он все равно будет благоухать розами!

Побледнев от ярости, Данте схватил сиенца за одежду:

— Так ты приехал издеваться над моими согражданами вместе с этим мошенником Бранданом! От тебя только и жди какой-нибудь подлости!

Осторожно взяв Данте за руки, Чекко Ангольери потихоньку высвободил от их хватки свою одежду.

— Уверяю тебя, я пришел сюда, чтобы приобщиться к чуду и должным образом настроить мою душу перед посещением града Святого Петра!

— Врешь! Говори, что здесь делаешь? — настаивал Данте.

Чекко помрачнел. Он переводил взгляд с Данте на женщину и обратно, словно прикидывая, как лучше вести себя дальше.

— Да ничего... Я только искал... — смущенно пробормотал он, потупив голову.

Потом он внезапно вздернул подбородок, с вызывающим видом взглянул Данте прямо в глаза и пробормотал:

— Значит, теперь ты все знаешь...

Некоторое время Данте и Чекко хранили молчание, пытаясь испепелить друга друга взглядами.

— Ну и что? — заговорил наконец Чекко. — Вот я бы ни за что не согласился управлять людишками твоего жалкого города от лица торгашей и прочих обманщиков... У меня больше нет денег, а в Сиене моя партия ведет войну со своими противниками. А без денег войну не выиграть. Что же, прикажешь мне идти побираться на паперть?

— Тебя сегодня же бросят в тюрьму.

Сиенец на мгновение побледнел, но тут же обрел часть своей привычной непринужденности.

— Да ладно тебе, Данте! Ты что, посадишь в тюрьму своего соратника? Неужели ты не помнишь, как я прикрывал тебе спину в сражении при Кампальдино?

— Твою спину при Кампальдино я хорошо помню. Ты уносил ноги быстрее всех.

— Выходит, ты бежал сразу за мной?

Данте тяжело вздохнул и сокрушенно покачал головой.

— Говори, кто твои сообщники?

— Да кто же в Италии не хочет надуть попов! — усмехнулся Чекко. — Мы можем неплохо заработать. Присоединяйся к нам. Ведь у тебя денег тоже негусто. Давай подзаработаем на этих легковых лолах!

Данте молчал. Чекко пихнул его в бок локтем.

— Да ну их этих твоих флорентийцев! Что у тебя общего с этим сбродом, кроме места рождения? Неужели тебе не хочется

заработать мешок флоринов? А ведь твое имя значится не только в списках поэтов, но и в расписках у ростовщиков.

Данте вновь побледнел от ярости, но стоявшая рядом с ним Антиохийская дева внезапно освободила лицо от покрывала, и поэт был вновь поражен ее неземной красотой. Несколько мгновений поэту казалось, что девушка сейчас что-то скажет. Неужели и ее немота притворна?! Однако она лишь тяжело вздохнула.

— Ты прав, но сначала я хочу все знать. Говори! И выкладывай все без утайки! Кто придумал этот обман? И к кому это я должен присоединиться?

— Приверженцы любви вот-вот осуществят свой замысел, — неопределенно мотнув головой, заявил сиенец. — Они изменяют ход истории.

— Кто такой этот Брандан? И куда он девался? Ведь это он все придумал?

— Брандан простой паяц. Лицедей вроде тех фокусников, что водят за нос толпу на ярмарках. Но у него это здорово получается. Ты не находишь? В своей рясе он — вылитый монах... Кстати, я думал, что найду его здесь...

— Кто дал Брандану зеркала, которыми он оборудовал свой ящик? И кто у вас главный здесь во Флоренции?

Чекко с неподдельно сокрушенным видом покачал головой:

— Не знаю. Я ведь присоединился к ним в Тулузе, где отдыхал от Сиены.

— В Тулузе? — задумчиво пробормотал Данте. — А зачем вы приехали во Флоренцию?

— Осмотреть местные достопримечательности, — усмехнулся Чекко. — А может, потому что здесь больше священников, богачей и дураков, чем во всей остальной Италии... Я бы сам предпочел обчистить карманы своих сограждан, но, судя по всему, все должно происходить *sub flore*...

Данте подпрыгнул на месте. При чем тут старое пророчество о смерти Фридриха II?!

— А где вы раздобыли это реликварий? — наконец спросил он.

— Нам его дал сам Бигарелли.

Данте кивнул. Выходит, он не ошибался, и скульптор был связан с фальшивым крестовым походом. А крестовый поход наверняка связан с убийствами!

По напряженному виду сиенца тоже было ясно, что ему не дает покоя найденный в башне постоянного двора труп с отрезанной головой.

— А где он, этот реликварий? — озираясь по сторонам, спросил Данте.

Немного поколебавшись, Чекко прошел в один из углов церкви рядом с лесами, на которые лазал поэт. Наклонившись, сиенец воздействовал на что-то находившееся рядом с какой-то каменной плитой. Послышался щелчок, и Чекко с видимым усилием сдвинул плиту в сторону. Поэт увидел первые ступени ведущей вниз лестницы.

— Это древняя крипта. Вот здесь он и лежит...

Замолчав, Чекко стал спускаться вниз. За ним последовал Данте. Немая тоже полезла вниз, словно боясь оставаться в церкви.

Под полом аббатства находился обширный подвал. На полу из древних мраморных плит повсюду лежали надгробные камни. У стен стояло несколько римских саркофагов. Раньше здесь явно было кладбище находившегося наверху маленького монастыря, но теперь в подвале царило запустение.

— Вот в этом-то и все колдовство, — пробормотал Чекко, указывая на большой предмет, покрытый красной тканью.

Подойдя к нему, Данте решительным жестом сорвал с него ткань. Свет лампы упал на одновременно ужасное и прекрасное лицо на реликварии. Поэту показалось, что покрытые эмалью глаза смотрят на него, и в них начинает тлеть огонь пробуждающейся жизни. Обернувшись к немой девушке, Данте отметил, что ее лицо и лицо на реликварии действительно чем-то похожи. Оба отличались каким-то неземным выражением. Казалось, между бронзой и плотью возникла какая-то тайная связь.

Осторожно расстегнув застёжки на груди реликвария, Данте открыл обе дверцы и обнаружил, что внутри имеется невидимая снаружи надпись. Резец Бигарелли оставил после себя два слова «*Sacellum Federici*».

Гроб Фридриха! Или его святилище... Данте вновь поднес лампу к бронзовому лику и стал его внимательно разглядывать. Округлые черты лица и длинные волосы сразу заставляли думать о том, что это лицо женское. Но разве это не может быть лик императора, запечатленный в бронзе, как на египетском саркофаге? А что, если этот футляр должен был сопровождать императора во время его странствий по вечности?.. Но если это так, каким образом смерть монарха связана с нынешними кровавыми преступлениями во Флоренции?

Данте оглядел весь этот подвал, полный чудес. Рядом с одним из саркофагов в полу зияло отверстие, ведущее на нижний этаж подземелья. Опустив в отверстие лампу, Данте увидел коридор с кирпичными стенами, ведущий куда-то в сторону Арно. На полу коридора блестела вода.

— Это древняя римская клоака. Она ведет к старому колодцу на Форуме, — объяснил Чекко. — Брандан ходит этим коридором, когда не хочет, чтобы его видели.

Кивнув, Данте подумал, что мнимый монах — настоящий мастер загадочных исчезновений. Выходит, он решил не карабкаться по крышам, как кошка, а проползти по клоаке, как крыса!

— Теперь ты все знаешь! — заискивающим тоном шепнул Чекко на ухо Данте. — Присоединяйся к нам.

— Я не могу позволить вам осуществить задуманное, — покачал головой

поэт. — Не для этого Флоренция полагается на мою добродетель!

Чекко в притворном отчаянии всплеснул руками.

— Что же теперь? Ты погубишь нас? И ее ты тоже погубишь? — спросил он, указывая на приблизившуюся девушку. — Неужели такая красота попадет в лапы палача?!

Прикрыв глаза ладонью, Данте хотел было вновь отказаться, но внезапно ему пришла в голову одна мысль:

— А что это за последняя мечта императора? Что строили на землях Кавальканти? Что прибыло из-за моря на галере с мертвым экипажем?

— Не знаю. Среди приверженцев любви об этом говорят разное. Может, на ней было сокровище?

Внезапно Данте вспомнил слова Фабио даль Поццо.

— Что значит «между фетром и фетром»? — спросил он у Чекко.

Сиенец побледнел.

— Я не знаю, о чем ты, — забормотал он. — Приверженцы любви, конечно, что-то такое говорили, но я не знаю, что это значит...

Судя по всему, Чекко не врал, и Данте уже не знал, что и думать. И все-таки фальшивый крестовый поход обязательно как-то связан с другими загадками и страшными убийствами. А что, если, выдав мошенников, он разорвет тонкую

нить, связывающую все эти события, и они так и останутся тайной?

— Оставайся здесь с этой женщиной, — сказал наконец сиенцу флорентийский приор. — Я пока никому ничего не скажу. Пока!

ЧАСТЬ
ВТОРАЯ

ГЛАВА V

НА РАССВЕТЕ 10 АВГУСТА

анте вышел на улицу с восходом солнца. Он мало спал, и его тревожили недобрые сновидения. Лица живых и мертвых смешались в зловещем хороводе: ухмылка Чекко Ангольери, отрубленная голова Бигарелли, разлагающиеся трупы на галере, поднявшей паруса с командой мертвецов и плывущей куда-то на запад.

Сам поэт во сне тоже побывал в морской воде и облизывал запекшиеся соленые губы. Антиохийская дева, заключенная в усыпанный драгоценностями реликварий, тоже долго преследовала его во сне, пытаясь что-то ему сообщить. Нежные черты ее лица ужасным образом преобразились, словно его тоже тронуло тление.

Данте проснулся от внезапного приступа головной боли. Давний недуг вновь начал его мучить. Впрочем, на этот раз боль была не очень сильной и лишь напоминала о страшных приступах, которые ждали поэта в будущем...

Итак, во Флоренцию должно прибыть сокровище!

Погрузившись в размышления, Данте так и не пришел к определенному выводу, потому что не представлял себе, сколько времени требовалось для окончания строительства сгоревшего загадочного сооружения. Каким бы ни было пресловутое «сокровище», оно могло быть еще в пути или уже во Флоренции. В последнем случае его было уже не спрятать в сгоревшей постройке. Значит, оно хранится в каком-то другом месте!.. Между фетром и фетром!.. Что это? Иносказание? Или это следует понимать буквально?.. Как знать, может, разгадку надо искать именно здесь!

Склады сукна и шерсти находились на другом конце города, рядом с лугами у церкви Санта Мария Новелла.

Данте надеялся, что на свежем утреннем воздухе ему станет лучше, но в небе уже безжалостно сиял огненный солнечный диск. Не успел поэт пройти и пары шагов, как уже обливался нездоровым потом, словно в приступе лихорадки. Мучивший его всю ночь напролет жар тоже вернулся.

Вспомнив о находившемся неподалеку общественном фонтане, поэт направился было к нему, но тут из боковой улочки появилась знакомая человеческая фигура и направилась в его сторону. Данте хотел повернуть назад, но было слишком поздно.

Заметив Данте, человек ускорил шаги.

— Здравствуйте, мессир Данте! Какая приятная встреча! — с иронией в голосе сказал человек. — Я давно вас жду, но вас наверняка не пускают ко мне дела по управлению нашим городом!

— Я приду в срок. Не волнуйтесь, — помрачнев, ответил поэт.

— А срок-то уже не за горами. Прикиньте сами, ведь уже почти середина августа, — ледяным тоном заметил его собеседник, и его рябое лицо стало злым и неприветливым.

— Послушайте, Доменико, вы же прекрасно знаете, что одолжили мне денег под поручительство моего брата Франческо и под залог земель моего рода, — раздраженно сказал поэт, недоумевая, почему ростовщик вдруг стал таким наглым.

Неужели случилось нечто, сделавшее положение Данте в глазах этого мошенника шатким?

Тем временем Доменико подошел вплотную к Данте и ткнул ему в грудь указательным пальцем с таким видом, словно хотел проткнуть ее насквозь.

— Тысяча восемьдесят флоринов золотом!

Данте вздрогнул, хотя прекрасно знал, как возросли его долги. Теперь эта сумма, произнесенная грубым голосом ростовщика, обрушилась ему на плечи, как лавина. Мир покачнулся перед глазами поэта. Ему показалось, что на него вот-вот упадут флорентийские стены.

Вспомнив о Чекко Ангольери, Данте задумался, стоило ли отвергать его предложение. Поэт старался не слушать предательский внутренний голос, но тот продолжал нашептывать, слово в слово повторяя сказанное сиенцем.

А почему, собственно, не поддержать фальшивый крестовый поход? Кому он этим навредит, кроме купцов-богатеев, доверчивых олухов и продажных священнослужителей? Не это ли лучший способ избежать долговой тюрьмы?

«Да ну их этих проклятых флорентийцев!» — решил про себя Данте.

Изнемогая от жары, Данте наконец добрел до складов сукна. Вокруг многочисленных складских помещений никого не было. Колокол недавно пробил девятый час, и грузчики удалились подкрепиться.

Данте оставалось только направиться к сторожу, восседавшему на бочонке с глиняным кувшином в руке.

— У вас сейчас хранится партия фетра? — спросил его поэт.

— А ваше какое дело? — спросил сторож, смерив Данте враждебным взглядом.

— Я представляю флорентийские власти.

— А мы все тут верные слуги Пресвятой Троицы и Святого Иоанна Крестителя*, — зевнув, сказал сторож, но поэт

* Св. Иоанн Креститель считается покровителем Флоренции. По-итальянски Сан Джованни.

двинулся на него с таким угрожающим видом, что сторож поспешно вскочил на ноги и попятился.

— На склад могут входить только члены гильдии. Такое правило... Это чтобы чего не вышло... — забормотал он, затравленно оглядываясь по сторонам, но вокруг никого не было.

Данте продолжал идти на сторожа.

Тот снова попятился и пробормотал:

— Фетр? Да, несколько дней назад что-то такое привезли...

— Где лежит этот груз? Покажите!

Сторож явно смирился с судьбой.

— Но потом я должен буду доложить об этом главе гильдии! — прогнусавил он, заглянул в будку, порывшись в засаленных бумажках и пошел через двор к дальнему складу. Данте последовал за ним.

Склад был забит товарами, громоздившимися до самого потолка на длинных и грубых дубовых полках. Вслед за сторожем Данте пошел в глубь образованного ими лабиринта. Вряд ли жилище Минотавра сильно отличалось от этого душного склада. Поэт уже обливался потом, когда сторож наконец указал ему на груду серых тюков, перевязанных пеньковыми веревками.

— Оставьте меня! — приказал сторожу Данте. — Мне необходимо их осмотреть. До нас дошли известия о том, что этот товар из Кремоны, где вспыхнула эпидемия чумы.

Сторож отпрыгнул назад, перекрестился и молча помчался к выходу.

Убедившись в том, что рядом никого нет, Данте начал ощупывать руками мягкие тюки. Уже в третьем тюке его пальцы нащупали что-то жесткое.

Развязав веревки, поэт убедился в том, что спрятанное в тюке, — как и говорил Фабио даль Поццо, — обернуто мягким фетром. Данте разворачивал укутанное в фетр «сокровище» до тех пор, пока перед ним не оказался тяжелый пакет шириной в два фута, высотой примерно в пять футов и толщиной в ладонь. Можно было подумать, что кто-то завернул в фетр каменную плиту.

Данте осторожно разрезал фетр в углу пакета, и его тут же ослепил солнечный луч, проникший даже в чрево склада через маленькое окно.

Зеркало! В фетр завернуто зеркало! И при этом огромное! Таких больших зеркал Данте не видел ни в самых богатых домах флорентийских купцов, ни даже в Париже.

Поэт бросился ощупывать остальные тюки и нашел еще семь таких же зеркал. Все они были тщательно завернуты в фетр и спрятаны в грубом сукне.

Неужели это и есть то самое заветное сокровище?!

Конечно, такие зеркала должны были стоить огромных денег, но Данте чувствовал, что их ценность заключается в чем-то совершенно другом.

У одного из зеркал при перевозке откололся угол. Данте подобрал его и спрятал в сумку. Потом он тщательно привел в порядок все тюки, чтобы никто не догадался о том, что в них копались.

Выйдя на улицу, поэт окликнул сторожа. Предполагая, что сторож намеревается в свою очередь изучить содержание тюков, поэт заявил строгим голосом:

— Уже в самом первом тюке — какие-то подозрительные тряпки. Это вполне может быть одежда скончавшихся от чумы. Ее надо немедленно сжечь за городскими стенами. Я сейчас пришлю за тюками людей. Ничего там не трогайте, никого не подпускайте к этим тюкам, и никому не говорите о чуме, а то в городе начнется паника. И сами туда не ходите, а то заразитесь.

Поэт не сомневался в том, что сторож при первой же возможности все расскажет своим собутыльникам. Но сейчас он побледнел и не на шутку испугался и наверняка не пойдет теперь шарить по тюкам. Теперь хоть какое-то время эти зеркала никто не тронет!

В последний раз заглянув в складское помещение, Данте постарался как следует запомнить, где именно лежат тюки, и пошел к выходу. Проходя мимо сторожа, он сказал ему:

— Там наверняка много таких тряпок. Конечно, они могут быть и не из Кремоны, но к ним все равно лучше не подходить. Я скоро вернусь со стражей и меди-

ками, а вы никого не подпускайте к тюкам. С чумой шутки плохи!

Сторож задрожал и закивал одновременно.

— А теперь сообщите мне, от кого к вам поступил этот товар! — не терпящим возражений тоном приказал ему Данте.

Вытирая выступивший на лбу холодный пот, сторож опять стал рыться в бумажках.

— Его привез из Венеции некий Фабио даль Поццо!

На самом деле Данте в этом ни мгновения не сомневался.

лаборатории мастера Арнольфо уже давно кипела работа. На самом деле там вообще никогда не переставали трудиться, чтобы не гасить огонь.

Мастерская находилась в подвале с низким потолком. В помещении стояла сухая жара, поднимавшаяся от печи в углу, где несколько подмастерьев деловито выливали на кирпичную поверхность содержимое тигеля, извлеченного длинными щипцами из огня.

Расплавленное стекло растекалось по поверхности. От него в разные стороны летели брызги. Не обращая внимание на жар, мастер начал обрабатывать еще мягкое стекло огромными бронзовыми кушачками, помогая себе лопаткой из такого же материала. Несколько умелых движений, и бесформенная масса обрела форму прямоугольника с длинной стороной, равной примерно одному футу.

— Еще одно стекло для окон благородных флорентийцев, мессир Алигьери. Теперь все наши зажиточные сограждане желают иметь стекла, и у нас очень много работы.

— Это самое большое стекло, какое вы можете изготовить? — спросил мастера Арнольфо Данте, наблюдавший за тем, как изделие остывает.

— Мы можем изготовить квадрат размером фут на фут, но это никому не нужно. Такой лист стекла выйдет несовершенным и слишком хрупким. Гораздо лучше вставлять в свинцовые рамки куски того размера, что вы видите перед собой. Такими кусками можно заполнить очень большой оконный проем. Например, в церкви. Во Франции именно так и поступают. Это гораздо надежнее.

— Вы, конечно, делаете и зеркала? — продолжал поэт.

— Разумеется. Зеркала — моя гордость. У меня лучшие зеркала во всей Тоскане. Смотрите!

Арнольфо подвел поэта к столу, на котором его помощник вставлял в бронзовую рамку зеркальце размером в ладонь.

Выхватив зеркальце из рук подмастерья, Арнольфо поднес его к самому носу Данте.

Поэт стал молча рассматривать свое изображение, таившееся в глубине зеркала, поверхность которого была словно подернута туманом, из-за которого перед глазами все немного расплывалось. Наверняка зеркало, в которое смотрелся Нарцисс, было именно таким, а то отчето же этот юноша себя не признал? Несмотря на то что лицо поэта было ярко освещено, его отражение казалось очень

темным на фоне свинцового основания зеркала.

Однако Данте учтиво улыбнулся и спросил:

— А вы делаете зеркала побольше?

— А к чему вам зеркало еще больше?

— Ни к чему, конечно. Я просто хотел узнать, какого размера бывают зеркала.

— Не намного больше этого, — ответил Арнольфо таким тоном, словно обиделся на поэта, не слишком восхитившегося его произведением.

— С увеличением размера зеркала необходимо увеличивать его толщину, — заговорил мастер, словно объясняя азы своего ремесла туповатому подмастерью. — В противном случае при охлаждении зеркало треснет. Однако с увеличением толщины стекло теряет свою прозрачность. Кроме того, очень трудно сделать большое стекло идеально ровным, дабы избежать искажений отражения, которое возникнет в нем после того, как его задняя поверхность будет покрыта свинцом.

С этими словами Арнольфо возвратил зеркало подмастерью.

— Значит, в мире не может существовать идеально ровного зеркала длиной, скажем, пять футов? — спросил Данте мастера.

— Думаю, что нет. Такое зеркало смог бы изготовить разве что мастер Тинка.

— А я такое зеркало видел.

— Это невозможно! — упрямо повторил Арнольфо. — Вам померещилось.

Впрочем, стоило ему заглянуть в глаза приору, как его уверенность тут же поколебалась.

— Неужели такое зеркало действительно существует? Я отдал бы все, что у меня есть, лишь бы на него взглянуть!

— Мне не нужно от вас ничего, — сказал поэт старому мастеру. — Обещайте лишь никому ничего не говорить о том, что увидите.

Арнольфо очень разволновался. Данте даже показалось, что перед ним не стеклодув, а мистик, которого вот-вот посетит новое экстатическое видение.

— Клянусь Пресвятой Богородицей и всеми святыми, что не пророню об этом ни звука!

Достав из сумки кусок зеркала, подобранный на складе, Данте протянул его стеклодуву, который стал водить по нему пальцами, стараясь определить его толщину.

— Вы говорите, это зеркало высотой пять футов? — недоверчиво пробормотал он и даже поднес к зеркалу кончик языка, словно желая попробовать его на вкус.

— Странно! — буркнул стеклодув себе под нос. — Серебро!

— А чего тут странного?

— Я думал увидеть что-нибудь более совершенное на основе свинца, а это просто серебро. Значит, качество этого зерка-

ла зависит лишь от его исключительно ровной поверхности и потрясающей прозрачности.

— Кто мог бы изготовить такое зеркало? — спросил Данте у мастера Арнольфо.

— Это сделано не у нас, — задумчиво потирая щетинистый подбородок, ответил мастер. — Может, в Греции. Или где-нибудь на севере, например в Равенне. А изготовивший его мастер, скорее всего, чужестранец. Я слышал, что в далекой Персии научились изготавливать такие прозрачные стекла, что их просто не видно. Или, — если легенда не лжет, — его могли изготовить в Венеции...

— А что это за мастер Тинка, о котором вы упомянули?

— Может, его вообще не существовало, — уставившись куда-то в пространство, ответил Арнольфо. — Его считают самым великим стеклодувом всех времен и народов. В нашей гильдии о нем ходят легенды. Особенно — одна...

— Какая?

— Говорят, что мастер Тинка был родом из стран, где господствует Сатана, и там научился изготавливать невероятные стекла. Они были идеально ровными и очень большими. По два локтя в длину. Такие огромные стекла умел делать только он — мастер Тинка, стеклодув самого императора!

— Какого императора?! — воскликнул внезапно заинтересовавшийся Данте.

— самого великого и самого последнего, — пожав плечами, ответил Арнольфо. — Императора Фридриха!

Мастер с такой гордостью произнес это имя, словно бросал вызов всему окружающему миру, и Данте задумался о том, что Чекко Ангольери, наверное, прав, Флоренция кишит тайными гибеллинами!

— И что же делал этот мастер Тинка для Фридриха?

— Рассказывают, что однажды ночью в мастерскую к Тинке прискакали двое императорских гонцов. Это было во времена Лионского собора, на котором Фридрих вступил в свою последнюю схватку с... — Арнольфо запнулся, словно подыскивая подходящее слово.

— С папской курией? С самим Папой Римским? — подсказал ему Данте.

— Да, да. С папой, — пробормотал Арнольфо. — Или с хозяином папы...

— А что это были за гонцы? И почему они приехали ночью?

— Тинка работал по ночам. Днем его никогда не видели. У него была странная болезнь глаз, и он не выносил солнечного света. Но зрение у него было очень острое, и он мог различать в стекле даже малейшие недостатки. По ночам он работал у своих печей, следя за тем, чтобы в них никогда не гас огонь. Ему удалось понять, что качество стекла зависит от постоянства жара. А что до двух гонцов...

Арнольфо вновь замолчал с таким видом, словно с трудом припоминал легенду или прикидывал, что стоит рассказывать поэту, а что — нет.

— Говорят, это были двое очень знатных придворных. Причем один из них мог быть и самим императором. Может, он хотел узнать тайну мастера...

— Какую тайну? — воскликнул Данте, слушавший стеклодува с открытым ртом.

— Говорят, что перед самым своим исчезновением Тинка научился ловить своими зеркалами свет.

— В каком смысле?

— Говорят, его зеркала хранили в себе изображение того, что последним в них отразилось. Кажется, благодаря своим алхимическим занятиям, он нашел вещество, по-разному реагирующее на лучи света в зависимости от особенностей его источника. Освещенные предметы должны были долго стоять перед его зеркалами, и в них постепенно навечно запечатлевалось их отражение.

— Если бы это было правдой, все живописцы остались бы без работы, — заметил Данте и прикинул, что сказал бы по поводу подобного заявления его друг Джотто.

Неужели именно в этом заключается сокровище, которое все так отчаянно разыскивают? Неужели ради этого стоит убивать? Но ведь Тинка тоже исчез!..

— Арнольфо, не забудьте о своей клятве! — напомнил поэт стеклодуву.

Мастер еще раз провел пальцами по осколку зеркала с таким видом, словно желал его приласкать, и медленно кивнул головой.

— Я сдержу свое слово и выполню ваше желание... Пожалуй, то, что вы мне показали, слишком прекрасно для такого простого ремесленника, как я... Да попробуй я изготовить такое зеркало, я, наверное, оскорбил бы Господа Бога, стараясь ему подражать!..

большой комнате на первом этаже постоялого двора почти никого не было. У длинного стола сидел один Марчелло. Данте неслышно подошел к нему со спины. Марчелло сосредоточенно поедал яблоко, но делал это довольно необычным способом: левой рукой он прижимал яблоко к столу, а правой отрезал от него ножом маленькие ломтики. Заметив поэта, Марчелло, не переставая жевать, поднял голову.

— С какой целью вы остановились на этом постоялом дворе, мессир Марчелло? — спросил поэт.

— Каждый шаг человека записан в Книге Времен. Путь, который привел сюда вас, и пройденный мною путь тоже записаны в ней шаг за шагом. Ни мне, ни вам ничего не изменить.

— И все-таки зачем вы здесь?

Марчелло потряс головой, словно отгоняя какие-то воспоминания. Или видения.

— Я здесь для того, чтобы выполнить свой обет — обещание, данное много лет

назад. Я должен вернуть старый долг. Такова моя судьба. Мое появление здесь было предопределено.

— А Гвидо Бигарелли было предопределено встретить здесь страшную смерть?

Старец ответил не сразу. Казалось, ему не оторваться от последнего кусочка яблока, который он проглотил с закрытыми глазами, словно смакуя доступный далеко не каждому аромат.

— И это яблоко выросло лишь для того, чтобы закончить свой путь здесь, — пробормотал Марчелло. — Господь Бог заранее знает все, что должно произойти. Мы вынуждены листать страницы книги одну за другой лишь из-за природной слабости ума. Но ведь эти страницы — с первой до последней — уже переплетены!

— Конечно, Божественному разуму известны все события, и его Провидение с бесконечной мудростью наделило ход земной жизни вечными повторениями. Однако тот же Божественный разум привнес в наш земной мир бесконечное разнообразие, чтобы мы могли свободно выбирать и совершенствоваться. Нам неизвестно будущее, потому что именно на таком незнании зиждется рациональный выбор, который мы совершаем.

— Вы действительно в это верите?

— Разумеется. Адам не согрешил бы, знай он последствия своего грехопадения. Но в этом случае множество просвещенных умов в последующих поколениях лишились бы возможности превозносить

добродетель как способ искупить грех нашего общего прародителя. У человечества не было бы главного — бесконечного поиска истины. А ведь лишь этот поиск может хоть как-то загладить нашу вину перед лицом разгневанного Творца.

Старец криво усмехнулся:

— Не кричите о своих убеждениях на каждом углу, мессир Алигьери. Вряд ли инквизиция благосклонно отнесется к призывам пуститься на поиски истины.

— Флоренция — вольный город. Она не подвластна инквизиции. Пока не подвластна... И останётся не подвластной, пока я принимаю участие в ее управлении.

— Вы очень уверены в своих силах. Можно подумать, что вы способны заглянуть в будущее и увидеть там то, что вас ждет.

— Я не провидец. Мне остается уповать лишь на собственные знания и добрую волю.

Взгляд Марчелло смягчился, и в его глазах появился свет отеческого тепла.

— В молодости я знал людей вроде вас. Людей, щедро одаренных, сильных и уверенных в том, что они могут подчинить судьбу своей воле. А стали они лишь источниками бесконечных горестей...

— О ком вы говорите?

— Это было давно. Очень давно. В далеких землях.

— Вы долго жили на Востоке?

Уставившись в пространство за спиной у поэта, Марчелло воодушевился так, словно воспоминание о далеких землях согрело его душу.

— Что же вы там узнали? — настаивал Данте. — Какие тайные учения? Какие лекарственные снадобья? Какие волшебные средства? Ведь с Востока к нам приходят не только самые страшные болезни, но и чудодейственные лекарства! Неужели говорят правду, и существует средство продлить жизнь человека так, чтобы он не ушел из жизни и в семьдесят лет, как положено ему Священным Писанием?

— Да. Некогда я встречался в городе Сидоне* с человеком, утверждавшим, что он трапезничал вместе с Карлом Великим!** А другой говорил, что поднимался вслед за Христом на Голгофу...

— Не может быть!

— Но я же их видел! А разве не говорят о том, что и последний император не умер, а до сих пор объезжает германские земли, собирая рать для своего последнего похода.

— А императора Фридриха вы тоже видели? — недоверчиво воскликнул Данте. — Когда?

* Сидон — древнейший финикийский город на восточном побережье Средиземного моря.

** Карл Великий — (742—814), франкский король с 768 г., с 800-го — император; из династии Каролингов. Его завоевания (в 773—774 гг. — Лангобардского королевства в Италии, в 772—804 гг. области саксов и др.) привели к образованию обширной империи.

— Очень давно. Во время его крестового похода, — ответил медик и добавил: — Когда император провел их всех...

— Кого?

— Язычников. И епископов своей свиты. Он обманул их своей аллегорией... Фридрих ехал по мощеной дороге из Иерихона в сверкавший на солнце золотой Иерусалим — город сотни башен. По краям дороги неистовствовала толпа. Порабощенных христиан, дерзких язычников, упрямых в своей вере евреев — всех обуяло любопытство. Все они желали видеть движущееся к ним чудо. Император ехал стоя на триумфальной колеснице, запряженной четверкой волов, увенчанных лавровыми венками. По углам повозки двигались четверо невольников, закованных в цепи: сарацин, татарин, европеец и еще один в маске Тритона. В правой руке Фридрих сжимал свой золотой кубок, а левой рукой держал уздечку кентавра, на котором ехал человек в маске с двумя лицами — спереди и сзади.

— Кентавра? — пробормотал ошеломленный Данте.

Не обращая внимания на его слова, Марчелло продолжал:

— Перед колесницей шли семь дев с зажженными факелами, за которыми шествовали семеро старцев в греческих одеждах с лавровыми венками на головах. За ними шли еще семеро мужчин в длинных одеяниях, усыпанных знака-

ми небесных тел и двое витязей в латах. Один из витязей нес в руке сверкавший на солнце блестящий меч, а у другого в руках был моток веревки, спутанной и завязанной в бесчисленное множество узлов. Замыкали процессию пять женщин с закрытыми покрывалами лицами. У них были в руках потушенные лампы, и они извивались, как похотливые блудницы вокруг троих мужчин, каждый из которых нес в руках книгу.

Марчелло провел рукой по глазам, словно пытаясь избавиться от этого видения, и помрачнел.

— Ну что? Вам понятен смысл этой непристойной аллегии?

— Разумеется.

— В этом случае ум ваш остер, а знания глубоки.

— Девы с факелами — семь свободных искусств. Семеро старцев — семь великих мудрецов древности, о которых мы знаем из греческих преданий. Семь мужчин в длинных одеяниях — семь небесных тел, вращающихся вокруг Земли, которую олицетворяла собой колесница с императором. Четверо невольников — три части суши, покорившиеся императору, и Тритон — океан. Кентавр — полчеловек-полузверь — олицетворение мудрости, слияние природы и человеческого ума. Двое витязей — право императора подчинять себе своими законами и освобождать своей силой. И наконец, пять женщин с потухшими лампами и

трое мужчин с книгами — самая страшная часть аллегии — отказ от веры.

С серьезным видом кивнув, Марчелло спросил:

— Значит, вы понимаете, кто эти трое, равные количеством волхвам, поклонявшимся младенцу Христу?

— Пожалуй, да. Это те, чьи слова значатся в священных книгах: Моисей, Христос и Магомет.

— Вокруг этих троих великих обманщиков с их лживыми учениями и извивались похотливые блудницы!.. Вот так Фридрих и въехал в Иерусалим, издеваясь своей аллегорией над верами населявших его народов, — пробормотал Марчелло. — А как же человек в двуликой маске? Неужели даже ваш острый ум не разгадал значения этого символа?

— Не знаю. Может... — начал было Данте, но вдруг замолчал, вспомнив странную носовую фигуру галеры с мертвой командой. — А может, вы сами раскроете мне тайный смысл этого образа?

— Простые смертные не могли понять всего, что творилось в голове у императора.

Данте понял, что Марчелло больше ничего не скажет, и его бесполезно спрашивать дальше. А ведь поэту надо было разгадать не аллегии пятидесятилетней давности, а сегодняшние загадочные убийства. Марчелло же, кажется, мог думать только о прошлом. Даже если он

действительно прожил не одну сотню лет, теперь, в конце своей жизни, ему явно не хотелось думать о настоящем.

Не успел Данте выйти с постоялого двора, как столкнулся с возвращавшимся к себе юным отпрыском римского рода Колонна.

Студент остановился с таким видом, словно хотел избежать встречи с поэтом, но наконец решился и пошел к нему с весьма вызывающим видом.

— Что вы делаете здесь, приор? — насмешливо воскликнул он. — Ведь труп уже увезли!

Данте встал прямо у него на дороге:

— Но убийцу еще не нашли. А вы можете помочь мне его обнаружить.

— Я ничего не знаю. Но на вашем месте я поискал бы виновного среди священников. Брунетто, кажется, их недолюбливал. Не удивлюсь, если его прикончили люди Бонифация!

— Выходит, вы тоже не в самых лучших отношениях с папской курией?

— Не прикидывайтесь! В вашем городе и так хватает лицемеров! — презрительным тоном воскликнул юноша. — Вы же прекрасно знаете мое имя, а если забыли, я вам его напомню.

С этими словами он поднес к самому носу поэта указательный палец с большим перстнем, на котором была изображена римская колонна.

— Мой род много лет враждует с гнусным семейством Казтани. А Бонифаций, нацепив папскую митру, ничуть не изменился к лучшему. Будь моя воля, я бы их уже всех перерезал! Бонифаций тоже не очень-то нас любит, и если бы не наше оружие и не наши укрепленные дома, он бы с нами расправился. Но ничего...

— Что «ничего»?

— Может, на этот раз мы его опережим! — в запале продолжал Франческино Колонна. — Когда мы все соберемся.

— Кто «все»? — спросил поэт.

— Придет время, сами увидите, — отрезал молодой римлянин, поняв, что сказал слишком много.

Не говоря больше ни слова, он удалился.

ыйдя из кельи, Данте пошел вдоль колоннады. Двери келий остальных приоров тоже были распахнуты, а их обитатели собрались в одной из них и о чем-то шушукались. Заметив поэта, они тут же со смущенным видом замолчали. Особенно хитрый вид был у самого низкорослого приора с вороватым выражением на порочном лице.

Данте подошел прямо к нему:

— Что это у вас такой озабоченный вид, Лаппо?

Маленький приор с вызывающим видом вздернул подбородок.

— Это все из-за вас! Вы не ходите на наши собрания, а вместо этого шляетесь в неурочный час по городу. Это против правил. Или вы забыли, что приоры в течение всего пребывания в должности не должны покидать свои кельи? Думаете, законы писаны не для вас, а для других — добропорядочных флорентийцев, избравших вас своим представителем? Ничего, недолго вам осталось быть приором, — злобно завершил свою короткую речь Лаппо.

— Недолго — это верно, — ответил поэт. — Но и за эти несколько дней я постараюсь оправдать доверие флорентийцев и не дать колеснице управления нашим городом сойти с прямого пути из-за происков мошенников и проходимцев... Некоторые из которых просочились и сюда! — добавил поэт, смерив Лаппо гневным взглядом.

Тот побагровел, сжал кулаки и подскочил вплотную к Данте, которому показалось, что Лаппо собирается его ударить. Отшатнувшись, поэт приготовился захватить его локтем в нос, но в их перебранку вмешался один из прочих заволновавшихся приоров. Он удержал Лаппо, положив руку ему на плечо:

— Перестаньте! Давайте лучше определим, когда мы соберемся на следующее заседание Совета!.. Раз уж нам так повезло, и среди нас появился мессир Алигьери...

— Скажите мне, Антонио, что случилось! Почему вас вдруг так заинтересовало, куда и когда я хожу? — с иронией в голосе воскликнул Данте.

— Дело в том, что кардинал Акваспарта...

— Что нужно от нас этому лакею папы Бонифация? — взволнованно спросил поэт.

С того самого момента, когда папский нунций прибыл весной во Флоренцию, Данте казалось, что клешня римского папы впиалась в плоть его родного города.

— Папа Римский — благодетель и защитник процветающей Флоренции просит через своего нунция помочь ему в борьбе с его открытыми и тайными врагами.

— Говорите прямо! Папе Казтани нужны наши флорины? Или что-то другое?

Антонио огляделся по сторонам, ища поддержки, но остальные приоры смутились и опустили глаза. Лишь Лаппо по-прежнему злобно поглядывал на Данте.

Пару раз откашлявшись, Антонио сказал:

— Вопрос деликатный. Нельзя о нем говорить вот так — в открытую, там, где нас могут подслушать. Как старейший из приоров, предлагаю собрать Совет утром четырнадцатого числа. В последний день действия наших полномочий.

Остальные приоры энергично закивали, а Данте только хмыкнул, прекрасно понимая мотивы такого решения. В последний день действия полномочий достаточно отложить заседание на завтра, чтобы любое нелегкое решение принимали уже новые приоры. Поэт смотрел на отмеченные печатью малодушия и нерадивости лица остальных приоров. Выделялся среди них лишь Лаппо. Да и то только тем, что его моральное разложение зашло так далеко, что он превратился в непристойную пародию на сатира. Впрочем, выбравшие его флорентийцы мало в чем от него отличались...

Вокруг дворца капитана народного ополчения* царило необычное оживление. Повсюду сновали вооруженные люди. Данте узнал командира одной из трех рот народного ополчения района Сан Пьеро и остановил его прямо на лестнице.

— Что случилось, мастер Менико?

— Стража на стенах заметила каких-то людей, идущих к городу по дороге на Прато. Нам приказали быть готовыми ко всему.

— А что это за люди?

— Не знаю. Может, пилигримы по пути в Рим, или скоморохи, или солдаты из отрядов, разбежавшихся в Имоле. Им там месяцами не платят, и они дезертируют, а потом идут к Апеннинам и грабят всех на своем пути. А еще больше боятся, — сказал Менико на ухо поэту, — что это шайки еретиков, появившихся у нас, чтобы опустошить всю Италию! Нам надо быть наготове!

— Шайки еретиков? Откуда же их так много?

— В Лангедоке, кажется, опять чума, — по-прежнему шептал Менико. — Там не обошлось без богомерзких катаров и евреев с их отравой. Опасаются, что некоторые из них уже пробрались во Флоренцию и готовят захват города своими сообщниками. А как нам им в этом помешать? Ворота постоянно открыты, и в

* Капитан народного ополчения — главный начальник народного ополчения.

город валит всякий сброд в надежде заработать.

Данте невольно кивнул головой, взглянув на царившую вокруг суматоху. Десятки неизвестных ему людей пихали друг друга из-за кусочка мостовой, чтобы выложить на ней свои товары, или слонялись без дела, в надежде, что судьба вдруг пошлет им какую-нибудь поживу. Еще несколько лет назад поэт знал по именам всех жителей своего квартала да и почти всех остальных граждан Флоренции. За последние же десять лет город невероятно разросся, непреодолимо притягивая к себе крестьян со всей Тосканы, и человеческое море давно уже выплеснулось за пределы старых стен.

— И это называют процветанием! — продолжал Менико. — А по-моему, это форменное безобразие. Мир стареет, а годы приносят лишь новые бедствия. Крутом хамство и разврат. Взгляните-ка на этих женщин!

С этими словами он показал пальцем на трех молодых особ, одетых в платья кричащих тонов с такими большими вырезами, что из них почти вываливалась грудь. Они похотливо подмигивали прохожим, пытаясь привлечь их внимание.

— Да еще несколько лет назад, при Джано делла Белла, их бросили бы в тюрьму за такие платья. А теперь!..

Данте молча кивнул. Он понимал, что жаловаться бесполезно, и хныканье Менико его только раздражало.

— А теперь мы дошли до того, что у нас появились и продажные мужчины!

— Содомиты?

— Да, мессир Данте. Эти гнусные развратники кишат в таверне у Чеккерино!

Поэт усмехнулся. Он уже не впервые слышал об этой таверне. А ведь она не единственная! Во Флоренции полно заведений, где тайком встречаются любители мужеложства, чтобы предаться своим противоестественным утехам.

— Говорят, Флоренция теперь славится в мире не только своими тканями, но и своими извращенцами!

— Но ведь они далеко не все флорентийцы! — возразил Менико. — У Чеккерино собираются в основном чужестранцы, которых у нас с каждым днем все больше и больше!

— И что же это за чужестранцы? — заинтересовался Данте. — Откуда они? И куда смотрит стража?

— Что вы хотите от стражи?! Да к дверям этой таверны противно даже подойти! — махнув рукой, вздохнул Менико. — Теперь туда приличные мужчины не ходят... Кроме того, наша стража побаивается тамошних завсегдатаев. Они же не все, как женщины. Там встречаются настоящие головорезы. Они же одним ударом прикончат быка! С такими опасно связываться!

Менико продолжал тараторить, проклиная и развратников, и тех, кто поощряет разврат, но Данте больше его не слушал.

Он чувствовал, что злодеяния совершили люди, прибывшие издалека. Флоренция стала для них театральными декорациями, в которых они начали разыгрывать спектакль, написанный в других краях.

Все игравшие в нем актеры прибыли во Флоренцию из чужих стран. Возможно, они ждали кого-то еще... А где лучше всего укрыться от любопытных глаз чужестранцу, если не в таверне, куда не сует носа даже стража!

Данте вспомнил слова молодого Франческино Колонны: «Когда мы все соберемся!» — Где же им всем собираться, как не у Чеккерино!

Поэт пошел к воротам Порталь-Прато. Путь его лежал по улицам, проложенным еще римлянами. Нынешние дома, выросшие на руинах их построек, как плесень на скелете разложившегося животного, были в основном низкими и неказистыми, с маленькими окошками почти на уровне земли. Чем дальше Данте отходил от центра города, тем чаще между домами появлялись сады и огороды, по большей части выжженные палящим солнцем.

На улице не было никого, кроме роющихся в помоях бродячих собак. Однако из окошек до поэта доносились приглушенные звуки голосов несчастных, вынужденных влачить жалкое существование в этих лачугах.

Наконец Данте добрался до цели. Вдали уже виднелась темная масса городских стен, на вершине которых мигали факелы стражников. В стороне от мостовой стояло несколько мраморных колонн высотой не менее пяти локтей. На некоторых из них даже сохранились капители. Перед ними виднелись остатки

лестницы. Когда-то здесь стоял храм, в котором поклонялись какому-то забытому божеству. Теперь же вместо храма тут высились стены из кусков грубого туфа. Сложенное из них строение могло бы соперничать размерами с Дворцом Приоров. Или с крупным монастырем. Или с дворцом правосудия. Или даже с дворцом какого-нибудь языческого царька. Однако это был не дворец, а пользовавшаяся дурной славой по всей Флоренции таверна Чеккерино.

Между двумя центральными колоннами виднелась низкая, но широкая дверь, укрепленная огромными гвоздями и широкими железными лентами. В щелях под дверью и над ней мерцал свет. Казалось, внутри горит множество светильников. Данте толкнул створку дверей и вошел.

Заняв свободное место за длинным столом, поэт подозвал к себе служителя, ходившего от посетителя к посетителю с большим кувшином на плече, и ткнул пальцем в стоявшую перед ним глиняную кружку. Служитель налил в кружку вина из кувшина, а Данте бросил ему монету и взял кружку.

Он пил маленькими глотками кисло-ватое вино и наблюдал за происходившим вокруг. В зале было множество мужчин. Очень много даже для такой большой и известной таверны.

Поэт ожидал увидеть нечто подобное, но все равно удивился полному отсутствию женщин. Здесь не было ни одной шлюхи в ярком платье, какие обычно

предлагают свои услуги посетителям подобных заведений. Нигде не слышалось женских голосов или женского смеха. Не было в зале ни одной служанки, ни одной поварихи или посудомойки. Поэту показалось, что он вернулся к первым дням Творения, когда женщины на земле еще не было.

Откинувшись на скамейке, Данте прислонился к стене за колонной. Теперь со своего места он мог незаметно наблюдать за тем, что происходило почти во всем зале. При этом он старательно делал вид, словно его больше всего интересует содержимое собственной кружки. Покосившись несколько раз по сторонам, поэт убедился в том, что мастер Менико не ошибался.

Остальные посетители таверны были очень оживлены. Они громко переговаривались, смеялись, ходили туда и сюда. Перед глазами Данте колыхалось море человеческих тел, в глубине которого явно таились отвратительные чудовища.

Все собравшиеся мужчины, разбившись на парочки — а кое-где даже по трое, — бесстыдно щупали друг друга, постанывая и нашептывая друг другу на ухо какие-то непристойности. Они непрерывно куда-то поднимались по лестнице в конце зала навстречу тем, кто с нее уже спускался.

Данте стало противно, но внезапно он заметил кое-что интересное. По всему обширному залу посетители таверны сбивались в небольшие группы и о чем-то

шушукались, словно передавая друг другу слова посланцев Дьявола, замысливших что-то недоброе. Однако в конце длинного стола сидели четверо мужчин, вообще не двигавшихся с места. Казалось, им совершенно безразличен круживший вокруг них непристойный водоворот человеческих тел. Они о чем-то вполголоса переговаривались и, кажется, интересовались только содержимым стоявшего перед ними небольшого глиняного кувшина.

Одеты они тоже были не так, как остальные. Вместо ярких одежд с разрезами, из которых торчали те части тела, которые приличные люди обычно скрывают, на них было совершенно нормальное скромное платье, опускавшееся намного ниже пояса. Совсем не такое, как у остальных, старательно выставлявших на показ свои половые органы.

Лица этих четверых мужчин не были отмечены печатью порока, хорошо заметной на физиономиях остальных посетителей таверны. Данте не слышал, о чем они говорят, но что-то неуловимое в их жестах выдавало в них чужестранцев. Может, это и есть те, кого имел в виду Менико.

Внезапно рядом с поэтом раздались крики. Какая-то сидевшая неподалеку парочка, до этого момента обнимавшаяся и нежно шептавшаяся, вскочила на ноги и начала драться.

Драчуны потащили друг друга в дальний угол таверны, а Данте взял свою

кружку и проскользнул вдоль стены к освободившемуся месту, находившемуся совсем рядом с четырьмя чужестранцами.

Те следили за дракой и, кажется, не заметили появления Данте, который снова прислонился к стене и стал пить свое вино. Теперь до него долетали кое-какие слова, которыми обменивались четверо незнакомцев, но он по-прежнему не мог уловить смысл их разговора. Оравшая вокруг него толпа извращенцев раздражала поэта все больше и больше. Из-за этих подонков он не слышит слов, которые могли бы помочь ему раскрыть преступление! И когда только на них падет карающая десница Господня?!

С этими мыслями Данте невольно поднял глаза к потолку, словно ожидая, что он вот-вот разверзнется, и с неба польется огненный дождь. А почему бы не приказать начальнику стражи и его людям разогнать этот сброд?! Да, пожалуй, он так и сделает, и прикажет сжечь этот притон вместе с его содержателем. Чтобы другим было неповадно!

Внезапно шум в таверне утих, словно Господь Бог внял молитвам Данте, и у бесчинствовавших извращенцев отнялись языки от ужаса при виде грозной ангельской рати...

— ...Поэтому-то об этом еще ничего не известно, — закончил фразу один из четырех чужестранцев.

Его собеседник раздраженно махнул рукой.

— Но ведь галеру видели у самого берега. Не сквозь землю же она провалилась!

— Ничего страшного. Остальное же у нас, — пожав плечами, сказал первый. — И сталь нам сейчас нужнее света.

— А больше всего нам нужно золото, — усмехнувшись, заметил третий. — Лично меня больше всего интересует оно. А сталь поможет нам его добыть. А свет пусть без остатка забирает император. Ведь он же его жаждет!

— Я все выяснил. Остальные уже в аббатстве.

Данте изо всех сил напрягал слух, чтобы не упустить ни слова из этого загадочного разговора. Он ужасно боялся, что посетители таверны вот-вот опять разорутся, и он ничего больше не услышит. От этого он не сразу почувствовал, что кто-то гладит ему шею.

Сидевший рядом с ним мужчина наверняка решил, что Данте сидит тихо потому, что ему нравятся такие ласки, и ущипнул поэта за ухо.

— Слушай, красавчик, а я тебя здесь раньше не видел...

Данте повернулся на голос, и в лицо ему пахнуло зловонным дыханием. Он увидел чье-то длинное лицо с сальной кожей, редкой белобрысой бородкой и маленькими налитыми кровью глазками. В руке у нового соседа Данте была кружка с вином, из которой тот все время отхлебывал. Вино текло у него по подбородку.

— Не приставай ко мне, приятель. Я хочу побыть один, — пробормотал поэт, наклонившись над своей кружкой и стараясь разобрать, о чем теперь говорят четверо чужестранцев.

— Один? Разве не одиночество источник самых страшных грехов и пороков? — настаивал его белобрысый сосед. — Оно может заронить в душу семена черной меланхолии, которая воспрепятствует нормальному движению жидкостей нашего тела, что повлечет за собой разнообразнейшие недуги и телесную дряхлость. Аристотель так прямо и пишет в своем трактате «О душе». Ты что, хочешь прежде времени постареть в панцире собственной гордыни?

У Данте на лице было написано такое удивление, что его собеседник рассмеялся.

— А ты думал, что я неграмотный? — воскликнул он, явно довольный произведенным впечатлением. — Но я по твоей одежде и твоим повадкам сразу понял, что ты — как и я — ученый!

— Аристотель никогда не писал ничего подобного. Особенно в трактате «О душе», — заявил поэт, по-прежнему прислушиваясь к словам чужестранцев, которые, кажется, заговорили о каком-то храме.

— Значит, об этом писал кто-то другой! — ухмыльнулся белобрысый и опять потянулся рукой к шее Данте, который машинально отшатнулся и раздраженно оттолкнул его руку.

Наверное, поэт ударил по ней довольно сильно, потому что белобрысый вскочил и во весь голос заорал, что его бьют. Все повернулись к Данте, а кое-кто уже начал приближаться к нему с другой стороны зала.

— Он ударил Теодолино! Держите его! — выкрикнул здоровенный верзила, одетый в кожаную куртку без рукавов, украшенную шляпками железных гвоздей. Схватив в руку огромный медный ковш, он показал им на Данте.

К столу, за которым сидел поэт, с двух сторон стали подбираться какие-то люди. Данте завертел головой по сторонам в поисках выхода. При этом одной рукой он отпихивал наседавшего на него белобрысого, который внезапно впился поэту зубами в руку. Заорав от боли, Данте изо всех сил ударил его свободной рукой в лицо. Белобрысый отлетел в центр зала и с грохотом опрокинул стоявший там медный светильник. В воздух взлетел сноп искр и раскаленных углей, и теперь уже заорали те, кого они обожгли. Обожженные позабыли о Данте. Они прыгали и скакали на месте, стряхивая угли с волос и одежды. Однако остальные по-прежнему с угрожающим видом приближались к поэту.

Данте понял, что ему несдобровать. Великан с медным ковшом был уже совсем рядом и бросился на поэта, но вдруг споткнулся и грохнулся на пол. При этом поэту показалось, что ему ловко подставил ножку один из тех четверых мужчин, чей разговор он пытался подслушать.

Воспользовавшись новым замешательством, Данте в несколько прыжков добрался до двери. На пороге он на мгновение задержался, обернулся и показал посетителям таверны кукиш.

— Подождите! Я доберусь до вас, сукины дети!

Посетители разразились градом проклятий в ответ. Лишь четверо незнакомцев с невозмутимым видом сидели на прежних местах, наблюдая за происходившим как из театральной ложи.

Выскочив из таверны, Данте пустился наутек, опасаясь погони. Однако дверь таверны за его спиной так и не распахнулась, словно находившиеся по ту сторону не могли пересечь заколдованный порог.

Поэт остановился и притаился за углом какой-то лачуги.

В этот момент из боковой улочки вышли двое. Они осмотрелись по сторонам и крадучись направились к дверям таверны. Из-за угла Данте мог их как следует рассмотреть.

Это были Чекко Ангольери и молодой Франческино Колонна.

Конечно, сиенец вполне мог опуститься и до посещения такого рода заведений. Его падение в бездну пороков было настолько глубоко, что этот бывший герой Кампальдино в своих нынешних сиреневых штанах мог предаваться и самым противоестественным усладам... Но Франческино, кажется, не такой... Нет, их появление здесь явно как-то связано с си-

девшинами в таверне четырьмя загадочными чужестранцами!

Данте не знал, что ему делать. Вернуться в таверну было бы безумием. Можно было подождать, когда незнакомцы выйдут, и попробовать их допросить, но в ожидании поэт потерял бы множество драгоценного времени. А незнакомцы вряд ли рассказали бы ему правду. От Чекко и Франческино можно было ожидать того же. Им ничего не стоило придумать тысячу ложных объяснений своему появлению в таверне, которые Данте никак не смог бы опровергнуть.

Наверное, лучше сходить к мастеру Альберто. Может, хоть он догадался, для чего предназначен загадочный механизм...

механика было такое разочарованное лицо, что Данте сразу все понял.

— Ну как, мастер Альберто? Ничего?

Альберто покачал головой:

— Почти ничего. Кажется, я понял, как соединить некоторые детали и даже сделал несколько недостающих шестеренок. Смотрите.

С этими словами мастер протянул Данте блестящее зубчатое колесико, явно только что вышедшее из-под его рук.

Данте поднес колесико к свету, лившемуся из окна, и восхитился его совершенством.

— Ваше произведение ничем не уступает языческому. Но дело ведь не только в совершенстве формы! Вам следует понять суть этого механизма. И как можно быстрее. Ведь время, которое он отсчитывает, уже истекает!

— Суть его в целом ясна, — пробормотал мастер, пораженный взволнованным тоном поэта.

— Так каково же его предназначение? — живо поинтересовался Данте.

— В нем все стремительно вращается. Вращение неумолимо ускоряется благодаря постепенному сокращению диаметра зубчатых колес.

Мастер и поэт одновременно взглянули друг другу в глаза, не сомневаясь, что их озарила одна и та же мысль.

Первым заговорил Данте:

— На небесах Луна тоже вращается быстрее Сатурна, пребывающего на самом краю Божественного творения. Но зачем это нужно?

— Не понимаю. Если бы этот механизм был призван измерять время, его стрелки показали бы нам, как бьются крылья пчелы или стучит человеческое сердце. Такое впечатление, что эти часы имеют неземное предназначение...

— Может, Аль-Джазари изготовил их для ангелов?

— Или для демонов. Кроме того, вот здесь имеется совершенно гениальная деталь. Если я не ошибся, здесь ум мастера познал Божественную сущность! — воодушевленно вращая глазами, воскликнул Альберто.

— Чего же здесь такого? — настороженно спросил Данте, уже видевший такой блеск в глазах у людей, взошедших на костер из-за желания преодолеть пределы, положенные Богом разуму, не озаренному его благодатью.

— Смотрите! Ось, а на ней два свинцовых шара на концах двух подвижных пружин.

Данте рассмотрел указанную мастером деталь, а потом вопросительно взглянул на Альберто.

— Они регулируют скорость вращения. Это кажется очень простым, но на самом деле придумать такое можно лишь благодаря божественному озарению. Это до гениальности простое решение огромной проблемы. Неужели вы не понимаете? Мы тоже можем создать механизм, вращающийся за счет энергии, накопленной в стальной пружине, или под воздействием опускающегося груза. Но ни в одном из наших механизмов это движение не может быть постоянным, потому что в них нет этого приспособления.

Механик по-прежнему восхищенно пожирал механизм глазами.

— Смотрите! — Альберто указал Данте на отверстие в бронзовой пластинке, прикрепленной к механизму с одного бока. Чья-то ловкая рука начертала вокруг него изображение человеческого глаза. Механик покосился на поэта с таким видом, словно ждал от него объяснений.

Данте наклонился поближе. Отверстие точно совпадало с зеницей изображенного ока.

— Может, через это отверстие надо смотреть? — неуверенно предположил он.

По ту сторону отверстия находилась латунная рамка, прикрепленная к осям так, что ее можно было поворачивать под разными углами. Рассматривая ее, поэт

внезапно поймал себя на том, что прикидывает, влезло ли бы в эту рамку одно из зеркал из реликвария Антиохийской девы. С другой стороны механизма было такое же отверстие, а перед ним — такая же рамка.

Данте озадаченно прикусил губу.

Тем временем механик нарушил молчание:

— Я тоже думал, что это может быть очень необычная астролябия с отверстием для наблюдения за звездами. Однако это не так. Одно отверстие не видеть из другого. Между ними вращаются пластинки. Тут что-то не так!

— А может, мы должны смотреть как раз на вращающиеся части? — предположил поэт.

Альберто обхватил голову руками:

— Аль-Джазари утратил рассудок! Что, если этот механизм не имеет прикладной цели, а лишь должен продемонстрировать его мастерство? Вдруг на его создание Аль-Джазари подвигла слепая гордыня?

— Замечательный, но ненужный механизм? Вряд ли из-за него убили бы столько народа!

Мастер поднял на поэта удивленный взгляд, но Данте не дал ему пуститься в расспросы.

— Попробуйте догадаться, для чего он предназначен. Вы даже представить себе не можете, как это важно!

— Дайте мне еще времени!

— Времени-то у нас меньше всего... — пробормотал Данте.

Механик вновь погрузился в изучение механизма, а поэт огляделся по сторонам.

В углу притаился Амид. Он тихо сидел на коврике и беззвучно молился. Поэт присел на ящик у верстака, положил на руки подбородок и стал наблюдать за юношей.

Данте знал, что сарацины во время молитвы поворачиваются лицом к Мекке, но вид молодого человека, уткнувшегося лицом в глухую стенку и шептавшего одними губами непонятные заклинания показался поэту до крайности нелепым.

Казалось, молодой раб почувствовал его усмешку, прервал молитву и злобно покосился на Данте.

— Расскажи мне о вашем рае, язычник. Что об этом пишут в ваших книгах? — спросил его поэт. — И не обижайся на меня за то, что я прервал твою молитву.

Данте действительно немного пожалел о том, что помешал Амиду, но тут же раздраженно напомнил себе о том, что слова язычника все равно улетали в пустоту.

— Поднявшись на седьмое небо, Пророк на крыльях волшебного крылатого коня Бурака вознесся в чертоги всемогущего и всемилостивейшего Аллаха, который раскрыл перед ним тайны всех вещей.

— И что это были за тайны?

— Аллах запечатал уста Пророка печатью молчания. Больше никто не должен об этом знать.

— Ну конечно же! А все потому, что твой «пророк» ничего не видел. С какой стати Богу рассказывать свои тайны какому-то язычнику. Вознестись к свету вообще можно лишь в искупление людских грехов и как предупреждение человечеству.

— Магомет — благороднейший из людей. Он первый и последний пророк. Кто же, кроме него, мог удостоиться чести посетить горнее царство и рассказать о нем?

— Господь может призвать к себе и самого жалкого грешника, если его разум способен видеть больше, чем рациональное сознание простого человека. Разум такого блаженного озарен искрой горнего огня.

— Вы говорите о себе, мессир Алигьери?

Данте раздраженно пожал плечами:

— Значит, ваш рай находится выше хрустальных сводов небес! И что же он собой представляет?

— По явившейся ему лестнице Пророк — да святится имя его! — сначала поднялся на семь небес семи планет именно в том порядке, в каком указали их положение прозорливые багдадские астрономы. Потом пророк преодолел бесплодные области мрака и света. И огненное море греха.

— В том порядке, в каком указали их положение греческие мудрецы — Аристотель и великий Птолемей, — покачив головой, поправил Амида Данте. — А области огня и тьмы, о которых ты говоришь, не колонны, на которых зиждется мироздание, а нечто, что мы узрели бы собственными глазами, если бы не опасались, что наш разум помутится от этого зрелища... Господь Бог очень далек от нас. Даже твой Авиценна* не смог бы сосчитать, сколько шагов нам надо пройти до его чертогов.

Молодой араб ничего не ответил, а Данте снова задумался о загадочных преступлениях. При этом перед его глазами предстало лицо математика Фабио даль Поццо. Даже математик не смог бы счесть эти шаги! Но понадобился же за чем-то математик, чтобы претворить в жизнь загадочный и недобрый замысел?..

Внезапно поэта охватила безотчетная тревога. В его голове зароились смутные предчувствия, и он бросился к двери.

Весь путь до постоянного двора Данте проделал бегом, проклиная себя за непредусмотрительность. Пожалев математика, которого пытали в тюрьме, он приказал его освободить. При этом он руководствовался не разумом, а чувством вины. Ведь Данте сам велел задержать Фабио и стал косвенным ви-

* Авиценна (Ибн Сина) — арабский философ и врач (987—1037), последователь Аристотеля, истолкованного в духе неоплатонизма.

новником его мучений. А потом поэт приказал его освободить, чтобы скорее забыть его окровавленное лицо и вывернутые суставы.

Но, может, еще не поздно? Может, математик все-таки решил немного отдохнуть, прежде чем пуститься в бегство на север?

самого постоянного двора Данте был уже не в силах бежать и медленно вошел в пустой зал на первом этаже. На лестнице тоже никого не было. Поднявшись на третий этаж к камерке Фабио даль Поццо поэт без стука открыл дверь и вошел.

В комнате никого не было. На столе лежали бумаги, испещренные геометрическими фигурами и цифрами. Потрогав пальцами чернила, Данте почувствовал, что они еще не просохли. Значит, математик только что был у себя!

Быстро просмотрев верхний лист, поэт увидел лишь заметки о склонении Венеры. Однако в углу листа он заметил какие-то красноватые пятна, словно кто-то прикасался к бумаге окровавленными пальцами. Машинально подняв голову, Данте взглянул в окно. Только что прозвучал колокол к вечерне — настало лучшее время для наблюдения за Венерой во всем ее великолепии. Про себя поэт восхитился измученным математиком, который не бросил занятий своей наукой.

Покинув комнату Фабио, Данте пошел по лестнице наверх. На самом верху лест-

ницы был люк. Данте поднял его крышку руками, высунул голову наружу и с досадой убедился в том, что на крыше башни никого нет. Однако не успел он опустить крышку люка, как внизу раздались чьи-то вопли. Предчувствуя страшное, Данте кинулся вниз, прыгая через три ступеньки.

Вопили из-за древней римской стены, где раньше начинались поля. Пройдя под аркой в стене, поэт подошел к людям, склонившимся над чем-то у подножия башни.

Тело математика лежало на камнях в луже крови.

Тут же был и хозяин постоялого двора, сразу узнавший Данте.

— Какое несчастье! — воскликнул он.

Поэт отогнал всех от трупа, чтобы лучше его разглядеть. Череп Фабио треснул, а руки и ноги были сломаны. Он явно с силой ударился оземь. Подняв голову к вершине башни, поэт подумал, что математик свалился оттуда, наблюдая за Венерой.

Но когда же это случилось? Труп был еще теплым, а Данте не слышал ни крика, ни звука его падения!..

— Как вы его нашли? — спросил он у собравшихся.

Все начали переглядываться и пожимать плечами.

Наконец вперед выступил испуганный мальчик.

— Это я его нашел, — пробормотал он. — Я шел за вином...

— Кто-нибудь видел, как он летит вниз?

На грубых лицах стоявших перед Данте людей вновь появилось тупое выражение, и поэт снова наклонился над трупом, разглядывая его сломанные конечности. Потом он осторожно перевернул мертвое тело и увидел на груди мертвеца две рваные раны. Один из ударов — несомненно, первый — умертвил Фабио даль Поццо на месте. Поэтому-то он и не закричал. Второй же удар убийца, видимо, нанес по природной свирепости. Жертва явно знала своего палача, иначе не подпустила бы его к себе.

К Данте приблизился трясущийся от страха хозяин постоянного двора.

— Кто был в башне? — поднимаясь на ноги, спросил его Данте и, не дожидаясь ответа, сам бросился туда. На первом этаже было по-прежнему пусто. Поэт вновь поднялся вверх по лестнице, заглядывая на этот раз во все комнаты. Нигде никого не было.

Хозяин бежал вслед за Данте.

— Не знаю, — бормотал он. — Кажется, никого... Я никого не заметил, но можно спросить у прислуги.

Поэт жестом приказал ему замолчать. Рассуждать было поздно, но картина преступления стала проясняться перед его внутренним взором.

Убийца приблизился к Фабио даль Поццо на крыше башни, заколол его и сбросил труп вниз. Потом он пошел вниз по лестнице, услышал шаги поднимавшегося Данте и спрятался в ближайшей комнате. Когда же труп нашли и началась суматоха, убийца скрылся, пользуясь тем, что дверь постоянного двора с места падения была не видна. Убийце повезло. И у него наверняка железные нервы...

Данте горько упрекал себя в том, что не появился на постоянном дворе раньше. А ведь ему могло хватить нескольких минут для того, чтобы предотвратить очередное убийство. При этом он с горечью подумал о том, что Фортуна от него явно отвернулась.

Мертвые гребцы на галере! Трупы в ее каюте! Архитектор и личный скульптор Фридриха II Гвидо Бигарелли! Риго из Колы! А теперь и Фабио даль Поццо!

Кто-то целенаправленно убивал людей, загадочным образом связанных с замыслом, суть которого Данте была по-прежнему неясна.

В этот момент на лестнице раздались чьи-то тяжелые шаги. Высунувшись на лестницу, поэт увидел широкоплечую фигуру Жака Монерра.

Преградив ему дорогу, Данте спросил:

— Вы знаете о том, что произошло?

— Да, — спокойно ответил француз. — Я видел труп. Это случайность?

Поэт молча изучал выражение лица Монерра, но тот и бровью не повел.

— Нет, — наконец ответил Данте. — Его убили.

Вздвогнув, Монерр осмотрелся по сторонам, словно убийца мог прятаться где-то рядом, а потом повернул к поэту свой единственный зрячий глаз.

— Вы знаете, кто его убил?

— Нет. Опять не знаю.

— Вы думаете, эти убийства как-то связаны?

Данте кивнул, но решил не рассуждать об этом с тем, кто мог сам оказаться убийцей, и перевел разговор на другую тему:

— Я хотел вас кое о чем спросить. Вы, кажется, из Тулузы?

Француз молча кивнул.

— А не приходилось ли вам там сталкиваться с монахом Бранданом, призывающим ныне всех христиан отправиться в новый крестовый поход?

Монерр слушал Данте спокойно, но, казалось, шрам у него на лице углубился, а щеки побледнели. И все-таки отвечал он совершенно спокойным тоном:

— Нет. Кажется, я такого не знаю. Тулуза многолюдный город. Туда стекается множество торговцев, а также толпы паломников по пути в Сантьяго-де-Компостела* на другой стороне Пиренеев. Я веду уединенный образ жизни, но и те, кто выходит на улицу чаще меня, вряд ли

* Сантьяго-де-Компостела — город на северо-западе Испании. Место религиозного паломничества (согласно легенде, в нем захоронены останки апостола Иакова).

знают всех, кто бывает в Тулузе. А имя такого монаха наверняка было бы у всех на устах.

Данте кивнул и задумался.

Теперь настала очередь Монерра нарушить молчание:

— А почему вы меня об этом спрашиваете? Какое отношение имеет Брандан к моему городу?

— На первый взгляд — никакого. Но один человек клялся мне в том, что видел его в Тулузе, а я надеялся, что вы подтвердите его слова.

— Это так важно?

— Тулуза не похожа на другие города. Это не только богатый город с цветущей культурой, но и источник всех ересей на французской земле. Если Брандан действительно из Тулузы, и это известно инквизиции, она рано или поздно вплотную им займется.

Говоря это, Данте внимательно следил за Монерром, пытаясь понять, знаком француз с мошенником Бранданом или действительно ничего не знает.

— А что вы сами думаете о чуде, свидетелями которого мы все стали, мессир Алигьери? — взглянув Данте прямо в глаза, спросил его Монерр с таким видом, словно намеревался во всем признаться.

— Я бы хотел спросить у вас то же самое.

Француз явно решил уйти от прямого ответа.

— Во время моих странствий я видал, пожалуй, более необычные вещи, например тени языческих демонов — джиннов, кружащихся вокруг объятых пламенем камней, но ничего вот такого мне не приходилось видеть. Больше меня удивила бы, наверное, лишь легендарная птица Феникс, возрождающаяся из собственного пепла.

— Если бы она при этом была настоящей!

— В этом случае ее место было бы в сокровищнице императора.

— Среди сокровищ императора Фридриха?

— Почему вы его упомянули? — вздрогнув, спросил Монерр.

— Говорят, его сокровища спрятаны именно в Тулузе. Их доставили туда после его смерти верные слуги, спасая это несметное богатство от алчных врагов и расточительных наследников. Если это так, то загадочный реликварий мог быть частью сокровищ императора.

— А у нас говорят, что сокровища императора спрятаны в другом месте, — с загадочным выражением лица сказал Монерр. — Многие думают, что оно скрыто как раз во Флоренции. «Sub flore — под цветком». Не в этом ли смысл этих загадочных слов, неотделимых от легенд о Фридрихе?

— И где же спрятаны эти сокровища?

— А не лучше ли задуматься о том, что они собою представляют, мессир Алигьери?

ГЛАВА VI

УТРОМ 11 АВГУСТА

ыйдя из Дворца Приоров, Данте натолкнулся на городскую стражу. При виде поэта стражники тут же бросились к нему с таким видом, словно только этого и ждали.

— Вот вы где! Мы вас искали! У моста Понте алла Каррайя случилось несчастье. Утонул человек. Мы как раз за ним идем! — перекрестившись, воскликнул один из стражников.

Данте с трудом удержался от того, чтобы самому не перекреститься. В народе верили, что утопленники не к добру. Как знать, может, народ в этом и прав. Ведь от природы последнее пристанище человека — земля, и в водяной могиле есть что-то противоестественное... Все, конечно, это очень печально. Но почему утопленником должны заниматься высшие органы управления Флоренцией? В Арно с его предательским илистым дном тонут довольно часто. Особенно летом.

Поэт хотел было отправить стражников к кому-нибудь другому, но внезапно его охватило недоброе предчувствие.

— Пошли! — воскликнул он и побегал вслед за ними.

Они двигались вдоль берега Арно ниже моста Понте Веккьо мимо бесконечных водяных мельниц. Вода в обмелевшей за лето реке текла медленно, часто кружась на месте в виде больших водоворотов.

На берегу рядом с первой опорой моста Понте алла Каррайя собралась кучка людей. Они на что-то смотрели и оживленно переговаривались. Подойдя поближе, Данте понял, что именно их так взволновало. В лопатках колеса последней водяной мельницы застряло человеческое тело, возникавшее из воды при каждом его повороте. Труп казался недобрым водяным божеством, то всплывавшим из глубины темной воды, то снова нырявшим в свою водяную могилу.

Поэт подумал, что в этом аллегорическом зрелище не законченного воскресения есть что-то зловещее. Труп как бы не желал опуститься в свою могилу, но силы, повелевающие царством теней, не давали ему вернуться на свет Божий, каждый раз удерживая его на краю освобождения.

— Почему никто не остановил мельницу? — спросил Данте у стоявших сложа руки стражников.

— Мельник пытается это сделать. Он уже отсоединил колесо от жернова, но оно все равно крутится. Сейчас в него пытаются вставить оглоблю, чтобы удержать, а потом — закрепить канатами.

И действительно, вскоре вращение огромного колеса диаметром более десяти локтей замедлилось, и покойник стал всплывать из воды все реже и реже. Наконец колесо замерло. Двое стражников осторожно полезли по деревянным балкам к застрявшему труп и спустили его на веревках в небольшую лодку, подплывшую к колесу.

Данте ждал их на берегу.

— Разгоните этих бездельников! — приказал он, указывая на столпившихся вокруг зевак.

Пока стражники оттесняли любопытных, пихая их древками копий, лодка с трупом причалила к берегу. Данте наклонился над покойником, лежавшим лицом в низ с раскинутыми руками, осторожно приподнял ему голову и откинул с лица промокшую насквозь густую шевелюру. При этом изо рта покойника полилась вода, как из кувшина. Данте тут же отпустил голову, и волосы снова упали мертвецу на лицо. Оглядевшись по сторонам, поэт попытался определить, заметили ли что-нибудь стражники, но на их лицах по-прежнему было написано лишь тупое любопытство.

Сам же поэт как следует разглядел лицо утопленника. Это было лицо Бран-

дана, возможно не единственное, но на этот раз, безусловно, последнее. Обманщик монах не успел нацепить на себя никакой особой личины, и на его посиневшем лице отразился лишь животный страх смерти.

Чуть-чуть приподняв труп, Данте растегнул на нем одежду. Все тело монаха было в синяках и кровоподтеках. Его явно сильно било о дно реки. В боку зияли две раны. Рассмотрев мельничное колесо, поэт убедился в том, что его лопатки прибиты огромными гвоздями. Возможно, именно они и порвали Брандану кожу.

Продолжив осмотр трупа, Данте увидел у него на плече необычную татуировку. Она была розовой и казалась на посиневшей коже кровавой. Изображала она восьмиугольник, окруженный какими-то маленькими значками. Никогда еще поэт не видел такого рисунка. Лишь отдельные из мелких значков напоминали ему обозначения, применявшиеся астрологами. Несколько мгновений Данте обдумывал увиденное, потом — встrepенулcя.

— Возьмите на мельнице кусок полотна и заверните в него эти бранные останки! — поднимаясь на ноги, приказал он стражникам, а сам достал из сумки восковую табличку и быстро воспроизвел на ней только что увиденную татуировку.

Данте с детства прекрасно рисовал, а знания в области разноцветных смесей для красок немало помогли ему при вступлении в Гильдию врачей и аптека-

рей. Из него вообще мог бы выйти прекрасный художник. Об этом ему говорил даже его друг Джотто. Что ж, в один прекрасный день, когда все будет по-другому, Данте, возможно, и отдаст должное этому замечательному искусству!..

Вскоре вернулся стражник с холщовыми мешками, послужившими трупу импровизированным саваном. Поэт помог завернуть в него мертвеца, стараясь, чтобы никто не увидел лица утопленника. Он немного успокоился лишь тогда, когда мешки были надежно обвязаны двумя веревками.

Теперь хотя бы какое-то время никто не узнает о гибели Брандана!

Данте не сомневался в том, что сейчас о ней никому, кроме него, не следует знать.

— Доставьте его в госпиталь Святой Марии. Если его не будут искать друзья или родственники, он будет погребен за счет городской казны.

Стражники удалились с покойником, а Данте думал о том, что делать дальше.

Значит, обманщик монах все-таки погиб во время бегства по подземному ходу. Наверное, он поскользнулся, упал в реку, и его затащило течением в мельничное колесо, где его одежда и застряла... Довольно жалкий конец для человека, кормившегося ловкостью и проворством...

Судя по состоянию трупа, Брандан утонул как раз в то время, когда скрылся из аббатства по подземному ходу.

При этом внутренний голос все время нашептывал Данте недоброе. Поэт не мог избавиться от мысли, что две раны в боку Брандана могли быть и не следами гвоздей. Уж очень они напоминали следы ударов, нанесенных Гвидо Бигарелли и Риго из Колы.

А тут еще эта странная татуировка с небесными знаками!

Впрочем, поэт питал некоторые надежды разгадать ее тайный смысл.

Возможно, ему разъяснит его проявивший себя сведущим в астрологии старец Марчелло!

На постоялом дворе Данте сообщили, что в этот час Марчелло, как всегда, молится в церкви Сан Джованни.

Поэт быстро добрался до Баптистерия* и вошел в храм через его южную дверь, но перед этим ему пришлось пробираться между бесчисленными лачугами, за многие годы пристроившимися к величественному Баптистерию и чуть его не задавившими своей массой. Протолкался Данте и сквозь толпу торговцев, раскинувших свои лотки на чудом уцелевших могилах древнего кладбища.

* Баптистерий находится на Соборной площади, в центре Флоренции. Это уникальное восьмиугольное зелено-белое мраморное здание, построенное приблизительно в V веке, является одним из самых древних построек на Соборной площади. Когда-то здесь была крестильная купель, и, чтобы не создавать давку во время ежегодных крестин, было сделано три входа в капеллу, которые закрываются внушительными бронзовыми воротами. Мозаики, украшающие интерьер и купол, датируются периодом XIII—XIV веков.

Престарелый медик стоял в луче света, лившемся из окна. Он склонил голову на грудь и закрыл глаза с таким видом, словно погрузился в глубокие размышления.

Казалось, морщины на его лице за последнее время еще больше углубились. Grimаса боли исказила его лицо обычно отмеченное печатью спокойствия, порожденной длительными занятиями свободными искусствами. Данте даже показалось, что Марчелло страдает от приступов какой-то боли, выворачивающей ему внутренности.

В этот момент старец открыл глаза, увидел поэта и узнал его. Как по мановению волшебной палочки, лицо Марчелло приобрело привычное выражение.

— Каким ветром вас сюда занесло, приор? Вы тоже пришли возблагодарить Господа Бога в этот необычайный храм?

— Нет. Мотивы моего появления менее возвышенны. Я просто знал, что найду вас здесь.

— Вы искали меня? Какая честь для простого смертного!

Данте почувствовал иронию в тоне Марчелло, но не стал обращать на нее внимания и продолжал:

— Мне хотелось бы услышать, что говорит ваше знание небесных тел по поводу этой фигуры.

С этими словами поэт извлек из сумки восковую табличку с изображением татуировки Брандана и показал ее Марчелло.

Взяв табличку в руку, старец начал разглядывать ее издали.

— С годами мои глаза утратили способность видеть вблизи, мессир Данте. Наверное, смерть не хочет, чтобы я увидел ее появление...

Наконец он рассмотрел рисунок на табличке, осекся и надолго замолчал.

— Где вы видели эти знаки? — наконец спросил он.

— На теле покойника. Я надеялся, что вы разъясните мне их смысл, и я узнаю, чей это труп...

Марчелло посмотрел на Данте с таким видом, словно старался разгадать тайный смысл его слов.

— Это очень странные знаки, — пробормотал он, не выпуская табличку из рук.

— Мне кажется, это обозначения небесных тел. Каков же их смысл?

— Как вы правильно догадались, окружающие восьмиугольник знаки соответствуют различным небесным телам. Вот — Солнце, — пояснил медик, показывая кружок. — А вот прекрасная звезда Венера и мрачный Сатурн.

— А что означает восьмиугольник? Я видел и другие его изображения в книгах, говоривших о знаках Зодиака, но они были не совсем такими.

Старец ответил не сразу. Некоторое время он водил пальцем по линиям на воске.

— Его изображают очень по-разному. Здесь же мне кажется необычным одно. Очень немногие знакомы с этой особенностью углов во взаимном расположении звезд. Это — царский угол в сто тридцать пять градусов. Насколько мне известно, его знают только арабские астрологи.

— А почему этот угол — «царский»? И что такого особенного именно в этой комбинации?

— Вы о восьмиугольнике? Заморские язычники считают, что именно эту форму принимает Бог, когда хочет, чтобы люди его познали. Восьмиугольник — не что иное, как удвоенный Тетраграммон — непознаваемое имя Бога, двойной куб, на котором зиждется мироздание. Именно эту форму древние придавали зданиям, предназначенным для того, чтобы хранить божественный свет.

— Свет?

— Да... Божественный дух. Или следы его пребывания. Разве в дорогах вашему сердцу поэтических произведений не говорится о том, что даже сам Святой Грааль* хранится в каменном восьмиугольнике?

Подняв глаза вверх, Данте окинул взглядом мозаику потолка, потом — осмотрелся по сторонам.

* Грааль — чаша благодати, священная чаша, из которой вкушал Христос на Тайной вечере и в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь из ран распятого Спасителя. Согласно легенде, принесена на землю ангелами и хранится на недоступной горе Гальванс.

— У Баптистерия тоже восемь углов, — заметил он.

— Вот именно, — пробормотал Марчелло.

— А как по вашему? Зачем теперь строить в наших землях большое восьмиугольное здание? Не для Грааля же?

— А кто его строит? И где? — с удивлением спросил старец после небольшой паузы.

— К северу от Флоренции. Это очень странное сооружение.

— Вы его видели?

— Да.

— Ну и что же вы там увидели?

— Да почти ничего. Разве что — понял его форму. А впрочем...

— Что?

— Оно построено на тропе смерти. И смерть его уже посетила. Возможно, это была ее следующая остановка после постоянного двора и болота.

— Какого болота?

— А такого! — ответил поэт.

— И вообще Стикс совсем не так далеко отсюда, как вы думаете, — добавил он и удалился, покинув в Баптистерии удивленного старца.

анте протянул главе Гильдии строителей Манозлло лист, на котором Фабио начертил план сгоревшего сооружения. Манозлло взял его, не поднимаясь из-за своего огромного дубового письменного стола, стоявшего на возвышении, украшенном символами Гильдии.

Некоторое время он с удивленным видом рассматривал рисунок. На его лице появилось крайне недоверчивое выражение, и он повернулся к двум престарелым мастерам, поднявшимся из своих кресел, чтобы изучить рисунок.

— Что это такое?

— Именно это я и хочу от вас услышать. Это чертеж какого-то здания, которое уже начали строить. Что говорит вам ваш богатый опыт? Что это за чертежи? И для чего может служить такое здание?

— А зачем вам это знать?

Помрачнев, Данте сжал кулаки и шагнул вперед. Он прекрасно знал, что все связанное с деятельностью Гильдии строителей облачено покровом страшной тайны. Однако теперь перед строи-

телями стоял не кто попало, а флорентийский приор!

— За тем, что у меня есть основания подозревать, что это сооружение связано с преступлением. Я обязан его раскрыть, а вы обязаны мне в этом помочь, — прошипел поэт.

Казалось, Манозелло крайне удивлен. Он жестом подозвал к себе двух других мастеров, и они втроем склонились над бумагой.

— Какое странное здание! — пробормотал Манозелло первому из них. — Что это? Башня?

— Слишком большая, — что-то быстро прикинув в уме, ответил второй мастер. — Может, это помещение для прядельных станков? На севере их теперь сооружают огромных размеров. Или сушило для окрашенных тканей? Или для дубленых кож?

— Нет... Только я знаю, для чего это! — раздался чей-то дрожащий голос.

Самый старый, третий мастер уже бросил на чертеж быстрый взгляд и теперь держался в стороне.

Данте повернулся к нему и увидел, что неумолимо приближающаяся смерть уже наложила печать на его иссиня-бледное лицо. Один его глаз скрывало бельмо, а второй — пораженный катарактой — едва выглядывал из-под полуопущенного века. Однако теперь в этом еле живом глазе внезапно вспыхнул огонь.

— Это было давно... Очень давно...

— Мастер Маттео! — раздраженно перебил его Манозелло. — Поберегите себя. Не надо так напрягаться!

— Где это было?! — нетерпеливо воскликнул Данте, раздраженным жестом приказав Манозелло замолчать.

— Видите эти выступы на внешних углах здания, повторяющие в уменьшенном виде эту же фигуру? Видите образованную ими корону идеальной формы? — возбужденно продолжал старец. — Это здание предназначено не для смертных. Это — обитель богов! Когда Бигарелли...

— Бигарелли?! — воскликнул Данте. — При чем тут Бигарелли?!

Но старец, казалось, вообще не слышал поэта. Простерев сухую, как ветвь, руку над чертежом, он погрузился в воспоминания.

— С тех пор прошло пятьдесят с лишним лет. Вся моя жизнь...

Наклонившись над бумагой, он напряг остатки своего зрения.

— Да. Я видел чертежи замка, сделанные Гвидо Бигарелли по повелению императора.

Данте, кажется, начал понимать.

— Это один из замков Фридриха? Одна из твердынь, которыми император отмечал границы своих владений?

— Нет. Не границы. Это было в центре земель Капитанаты*. На возвышенно-

* Капитаната — одна из областей провинции Апулия на юге Италии. (В 1871 г. переименована. Сейчас именуется Фоджия.)

сти, с которой виднелось море. Под знойным солнцем Юга. Это замок Санта Мария аль Монте*.

Провожаемый взглядами собравшихся, старец с трудом поднялся на дрожавшие ноги и побрел к стене в глубине зала, где лежали на полках бесчисленные свернутые в трубку листы и стояли скрепленные металлическими полосами сундуки. Отперев замок на одном из них, старец долго рылся внутри и наконец разогнул спину, показывая с торжествующим видом пачку пыльных листов пергамента.

— Вот! Мои глаза почти ничего не видят, но меня пока не покинула память! Я помнил, где они лежат!

С этими словами старец разложил пергамент на столе.

— Один экземпляр выполнил я сам, когда работал с Бигарелли. Я тайно перерисовал его чертежи, — признался мастер Маттео и вздрогнул с таким видом, словно в любую секунду ждал мести своего прежнего учителя.

Данте склонился над чертежами.

* Санта Мария аль Монте — замок в Апулии, чаще именуемый Кастель дель Монте. Его называют первым памятником архитектуры итальянского Ренессанса. Ни исторические, ни архитектурные предпосылки возникновения замка Кастель дель Монте, который начали строить ранее 1240 г. как охотничий дом для императора Фридриха II Гогенштауфена, до сих пор не получили адекватного объяснения. С уверенностью указать прототипы этого восьмиугольного в плане здания с примыкающими к углам восьмигранными башнями было бы затруднительно. Исследователи так и не пришли к единому мнению в вопросе о том, что послужило для него моделью. Непонятно даже, какой была главная функция этой странной двухэтажной постройки.

Значит, это проект самого замечательного сооружения, построенного по воле Фридриха! О нем рассказывали невероятные истории вернувшиеся из-за моря пилигримы, если им посчастливилось побывать рядом с Каменной Коронай, как уже давно называли эту загадочную твердыню в форме идеально правильного восьмиугольника, окруженного восемью восьмиугольными башнями. Триумф геометрии! Считалось, что Каменная Корона повторяет своей формой древний Храм Соломона. А спроектировал ее Гвидо Бигарелли.

— Я видел ее, — пробормотал старый мастер Маттео.

— Вы видели, как Бигарелли чертит эти чертежи? Вы в этом уверены?

— Архитектор Бигарелли начертил чертежи, но идея изображенного в них здания принадлежит другому. Одному монаху...

— Какому монаху? — спросил Данте.

Не говоря ни слова, старец вновь склонился над чертежами. Казалось, он что-то ищет среди побледневших изображений ворот и стен. Наконец он показал на один чертеж:

— Вот! Вот так все и задумал великий Бигарелли! Теперь там все по-другому...

— Сейчас там не так? — воскликнул схватившийся за чертеж поэт. — А что — не так?

— Вот! На первом этаже. Смотрите! Сплошная голая стена. Так ее и задумал

мастер. И никаких окон! Их прорубили позднее. И никаких перегородок, стенок или комнат!

Глава гильдии строителей кивнул:

— Очень разумно. Без этих отверстий крепость гораздо неприступнее. Ее защитники легко отразили бы любой неприятельский штурм.

Последний раз взглянув на чертежи, Данте положил их на стол. Внезапно на него нашло озарение.

— Какой неприятельский штурм, мессир Манозелло? Фридрих безраздельно господствовал в тех краях. Он был властелином своих людей, их помыслов и их сердец. Стенами ему служили алебарды его гвардии и ятаганы сарацин из Лючеры*. Фридрих мог бы спокойно спать под любым кустом в своих землях, словно в покоях дворца в Палермо. Нет, эта стена без окон предназначалась не для защиты от врагов. — Провожаемый удивленными взглядами строителей поэт вскочил на ноги. — Нет, она была нужна для того, чтобы любой ценой удержать внутри нечто, что ни в коем случае не должно было выйти наружу.

— Думаете, это была тюрьма? — покачивая головой, спросил Манозелло. — Украшенная мраморами и мозаикой? Вряд ли! Да и в каждом городе Фридриха уже было по тюрьме...

* Фридрих II переселил часть сицилийских арабов в Южную Италию, в замки Лючеру и Ночеру, и образовал из них военные поселения.

— Кому нужна такая огромная восьмиугольная камера? — пробормотал Маттео. — Нет, это помещение, сумрачное, как бесконечная дорога во тьме, предназначалось для чего-то другого.

— А если в нем должно было храниться нечто огромное? — настаивал Данте, представляя себе тайное логовище, предназначавшееся не для Минотавра, а для Ауробороса — гигантского змея времени, вечно грызущего собственный хвост.

Манозелло с сомнением покачал головой:

— Фридрих был не самым добродетельным человеком. Мы, хорошие христиане, поддерживаем мать нашу Святую Церковь, называющую его Антихристом, посланным в наказание нам самим Сатаной. А по-вашему, он — новый Минос? Что же хотел он скрыть в этом каменном кольце? Думаете, этот еретик привез с собой с востока Минотавра?

— Нет. Но ведь не только минотавров прячут от любопытных взглядов за глухими стенами! Это могло быть нечто, воистину выходящее за пределы возможностей человеческого разума.

— Что, например?

— Какие-нибудь знания. И мастер Маттео наверняка со мной согласится, — ответил поэт, повернувшись к утвердительно закивавшему старцу.

* Минос — легендарный царь о. Крит. С именем М. связаны многочисленные мифы. По преданию, он повелел построить лабиринт, в котором скрывалось страшное чудовище Минотавр — получеловек-полубык.

— Прошу вас о последней услуге, — сказал ему поэт. — Сделайте мне набросок плана замка Фридриха в его первоначальном виде. Таким, каким он запечатлелся в вашей памяти.

Мастер Маттео исподтишка взглянул на главу гильдии, словно спрашивая у него разрешения. Манозелло кивнул, и Маттео проковылял к одному из больших столов, где взял лист бумаги и начал чертить на нем линии, прикрыв глаза и доверяясь лишь внутреннему зору своей памяти. В какой-то момент он замер, разглядывая начертанное на бумаге. Потом добавил еще кое-какие детали и посыпал бумагу порошком, впитавшим в себя лишние чернила.

— Таким я запомнил его пятьдесят лет назад, — сказал он, протягивая лист бумаги поэту.

анте покинул Гильдию строителей, так и не узнав почти ничего нового. Впрочем, теперь он не сомневался в том, что с загадочными событиями, которые он расследовал, связаны и загадочный замок Фридриха, и еще более странное сгоревшее сооружение.

Солнце клонилось к закату. Скоро должен был пробить колокол, запрещающий флорентийцам покидать свои жилища.

Пора задать пару неприятных вопросов Чекко Ангольери!

Быстро добравшись до аббатства, Данте вновь проник в него сквозь маленькую боковую дверцу, а потом на цыпочках пробрался к ризнице.

В церкви не было следов его приятеля, и поэт уже стал опасаться, что Чекко сбежал вместе с Антиохийской девой, но потом услышал тихий приятный звук, доносившийся из конца коридора. Это была ритмичная музыка — какой-то танец или боевой марш, но играли его очень приятно и с чувством.

Остановившись на пороге ризницы, Данте стал с удивленным восхищением слушать, как сидящая на подушках девушка играет на лютне. Наклонившись над нею, Амара гладила струны тонкими пальцами с таким выражением лица, словно их ласкала. Казалось, девушка всем телом впитывает ритмичное дрожание инструмента, чьих звуков она, скорее всего, даже не слышала. При свете свечи ее светлые волосы походили на серебристый водопад. Поэт пожирал глазами ее прекрасное тело. У него бешено билось сердце.

Внезапно девушка подняла глаза и увидела Данте. Она тут же вскочила на ноги, словно чего-то испугалась.

Лютня с жалобным звуком упала на пол, а Данте попытался успокоить ее жестами.

— Я ищу Чекко, — сказал он. — Ты меня понимаешь?

Девушка кивнула.

А что, если она почувствовала пробудившееся в поэте желание и решила от него скрыться?

Однако, вместо того чтобы убежать, девушка поманила к себе Данте, показав пальцем на маленький столик в углу. При этом она вертела головой по сторонам, словно что-то искала. Несколько раз она поднесла ладонь к губам. Казалось, ей хочется что-то сказать поэту, и она досадует на то, что лишена дара речи.

Наконец Данте приблизился к столику, представлявшему собой тонкую камен-

ную плиту с сеткой прямых линий, изображавших на его поверхности шахматную доску.

На столе и рядом с ним лежали шахматные фигуры из слоновой кости и черного дерева. Они валялись, как тела воинов, павших в сражении.

Взяв в руку черного короля, Амара поставила его в центр доски, не отрывая глаз от лица Данте с таким видом, будто хотела убедиться в том, что он следит за ее действиями. Потом она показала пальцем на черную фигурку с короной на голове и зашевелила губами, словно пытаясь что-то сказать.

— Это король? — спросил у нее Данте, Амара покачала головой и несколько раз ткнула пальцем в корону на голове у фигурки. — Корона? Символ власти? Империя?

Амара смотрела на поэта широко открытыми глазами и продолжала гладить пальцем корону.

— Император Фридрих?

Немая девушка явно обрадовалась и энергично закивала. Взяв черную королеву, она поставила ее возле короля, а рядом с ними расставила всадников на конях и башни. Потом она быстро описала круг над этими фигурами, словно заключая их в невидимое кольцо.

— Двор императора Фридриха? — пробормотал Данте.

Амара снова кивнула. Некоторые время ничего больше не происходило, и поэт

подумал, что небольшое представление уже закончено. При этом он пристально рассматривал расставленные на шахматной доске фигуры, пытаясь понять смысл их расположения. Амара тоже не сводила с них глаз. Потом она нашла белую королеву и поставила ее с другой стороны черного короля.

— Другая женщина?

Кивнув, Амара взяла белую пешку и поставила ее возле белой королевы.

— Ребенок, — пробормотал Данте. — Ребенок от другой женщины?..

Немая девушка снова замерла, но, может, она и это делала не случайно? Может, она хотела показать этим, что прошло немало времени.

Внезапно Амара вышла из оцепенения выбрала какую-то белую фигуру и поставила ее сразу за черным королем. Несколько раз показав пальцем на эту белую фигуру, девушка взяла ее в руку и с такой силой ударила ею по черному королю, что тот отлетел в противоположный угол ризницы.

Ударившись об пол, он сломался. Данте подобрал его и задумался.

Кто-то убил императора ударом в спину.

— Кто-то убил Фридриха? — спросил он, повернувшись к Амаре. — Кто-то из его свиты?

Девушка кивнула, но Данте покачал головой. Слухи об убийстве Фридриха стали распространяться сразу же после его смерти, которую желали очень многие.

Однако Амара, судя по всему, не сомневалась в том, как именно все произошло. Может быть, до ее сведения дошло что-то посерьезнее простых слухов?

Поэт снова повернулся к шахматной доске. Амара выбрала на роль убийцы белую фигуру — того же цвета, что и вторая королева. Возможно, белый цвет олицетворял в ее глазах людей, не связанных с двором императора или просочившихся в его окружение, скрывая свою истинную сущность?

В этот момент немая девушка схватила Данте за рукав, пытаясь вновь привлечь его внимание к шахматной доске. Теперь она показывала пальцем на маленькую пешку, стоявшую под защитой белой королевы. Взяв пешку в руку, Амара осторожно переставила ее в дальний угол доски. Потом она выбрала две черные фигурки, увенчанные своего рода епископскими митрами, и поставила их так, словно теперь они защищали белую пешку.

— Ребенок спасся бегством и спрятался у священнослужителей? — спросил Данте.

Немая девушка сначала покачала головой, а потом, кажется, передумала и энергично закивала.

— А что потом стало с этим ребенком?

Амара заметно растерялась. Она заламывала руки не в силах выразить свои мысли. Потом она увидела в пальцах у

Данте корону на отбитой голове черного короля и вырвала ее у него из рук. С торжествующей улыбкой она возложила корону на голову белой пешке.

— Ребенок будет коронован?

Кивнув, Амара провела по воздуху круг, словно показывая все вокруг себя.

— Здесь? Его коронуют во Флоренции?

В этот момент до слуха поэта долетел звук осторожных шагов. Повернувшись, он увидел на пороге ризницы Чекко Ангольери.

Амара тут же скрылась в глубине ризницы, словно недовольная его появлением.

— Я пришел кое-что тебе сообщить! — ледяным тоном заявил ему Данте. — Сегодня я видел Брандана на берегу Арно. Он утонул.

Поблуднев, Чекко поднес ко рту ладонь, покосился в сторону, куда убежала Амара, а потом спросил у поэта:

— Ты уверен, что это именно он?

— Совершенно.

— Как он умер? — спросил сиенец, прислонившись к стене с таким видом, словно у него подгибались колени.

— Возможно, он утонул сам, — немного помолчав, сказал Данте. — Хотя кое-какие следы на трупѣ заставляют задуматься, не помог ли ему кто-нибудь в этом? Твое поведение мне тоже не нравится. Выкладывай все начистоту!

— Я тебе уже все сказал!

— Не верю. Говори, а то хуже будет!

— Если Брандана убили, это явно дело рук папы Бонифация!

— Почему? Если священники действительно раскусили вас, а вы обманывали людей лишь для того, чтобы выманить деньги у простаков, папа не испугался бы вас и не стал бы резать по одному из-за угла. Вы были бы уже в руках инквизиции или сидели бы на площади в колодах!

— Будь Бонифаций настоящим наместником Бога на земле, каким он себя величает, а не алчным проходимцем, все именно так и случилось бы. — Чекко понурил голову, но потом снова взглянул Данте прямо в глаза: — Я не все тебе сказал. План приверженцев любви не ограничивается тем, что ты уже знаешь.

— Так говори же!

— Антиохийская дева — лишь первый шаг на длинном пути, в конце которого нас ждет сокровище. Если люди Бонифация об этом прознали, нам конец!

— Какое еще сокровище?

— Куда бы Фридрих ни отправлялся со своим двором, он везде возил с собой ящики с императорской казной. Особенно тщательно он стал следить за этим, когда почувствовал, что вокруг него зреет заговор. Это произошло после опалы Пьера делла Винья*. Однако возить с собой эти ящики становилось все труднее и

* Пьер делла Винья — канцлер и фаворит императора Фридриха II, блестящий стилист и оратор. Он впал в немилость, был заточен в тюрьму, ослеплен и покончил с собой (в 1249 г.).

труднее, а после поражения под Пармой, когда лагерь императора был разграблен, а его сокровища чудом ускользнули из рук неприятеля, Фридрих решил спрятать их в надежном месте.

— Ты знаешь где? — невольно подавшись вперед, прошептал Данте.

— Говорят, что это знают приверженцы любви. А ради чего же еще я участвую в этом безумном предприятии? Я пока еще в своем уме, что бы ни твердила эта шлюха моя жена! Кажется, первыми о том, где спрятано сокровище, как-то узнали французские приверженцы любви в Тулузе. Однако извлечь его из тайника, судя по всему, довольно сложно и очень хлопотно. Для этого-то и задуман фальшивый крестовый поход. С его помощью мы соберем нужные для этого деньги и необходимых нам людей.

— А ты знаешь, где оно спрятано?

Сиенец грустно покачал головой:

— Во Флоренции к нам должен был прийти человек. Он сказал бы нам, что делать дальше. Мы должны были встретиться с ним на постоялом дворе «У ангела». Только Брандан знал этого человека и, может, уже с ним встречался. Но со смертью Брандана ниточка оборвалась... Что же нам теперь делать?! — заломив руки, воскликнул Чекко.

— Ничего не предпринимайте и сидите здесь тихо. Может, Брандан просто поскользнулся и захлебнулся. Будь это дело рук Бонифация, мы бы здесь не сидели.

А вдруг незнакомец, которого вы ждете, еще объявится?

Чекко кивнул, обеими руками схватившись за хрупкую соломинку надежды.

— Но кое-что я все-таки знаю. Я слышал, что Фридрих спрятал сокровище в восьмиугольнике.

Сев к шахматной доске, Данте задумался. — Если речь идет о поисках легендарных сокровищ Фридриха, не удивительно, что из-за них уже погибло столько народа... В восьмиугольнике?.. Император вполне мог спрятать сокровище в своем замке Кастель дель Монте. Если это так, смысл фальшивого крестового похода вполне очевиден. Набрав толпу фанатиков и авантюристов, ее повели бы по дорогам Апулии к портам, из которых можно отплыть в Святую Землю. Добравшись до Капитанаты, можно было под шумок незаметно извлечь сокровище из тайника в восьмиугольном замке... Но зачем же строить рядом с Флоренцией его копию?.. Чтобы как следует его изучить и найти двойные стены, в которых спрятано золото? Но если замок построил сам Бигарелли, зачем ему понадобилась его модель?.. И зачем такое количество зеркал, если вполне достаточно двух, чтобы спрятать тело Амары под реликварием?.. А что это за загадочный механизм?.. А зачем убивать столько людей?.. И есть ли загадочный наследник императора, или это он сам собирается возникнуть из небытия во всем блеске былой славы?

У Данте от усталости слипались глаза, голова стала невероятно тяжелой и упала ему на руки. Поэт медленно опустился на ковер у шахматной доски и погрузился в сон.

Во сне он, наверное, сполз с ковра, потому что холод каменного пола пронзил его до костей. Все члены его тела окоченели и отказывались ему повиноваться. В какой-то момент Данте привиделось, что кто-то расставил по помещению множество зеркал, в которых отражались ужасные и неверные образы — отражения страшных существ совсем другого мира. Внутри зеркал извивались огненные демоны, их змеиные хвосты вились по полу, как щупальца, подползавшие к подсвечникам.

Не до конца понимая, что видит это лишь во сне, Данте поднялся на ноги и попятился от зеркал к выходу из проклятого аббатства, но замер на месте, окаменев от страха. В одном из зеркал раздалось рычание. Теперь зеркала образовали собою восьмиугольник, в центре которого разверзлась бездна. Из нее доносилось эхо страшного грохота и чьи-то вопли. Казалось, в преисподнюю рухнула огромная колоннада, увлекшая за собой толпу людей. Приблизившись к провалу и заглянув в него, Данте увидел, что из его недр неумолимо поднимается бесформенная и ужасная черная масса. Поэт хотел бежать, но ноги ему не повиновались, и он замер на месте, содрогаясь от страха.

На глазах у окаменевшего Данте из пропасти поднялся огромный бородач с двумя лицами, украшавший собою нос галеры с мертвецами на борту. Оба его рта терзали клыками человеческие тела. Гигант рычал и мотал головой. Вокруг него летали кровавые брызги и куски человеческого мяса.

Поэт с ужасом заметил, что люди в зубах у гиганта еще живы и корчатся в смертельных муках, испуская душераздирающие вопли. Двое людей в золотых коронах. Два короля. Отец и сын...

ГЛАВА VII

12 АВГУСТА НА РАССВЕТЕ
НА ПОСТОЯЛОМ ДВОРЕ

Бернардо отложил бумаги и встал с отсутствующим выражением на лице. Казалось, он был полностью поглощен своими мыслями. Внезапно он согнулся пополам от приступа кашля, истощившего его последние силы, рухнул на постель и пробормотал: «Воды!», указав пальцем на стоявший на столе кувшин. Он обливался потом, на лице его играл нездоровый румянец.

Не успел Данте наполнить водой его оловянный кубок, как Бернардо вырвал его из рук поэта и стал жадно пить, оторвавшись от стакана лишь после того, как осушил его до дна. Его трясло. У него стучали зубы.

Наконец ему стало чуть лучше, он заметил Данте и вежливо предложил ему садиться, убрав несколько фолиантов с единственной в комнате деревянной табуретки.

Убедившись в том, что его гость уселся, ученый оперся спиной о подушку.

— Чем могу вам служить, мессир Данте?

— Я хотел узнать у вас кое-что о жизни императора Фридриха.

Бернардо едва заметно кивнул.

— Мог ли уцелеть один из его отпрысков?

Историк пожал плечами. Внезапно он заметил у себя на пальце чернильное пятнышко и принялся пристально его изучать с таким видом, словно оно могло дать ответ на любой вопрос. Наконец он поднял глаза на поэта и пробормотал:

— Это возможно. А что?

— В последнее время происходят странные вещи. У меня какие-то предчувствия, я слышал туманные намеки и надеялся на то, что вы об этом знаете больше других.

— Фридриху не подходят обычные мерки. Его по праву считают самым замечательным человеком нашего времени. Его называли Чудом света. Очень многое в нем самом и в его жизни неясно. Своим трудом я пытаюсь пролить свет на то, что до сих пор считалось неизвестным, но очень многое так и останется загадкой. Много о нем безвозвратно забыто, иное — случайно или нарочно искажено. Очень долго многие не верили в его смерть. Совсем недавно в германских землях появился человек, утверждавший, что он — император Фридрих, некогда скрывшийся от своих недругов, а теперь вернувшийся спасти империю.

— Ему поверили?

— Да. Несколько лет он скитался в тех краях, окруженный армией приверженцев, готовых отдать за него жизнь... Что же до вашего вопроса, я не могу дать на него ни отрицательного, ни положительного ответа.

Данте ждал, что еще скажет Бернардо, но тот, кажется, не хотел раскрывать тайну. Некоторое время он выжидательно смотрел на Данте и наконец заговорил:

— Династия Гогенштауфенов прекратилась со смертью злополучного Конрада*. Других законных наследников у императора не было. Однако Фридрих любил многих женщин...

— У него было много незаконнорожденных детей?

— Превеликое множество настоящих, а еще больше — вымышленных. У него не было, пожалуй, ни одной наложницы, которая не хвасталась, что зачала от самого императора. Да и сам Фридрих был не склонен опровергать некоторые слухи. Ведь он был убежден в том, что плодovitость — атрибут настоящего величия, а многочисленное потомство укрепит династию и умерит аппетит ненасытных законных наследников. Фридрих не желал отказываться от власти до дня естественной кончины, положенного ему матерью-природой.

— А не было ли среди его незаконнорожденных детей такого, который мог

* Конрад — наследник Фридриха II, родившийся в 1228 г. у императрицы Изабеллы, супруги императора.

бы — с большими основаниями, чем остальные — претендовать на наследство?

— Точно не знаю. Может, и был. Именно это я и хочу выяснить, изучая труды моего учителя, — уклончиво ответил Бернардо, кивнув на стол с бумагами.

Данте показалось, что Бернардо больше ничего не знает или — по каким-то причинам — искусно притворяется. При этом поэта заинтересовали слова историка о естественной кончине императора.

— А что, Фридрих боялся, что его могут убить?

Бернардо взглянул поэту прямо в глаза:

— А его и убили. Он умерщвлен коварным злодеем, уничтожившим самую большую из надежд людей нашего времени.

— Слухи о насильственной смерти Фридриха распространились сразу после того, как он загадочно и неожиданно скончался. Но его убийство ничем не доказано, если не считать лживых утверждений папской курии о том, что благородный Манфред* задушил больного отца, чтобы занять его трон.

— А Майнардино не сомневался в том, что Фридриха убили. Он считал, что императора отравил какой-то очень близкий человек, которому тот безоговорочно доверял.

* Манфред — король Сицилии (1231—1266), сын императора Фридриха II, 1254 г. — регент, 1258 г. — провозгласил себя королем в Палермо; имел пышный, блестящий двор, воспетый поэтами и художниками, 1266 г. — разбит Карлом Анжуйским при Беневенте и убит.

— Его врач? Об этом тоже говорили.

— Один врач покушался на жизнь Фридриха после сражения под Пармой, но его вовремя разоблачили. Нет, императора убил кто-то другой. Майнардино знал, что сможет это доказать, если только...

— Если что?

— Если сможет понять, каким образом императору дали яд. В последние годы своей жизни Фридрих был очень подозрительным и не вкушал ничего, что не попробовали раньше него другие. И все-таки его как-то умудрились отравить!

— А Майнардино не говорил вам имени убийцы?

— Нет. Но мой учитель ненавидел его, потому что этот человек не просто погубил монарха, но и разрушил надежды на торжество справедливости в этом мире.

Данте пододвинулся к Бернардо:

— Почему же вы в этом так уверены? До меня тоже докатилось множество слухов, но я не слышал ничего, кроме того, о чем обычно судачат после смерти любого великого человека.

— Майнардино все рассказал мне на смертном одре. Он сказал, что никогда не сомневался в том, кто именно дал императору яд. Он назвал его «неполным человеком».

— В каком смысле «неполным»?

— Может, он имел в виду какой-нибудь физический недостаток убийцы или уродство его черной души.

— Почему же убийцу не наказали?

— Я тоже спросил об этом учителя, и он ответил мне, что так и не сумел ничего доказать, потому что не понял, каким образом убийца дал императору яд. Майнардино писал: «*Certus quis, quomodo incertus*» — «Я знаю, кто это сделал, но не знаю — как». Фридрих был уже нездоров и вкушал только фрукты. Пил же он только разбавленное вино из Апулии. При этом и фрукты, и вино сначала пробовали беспредельно преданные ему телохранители-сарацины. И все-таки кто-то сумел подмешать ему в кубок отраву так, что никто другой этого не заметил и не пострадал от нее.

Бернардо замолчал, и Данте показалось, что ему на глаза навернулись слезы.

— Потом, когда император уже бился в предсмертных судорогах, а его государство начало разваливаться, раздираемое соперничеством и ненавистью, Майнардино решил подождать со своими обвинениями до более спокойных времен.

— А какова судьба кубка, из которого в последний раз пил император?

— Не знаю. Он пропал в суматохе после смерти Фридриха. Майнардино уверен, что кубок спрятал убийца, заматавая следы. Злодей наверняка боялся, что кубок может стать неопровержимым доказательством его вины.

анте вспомнил о загадочном механизме, необъяснимым образом связанном с происходившими событиями, и быстро пошел в сторону Санта Кроче и мастерской Альберто.

Мастер все еще корпел над механизмом, найденном на галере. Поэт с удовлетворением отметил, что на столе больше нет груды латунных шестеренок, похожих на внутренности загадочного животного. Судя по всему, мастер нашел их места внутри таинственного механизма, не ставшего, впрочем, от этого похожим на что-нибудь привычное.

— Вижу, вам удалось собрать это устройство, мастер Альберто! Расскажите же мне, что вы о нем узнали?

Мастер с недовольным видом повернулся к Данте:

— Да, я поставил все части на те места, где им должно пребывать по логике вещей. Ведь в механике — как и в самой природе — нет ничего случайного. Однако если природа — творение непостижимой Божьей Воли, механизмы — порождения гораздо более ограниченного в сво-

их возможностях человеческого ума, и количество возможных комбинаций их составных частей далеко не так велико, как в природе. Это позволяет воссоздать целое из отдельных частей, что невозможно, например, с рассеченным человеческим телом. Однако...

— Что «однако»? — нетерпеливо спросил поэт.

— Однако я не понимаю загадочного предназначения этого механизма, хотя теперь он собран и может быть приведен в действие.

Механизм находился в кубическом деревянном корпусе длиной, высотой и шириной около фута и представлял собой сложную комбинацию зубчатых колес. Некоторые детали блестели ярче других. Мастер Альберто сам изготовил их взамен поврежденных. Поверх квадратного корпуса покоилась длинная латунная ось, соединенная зубчатым колесом с внутренним механизмом. К противоположным концам оси было прикреплено по полукруту размером около вершка.

— Совершенно неясно! — подытожил Альберто.

— Воля Аллаха непостижима, — пробормотал молчаливо наблюдавший за происходящим молодой Амид.

— Говорите, механизм теперь работает? — сказал Данте. — Покажите.

Механик кивнул и стал крутить рукоятку, высовывавшуюся из ящика. Раздался металлический звук.

— Я натягиваю стальную пружину. Подождите немножко.

Рукоятка сделала около десяти оборотов. Данте казалось, что с каждым оборотом пружина сопротивлялась все больше и больше. Наконец Альберто перестал крутить.

С другой стороны на ящике было что-то вроде барашка. Механик немного его повернул, и в ящике что-то затикало. При этом верхняя ось начала вращаться, постепенно набирая обороты.

Данте с напряженным интересом следил за тем, как полукруги со свистом рассекают воздух, словно крылья гигантского насекомого, готового оторваться от земли. Механизм легонько дрожал, но вес вращающихся частей был рассчитан настолько точно, что вращение полукругов было невероятно плавным.

— Смотрите! — проговорил Альберто и еще немного повернул барашек. Ось стала вращаться еще быстрее.

— Этот барашек соединен с внутренним тормозом, регулирующим скорость вращения.

Теперь два полукрута крутились с такой скоростью, что казались медными дисками.

— И для чего все это нужно? — спросил Данте.

Альберто осторожно повернул барашек назад, и механизм остановился.

— Я же вам говорил! Не знаю. Не вижу ему никакого применения. Механизм приводит в движение эти крылышки. И все.

— А может, это часть какого-то большого механизма? — растерянно пробормотал Данте.

— Вряд ли. Я тоже об этом думал. Вся система внутренних шестеренок предназначена исключительно для того, чтобы крыльшки вращались. В корпусе нет никаких отверстий, через которые можно было бы подключить другие механизмы. Да и снаружи, кажется, тоже ничего не присоединить. Думаю, я полностью собрал механизм.

Сев на табуретку, Данте положил подбородок на скрещенные пальцы, не спуская взгляда с механизма в деревянном корпусе.

— Если есть регулятор скорости, наверное, этот механизм должен что-то измерять, — наконец проговорил он. — Но вы все-таки считаете, что это не часы?

— Это устройство не может измерять время человеческой жизни. Может, это действительно, армиллярная сфера*, но предназначенная для совсем других небес и миров.

Кивнув, Данте поднял взгляд на Амида в надежде, что молодой араб хоть что-нибудь объяснит. Однако тот лишь недоверчиво поглядывал на механизм. Шторка, за которой лежала его постель, была приоткрыта, и Данте заметил на убогой подстилке книгу «Китаб Аль-Мир'Аж».

* Армиллярная сфера — древний астрономический инструмент, употреблявшийся уже в III в. до н. э. для определения экваториальных или эклиптических координат небесных светил. Состоит из нескольких металлических колец с делениями, способных поворачиваться вокруг своей центральной точки. Вышла из употребления в XVI в.

— Спасибо вам за работу, мастер Альберто, — вздохнул поэт.

Поставив механизм на ящик в углу, Данте велел спрятать его мешок и пообещал механику, что в ближайшем будущем отблагодарит его за труд, хотя и не представлял, как оправдает расходы на его вознаграждение перед секретарем городского управления. Не знал поэт и что ему делать с загадочным механизмом, но внутренний голос подсказывал ему, что это устройство не должно оставаться в мастерской. Слишком многие знают о том, что оно именно здесь!

— Я не жду от вас вознаграждения, — сказал мастер Альберто. — Ваш город приютил меня, когда я бежал от преследований, которым подвергались вальденсы*. Считайте, что я проделал эту работу в знак благодарности.

На пороге мастерской Данте повернулся к молодому рабу.

— Неси за мной ящик! — приказал он и взглянул на механика. Тот кивнул.

Внезапно поэт придумал, где скрыть механизм.

Где же его прятать, если не в аббатстве Марии Магдалины, которое и так таит в себе немало секретов!

* Вальденсы — религиозная секта, желавшая возродить первобытную чистоту христианских нравов; признавали свободу чтения Библии и проповеди. Отлучены от церкви в 1184 г., тем не менее быстро распространились в Италии, Франции, Богемии; подвергались жестоким преследованиям и избиениям вплоть до XVIII в.

анте быстро шел к аббатству. Молодой араб поспевал за ним с ящиком на плече. Механизм был не очень тяжелым, но на улице было так жарко, что скоро Амид уже обливался потом. Однако он не жаловался и старался не отставать от поэта.

На одном углу Данте велел арабу остановиться и поставить ящик в тени от палатки какого-то торговца. Сев на ящик, поэт сказал:

— И что же? Твой бог так же восседает на троне в своем царстве праведников? А что же случается с нечестивцами?

— На третьем небе Пророку была явлена бездна греха. Он увидел огромную воронку, засасывавшую грешников и семь ступеней грехопадения.

— Семь? По количеству грехов?

— Наказание же грешника являет собой прямую противоположность его прегрешению.

— Противоположность? И это вы стаскивали у Аристотеля! — усмехнулся поэт. — А как же твой пророк поднялся на небо?

— Вместе с архангелом Гавриилом, — ответил Амид, утирая ладонью потный лоб.

— А зачем ему понадобился архангел? — спросил Данте, задумчиво теребя нижнюю губу. — Ему что, самому было туда не залезть?

— Вознамерившиеся подняться на небо без помощи, — пристально взглянув на поэта, ответил Амид, — сожгут себе крылья. Лишь небесный дух может, ничего не опасаясь, предстать перед ужасным ликом Всевышнего.

— Вот бы и мне такого помощника! — пробормотал Данте, вскочил на ноги и пошел дальше.

Добравшись до окрестностей древнего форума, поэт расплатился с Амидом монетой. Поставив ящик на землю, юноша удивленно осмотрелся по сторонам, но промолчал. Данте же не случайно выбрал именно это место рядом с рынком. Находясь в городе сплетников — Флоренции, он тем не менее надеялся, что здесь никто не обратит внимания на его носильщика со странным грузом на плече.

Подождав, пока раб удалится, поэт взвалил ящик себе на плечо и зашагал к аббатству.

По пути он встретил нескольких знакомых, но сделал вид, что никого не замечает. Не отвечая на приветствия и скрывая свое лицо ящиком, он шел своей дорогой.

Данте добрался до церкви, когда прозвонили к вечерне. У маленькой боковой

дверки поэт осмотрелся по сторонам и проскользнул внутрь вместе со своим грузом.

В церкви никого не было. Данте быстро открыл вход в крипту и спустился в подземелье. Найдя там светильник, поэт зажег его и стал искать, куда бы спрятать ящик.

В подземелье не было тайников. Данте уже собирался опустить ящик еще глубже в колодец, но удержался, опасаясь того, что речные воды могут в любой момент подняться.

Внезапно поэт вспомнил Антиохийскую деву. На древнем римском саркофаге в одном из углов подземелья стоял реликварий Бигарелли. Казалось, изображенное на нем лицо косит на Данте недобрым взглядом. Не удержавшись, поэт приблизился к реликвию, чтобы лучше рассмотреть плод безумной фантазии его автора.

Потом внимание Данте привлек к себе сам саркофаг. Судя по следам на полу, закрывавшую его каменную плиту недавно сдвигали. Поднатужившись, поэт тоже немного сдвинул плиту и поднес к щели светильник, чтобы осмотреть внутренности саркофага.

Он ожидал увидеть истлевшие кости, но свет лампы заиграл на стальных клинках.

Кто-то спрятал в саркофаге связку мечей. Оглядевшись по сторонам, Данте определил, что в подземелье еще два саркофага. Заглянув в них, он и там обнаружил оружие.

Немного подумав, поэт сгреб в сторону мечи и положил ящик с механизмом на свободное место, освободившееся на дне саркофага.

Он уже закрывал саркофаг крышкой, когда услышал на лестнице чьи-то шаги. В тусклом свете лампы Данте увидел Чекко Ангольери с коротким мечом в руке.

Увидев Данте, Чекко опустил меч:

— Это ты!.. Я слышал здесь шум и уже хотел...

— Зачем ты мне лгал? — спросил его поэт, закрыв саркофаг.

Чекко напустил на себя обиженный вид.

— Когда это я тебе лгал? — спросил он, почесывая свой объемистый живот.

— В этом подземелье полно оружия. Зачем оно вам, если вы просто хотели надуть флорентийских ротозеев?

— Я тоже видел эти мечи, но, честное слово, я не знаю, зачем их тут спрятали! — воскликнул Чекко, отшвырнул оружие и приблизился к Данте. — Все организовали приверженцы любви, но мне известна лишь часть их плана. Никто из нас не знал его целиком, но если о нас узнают люди Бонифация, мы все погиб-ли...

Сиенец побледнел как смерть и затрясся от ужаса. У него подогнулись колени, и он сполз по стенке на пол.

— А при чем тут Папа Римский? — встревоженно спросил поэт, которому

сейчас меньше всего хотелось вступить в борьбу с папской курией.

Чекко прикусил губу, но наконец решился на признание:

— Приверженцы любви задумали какое-то большое дело.

— У нас во Флоренции? Что именно?

Сиенец стал озиаться по сторонам, словно опасаясь, что их может кто-то подслушать. Потом он, кажется, справился со страхом, и к нему вернулась его обычная наглость.

— Это все деньги, друг мой. Наверняка — деньги. Из-за денег я с ними и связался. Из-за чего же еще? Приверженцы ищут кучу денег, спрятанных Фридрихом, мир праху его! И если мы найдем это сокровище, я наконец отправлю ко всем чертям своего папашу!

— Опять Фридрих! — раздраженно воскликнул Данте. — Все твердят о нем так, словно его призрак вернулся и расхаживает по земле. О мертвецах должно говорить с почтением, а вы никак не можете оставить его в покое и мошенничаєте, прикрываясь его именем! Выкладывай, что вы там задумали?

— Замысел очень непрост, — покачивая головой, ответил Чекко. — Уже сплетена целая паутина. Каждый из нас знаком только с тем, что должен выполнить сам. Полностью же план известен только Первейшему. Но я понял, что приверженцы любви действительно ищут сокровища императора. А я уж постараюсь отхватить

кусок побольше. Ты не представляешь, как мне нужны деньги...

Я и с тобой щедро поделюсь, если ты мне поможешь... Как тогда — при Кампальдино! — добавил он и хлопнул Данте по плечу, но тот раздраженно отбросил его руку.

— А кто теперь Первейший среди приверженцев любви?

— Очень долго им был наш друг Гвидо Кавальканти. Наверное, он был бы им и сейчас, не изгони ты его из Флоренции, — с кислой миной ответил Чекко. — А теперь командует кто-то еще поважнее. Больше я ничего не знаю, но в этом — уверен.

Данте сжал руками виски. Куски головоломки кружились у него в мозгу, как обезумевшие ночные бабочки вокруг огня.

— А еще я слышал, что они собираются отомстить за убийство императора, — добавил Чекко.

— За его убийство? — переспросил поэт, тут же вспомнив слова Бернардо. — Значит, и приверженцы думают, что императора убили?

— У нас говорят о яде и о лекаре императора.

— А как этот лекарь умудрился отравить императора?

— А вот этого никто не знает, — пожал плечами Чекко.

Данте поморщился. Опять никто ничего не может объяснить!

анте перешел не мощеную площадь рядом с Сан Пьеро, вокруг которой до сих пор стояли обломки домов гибеллинов, разрушенных после их поражения в 1266 году.

Часть стен этих домов уже вошла в состав сооружаемого нового Дворца Приоров с его высоченной башней. Тем временем конторы городской управы размещались неподалеку в нанятых специально с этой целью маленьких домиках.

Секретарь городской управы проживал в одном из них в начале Рыночной улицы. Его контора находилась на втором этаже. На первом же хранились городские архивы. Там покоились связки актов и указов, а также протоколы бесчисленных совещаний.

— Здравствуйте, мессир Дуччо! — приветствовал секретаря Данте.

Бросившийся ему навстречу лысый человечек почтительно поклонился и отложил в сторону пачку листов, которые подшивал.

— Чем могу служить?

— Вы знаете все, что творится в этом городе. Кто продает, а кто покупает, как и чем занимается.

Секретарь с довольным видом зажмурился и ухмыльнулся.

— Вы любезно преувеличиваете мою осведомленность. Гильдии с их системой регистров гораздо осведомленнее меня. Хотя я, конечно, и фиксирую в общих чертах все происходящее... Так я помогаю взимать налоги, — подмигнув поэту, пояснил Дуччо. — Ведь торговцы только и думают о том, как бы уклониться от их уплаты.

Оглядевшись по сторонам, Данте убедился в том, что комната секретаря обставлена очень скромно странной мебелью совершенно непонятного происхождения. В качестве письменного стола Дуччо использовал переделанный церковный пюпитр. Стулья в комнате тоже были совершенно разношерстные. И эти скромные помещения хранили в себе память обо всем происходившем во Флоренции.

— Что вам известно, мессир Дуччо, о некоем ученом по имени Арриго из Ези, с некоторых пор проживающем у нас в городе?

Секретарь закатил глаза с таким видом, словно узрел на потолке нечто невероятно интересное. Потом он зажмурился и стал повторять одними губами имя философа. Поэту показалось, что Дуччо мысленно листает страницы хранящегося у него в голове архива.

— Арриго из Ези. Да. Он философ, — через некоторое время пробормотал секретарь, — и не очень давно прибыл к нам со стороны Франции. У него с собой почти ничего не было, и он заплатил лишь маленькую пошлину за имевшиеся при нем книги и писчую бумагу. Он попросился в приют доминиканцев при церкви Санта Мария Новелла. Взамен он время от времени дает уроки в доминиканской школе.

— Вы уверены, что у него с собой больше ничего не было? Никаких ценностей?

Дуччо снова зажмурился:

— У него была при себе одна странная штукавина. Сборщики налогов никак не могли понять, какой пошлиной она облагается, и пришли ко мне за советом. При философе находился ящик с каким-то колесом и маленькими стеклянными предметами.

— Что-что?! — воскликнул Данте.

— У него было деревянное колесо. По крайней мере, так мне описал этот предмет начальник караула. А точнее, не совсем колесо... Постойте-ка! — хлопнув себя ладонью по лбу воскликнул секретарь и стар рыться в пачке бумаг у себя на столе.

— Смотрите! — проговорил он, вытащив из пачки один лист. — У меня ничего не пропадет. Вот донесение стражи с описанием непонятного предмета!

Данте увидел на бумаге грубое изображение двух концентрических восьмиугольников.

— Видите, что-то вроде колеса, как я и говорил!

— И что же Арриго сказал страже?

— Да ничего. Он сказал, что это нужно ему для научных занятий.

Не отрывая глаз от рисунка, Данте погрузился в размышления.

— Очень странно! — воскликнул Дуччо.

— Что «странно»? — встрепнулся поэт.

— Странно то, что Арриго приютили доминиканцы.

— Чего же тут странного?

— Вы что, не знаете монахов? Арриго в молодости был послушником во францисканском монастыре при брате Илии Кортонском — ученике Святого Франциска. Неужели вы не знаете о том, как не любят друг друга францисканцы и доминиканцы? Интересно, почему Арриго не поселился при монастыре Санта Кроче?

— Действительно, почему?

монастыре при церкви Санта Мария Новелла суетилось множество монахов, занятых самыми разными работами. Данте постарался побыстрее пробраться между ними к северному углу монастырского двора, где находились небольшие кельи монастырской школы. Он сам посещал ее в молодости и помнил твердость, с которой учителя внушали ему неизблемость догматов веры... Их веры. Черный и белый — цвета монашеских сутан. Два этих цвета прекрасно отражают их мировоззрение, благодаря которому эти люди делят все сущее на две части: истинное и ложное. Даже в юности будущему поэту становилось не по себе, когда он спиной чувствовал их взгляды. Сейчас его тоже охватила тревога, от которой он тщетно старался избавиться, хотя теперь он уже не школяр, зубрящий закон Божий, но облеченный властью миловать или казнить приор большого города.

Оторвав от земли глаза, которые он потупил, невольно подражая окружавшим его монахам, Данте решительно на-

правился к последней келье, из которой доносился знакомый ему голос.

Перед незамысловатой кафедрой, возвышавшейся на трех ступеньках, стояли две скамьи, на которых сидело человек шесть учеников — по большей части послушников с выбритыми тонзурами. Восседавший на стуле Арриго что-то нараспев читал из толстого, украшенного миниатюрами фолианта, покоившегося на пюпитре. Философ громко и медленно произносил слова текста.

Он делал это, подчеркивая значимость каждого отдельного слова, придавая ему скрытый, загадочный и таинственный смысл.

Данте сразу узнал текст. Арриго читал «Бытие» — повествование о начале Творения. Присев на край одной из скамеек, поэт внезапно узнал худую фигуру Бернардо, склонившегося над своими восковыми табличками и что-то быстро на них писавшего. В какой-то момент, увидев Данте, Бернардо быстро сложил таблички и кивнул ему в знак приветствия.

Тем временем урок Арриго подходил к концу. Философ кое-что процитировал из трудов отцов Церкви, подробнее всего остановившись на одном отрывке из Латтанция*. Потом Арриго повелел ученикам приготовиться к диспуту на следующем занятии. Когда ученики уже поднялись на ноги и готовились покинуть помещение, философ внезапно снова заговорил.

* Латтанций — один из отцов католической церкви.

— Мне бы хотелось, чтобы вы в следующий раз объяснили, каким образом Бог сотворил свет в первый день Творения, а звезды и остальные светила — лишь в четвертый, — спокойно сказал он.

Данте протолкался к кафедре среди уходивших учеников.

Арриго захлопнул фолиант, поднял глаза и тут же воскликнул:

— Мессир Алигьери! И вы, Бернардо... Как я рад, что вы нашли время послушать мои сбивчивые рассуждения! Пойдемте на улицу! Здесь так душно... Там же, в прохладной тени, мы сможем с вами приятно побеседовать.

Втроем они вышли во двор и остановились под сенью навеса, опиравшегося на колоннаду, состоящую из тонких двойных колонн. В центре двора был разбит цветущий сад, разделенный на отдельные участки, где монахи выращивали лекарственные травы для монастырской аптеки. В одном из углов двора пышное мандариновое дерево простерло к колоннаде свои длинные ветви. Рядом с ним журчал фонтан.

Склонившись над струей, Арриго стал жадно пить воду.

Тем временем Данте повернулся к историку:

— Не ожидал застать вас на занятии, посвященном первым дням Творения. Мне казалось, что вас больше интересует история нынешних дней.

— Наши дни — не что иное, как последствие самых первых дней. Ведь каж-

дое живое существо в зрелом возрасте является собой лишь развитие своих младенческих форм. Поэтому-то меня и интересует далекое Творение, — с уклончивым видом сказал Бернардо.

— Мне кажется, вы идете по стопам великого Аристотеля, — ответил с легким поклоном Данте. — Похвально. Но разве само Священное Писание не учит нас тому, что не все сотворенное — вечно?

Напившись, Арриго утер губы ладонью и вмешался в разговор:

— Выходит, вы, мессир Данте, поддерживаете тех, кто считает, что Творение не исчерпывается первыми шестью днями, и утверждает, что Господь и позднее с различными целями вмешивался в результаты своего труда?

— Я лишь повторяю слова Писания. Бог прибавил к миру различные вещи. А что вы об этом думаете, Бернардо? — настаивал Данте.

Историк пожал плечами.

— Могу лишь преклониться перед вашими познаниями в области теологии, — сухо ответил он, покосившись на Арриго.

Поэту показалось, что Бернардо в растерянности. Возможно, он пришел сюда, чтобы наедине побеседовать с Арриго, и теперь не знал, что делать.

Сам Арриго, кажется, тоже что-то почувствовал и с веселой улыбкой потрепал Бернардо по плечу:

— Ну что вы! Приор такой же ученый, как и мы с вами. Пусть сегодня он и зна-

ет гораздо больше меня, когда-то он все-таки был моим учеником. Не стесняйтесь! Говорите!

Прикусив губу, Бернардо переводил взгляд с Данте на Арриго. Наконец он решился:

— Вы знаете, какому труду я посвятил свою жизнь, и вы можете просветить меня в том, что меня очень интересует. Я хотел бы узнать о том, какими были отношения Фридриха и Илии Кортонского в последние годы жизни императора?

Арриго прищурился с таким видом, словно при звуке этих имен у него заныла старая рана, но очень скоро взял себя в руки и успокоился.

— Император отправил Илию на Восток в 1241 году от Рождества Христова, — продолжал Бернардо. — Вы не знаете, зачем он это сделал?

— Наверняка это была дипломатическая миссия. Илия должен был примирить Константинополь и Ватикан после их разрыва на Никейском соборе, — немного подумав, ответил Арриго, хотя его явно удивил вопрос историка. Данте даже показалось, что философ предпочел бы промолчать.

— Так говорят все. Это значит в летописях. Но не было ли у Илии еще какого-нибудь поручения?

— В те времена я был простым послушником. Когда я дал монашеский обет, Илия уже давно вернулся из своей поездки.

— И вы ничего не слышали? До вас не дошло никаких слухов? — настаивал Бернардо.

— Нет. Повторяю: я был юн и выполнял простейшие послушания. Остальные монахи не делились со мной своими секретами, если они у них вообще имелись...

Бернардо задумчиво склонил голову. Судя по всему, слова Арриго не очень его убедили. Историк вновь взглянул в глаза философу, но тот не потупил взгляда.

— Значит, это действительно так, — пробормотал Бернардо. — Что ж, мне пора за работу.

С этими словами историк отвесил неглубокий поклон и удалился.

Данте и Арриго провожали его взглядом до тех пор, пока он не скрылся из вида.

— Ссора Ватикана и Константинополя? — наконец проговорил Данте.

— А что ж тут такого? — одними губами усмехнулся Арриго. — Такие были времена: много царств, много императоров, много богов.

— Бог един, — сквозь зубы процедил Данте.

— Вижу, ничто не может разубедить вас в этом! — рассмеялся Арриго.

— Разумеется! Но меня больше заинтересовал вопрос, заданный вами ученикам. Вы считаете, что свет и светила это одно и то же? Какого ответа вы от них ожидаете?

Арриго пнул камешек, попавший ему под ноги, а потом — показал пальцем на небо, где светило палящее Солнце.

— Нет сомнений в том, что между светом и светилами нет разницы, и Священное Писание вводит нас в заблуждение. Когда Солнце скрывается за горизонтом, вместе с ним землю покидают свет и тепло. Я уверен, что Солнце — источник света, которого не может быть без горения.

— Подумайте о природе небесных тел, — ответил поэт. — При ясном небе свет излучают Луна и звезды, не испуская при этом никакого тепла. Выходит, свет существует и без горения. Следовательно, — в природном порядке вещей — он выше огня и вполне мог быть создан раньше него.

— Это было бы так, если бы звезды и Луна излучали собственный свет. Но на самом деле, они — лишь зеркала. Их блестящая поверхность всего лишь отражает свет Солнца, возвращая его нам из бездн пространства. Это лишь образ света, отразившегося в зеркале.

— Не может быть!

— Почему?

— Потому что Луна и звезды возникают после того, как Солнце скрывается за горизонтом. Чей же свет они отражают, если между ними и Солнцем воздвигается громада Земли?

Арриго взглянул на Данте с нескрываемым сочувствием.

— И этому есть очень простое объяснение, мессир Алигьери. Подумайте над этим как следует, и ваши выводы наверняка будут сродни моим.

Покраснев, Данте смешался, не находя объяснения, которое философ считал простейшим, и решил сменить тему разговора.

— Вы, наверное, научились ловко выкручиваться у Илии Кортонского, — попытался пошутить поэт.

— И у него, и у других. Но от него я научился, в первую очередь, страстному желанию познать истину, лежащую за пределами сухих рассуждений.

— Говорят, брат Илия был близок к императору Фридриху, — продолжал Данте, и Арриго молча кивнул.

— Он даже помогал императору воплощать в жизнь его архитектурные замыслы, — не унимался поэт. — Говорят, это он спроектировал замок замечательной формы — Кастель дель Монте — сооружение, истинный смысл которого по-прежнему загадка даже для тех, кто искушен в этих материях.

— Возможно, архитектура хуже других искусств поддается пониманию...

— А что же понять проще? Какое искусство? Какую науку?

— Искусство, возводящее здание своим учением, а не камнями.

— Алхимия? Вы о ней? Неужели именно она — сокровище Фридриха, которое все упорно разыскивают?

— Сокровище Фридриха... — пробор-мотал философ. — Да, сокровище императора действительно существует, но обрести его можно, лишь шагнув за порог Царства. Подумайте, мессир Алигьери. Попытайтесь найти ответ на мой вопрос! Что же до брата Илии...

— Он действительно был мудрецом? Или волшебником, как утверждают некоторые? — настаивал поэт.

Арриго долго молчал, глядя на Данте. Потом — опустил глаза.

— Илия был воистину великим человеком. Но его величие зиждилось не на мрачных тайнах, а на стремлении к свету познания. Пойдемте ко мне в келью. Я хочу вам кое-что показать. Кроме того, гостеприимные монахи подали мне прекрасного вина от своих виноградников. Промочим горло и возвеселимся...

Келья Арриго не уступала скромностью жилищу Данте. Однако у Арриго было множество бесценных книг. В разных местах их лежало штук пятьдесят. Часть их стояла на дубовых полках, другие же высились на полу, как столпы познания.

Войдя в келью, Данте не удержался и сразу же бросился к книгам. Поэт начал изучать их, перелистывая страницы. Потом он пришел в себя, отложил очередную книгу, покраснел и с извиняющимся видом повернулся к философу. Данте пришло в голову, что рыться в чужих книгах — все равно что лезть в душу к их хозяину.

Удивленный возбуждением поэта, Арриго замер на пороге.

— Не стоит извиняться. Провидению было угодно, чтобы я создал это небольшое собрание трудов древних авторов. Прошу вас черпать знания из этих книг, как воду из доступного всем кладезя.

Данте склонил голову в знак молчаливой благодарности и снова стал перебирать книги.

— Кое-кто пошел бы на убийство ради обладания этим сокровищем, — пробормотал он, поднимая с пола украшенную миниатюрами книгу.

— Убийства совершают лишь для того, чтобы сохранить собственную жизнь. А для мудреца нет жизни без слова, несущего знания.

— Вы часто рассуждаете о бурных страстях, мессир Арриго.

— А как бы вы расценили поступок человека, умертвившего себе подобного не по велению страстей, и не по природной свирепости, и даже не из-за отупения собственного мозга, а по убеждению, что лишь таким образом он может свершить высшее благо, устранив препятствие с пути добродетели?

— Никому не дозволено распоряжаться жизнями себе подобных, кроме случаев самообороны или защиты своего имущества. Добродетель же есть собственность всего человечества и как таковая должна быть защищена. Лишь весь народ в лице своих выбранных руководителей

имеет право карать покусившихся на добродетель.

— А что, если на преступление человека толкает любовь? Вы же столько писали об этом сладком недуге... А сколько страшных преступлений совершено из-за любви...

— Преступление противно природе вещей! — решительно заявил Данте.

Наклонившись над угловым шкафчиком, Арриго открыл его дверцу и достал глиняный кувшин, полный благоухающей жидкости. Поэт сначала рассеянно следил за его действиями, но потом его внимание привлек какой-то предмет на полке шкафчика. Этот предмет сверкал в лучах солнца, лившихся из окошка.

Философ заметил, куда смотрит Данте.

— Я знал, что это вас заинтересует, — с довольным видом сказал он, наклонился над шкафчиком и жестом предложил поэту последовать его примеру.

На полке стояла странная латунная лампа восьмиугольной формы, высотой более локтя. С одной стороны она имела окошечко, защищенное толстым стеклом.

Арриго провел пальцем по лампе, словно наслаждаясь ее формой.

— Это последнее творение моего учителя Илии Кортонского, — с улыбкой объяснил он.

— Эта лампа?

— Да, — кивнул Арриго. — Но это — не простая лампа. Брат Илия говорил, что ее свет прольется за море и озарит даже язычников в Палестине.

Сбоку странной лампы была дверца с маленькой ручкой. Открыв дверцу, Данте заглянул внутрь, но увидел лишь плоску, за которой был укреплен параболический диск, наверняка предназначенный для того, чтобы собирать свет в пучок и направлять его к окошку, закрытому стеклом... Поэт с разочарованным видом повернулся к Арриго.

— Она мало чем отличается от обычной лампы, — сказал он. — Разве что — размерами. Однако на галерах встречаются лампы и побольше.

— Она замечательная не своей формой, а источником света. Смотрите!

Философ порылся в шкафчике и извлек из него запечатанную колбу. Сквозь ее стекло просвечивал какой-то белесый порошок. Арриго поднес колбу к самому носу поэта.

— В последние годы жизни Илия усердно занимался алхимией. Этот порошок — его самое замечательное открытие. Впрочем, он никому не сообщил его состав, но настаивал на том, что порошок — крайне опасен.

— А каковы его свойства?

— Достаточно зажечь что-нибудь в плоске и подогреть на огне эту колбу. Через несколько мгновений порошок возгорится и начнет излучать очень яр-

кий белый свет, не подверженный никаким колебаниям, как свет самого Солнца.

Данте машинально потянулся за колбой, но Арриго тут же ее убрал.

— Берегитесь! Тепла руки достаточно, чтобы порошок возгорелся!

— Почему же Илия не открыл этот секрет императору? Этот порошок можно с успехом использовать на войне в целях освещения.

— Илия не любил войну, — покачив головой, ответил Арриго. — Кроме того, другого такого порошка он не приготовил.

— Что-то ему помешало?

Арриго снова покачал головой. Данте ждал его объяснений, но философ упорно молчал, погружившись в собственные мысли. Он смотрел куда-то в пустоту, словно вернувшись во времена своей молодости и созерцая темный силуэт своего учителя.

— Ему ничто не мешало, — пробормотал он. — Другой порошок ему был просто не нужен. Одной попытки вполне достаточно. *Omnia in uno* — все в одном...

Внезапно философ встрепенулся, пришел в себя, осторожно убрал колбу в шкаф и закрыл его дверцу.

— Попробуйте этого вина, мессир Алигьери! Уверяю вас, вы испытаете райское наслаждение!

казалось, что поэта поджидает гонец в ливрее свиты кардинала Акваспарты. Он наверняка уже давно ждал Данте и, узрев его, с видимым облегчением на лице вскочил на ноги.

— Его Высокопреосвященство повелел передать вам вот это! — заявил гонец официальным тоном, протягивая поэту сложенный вчетверо лист пергамента, перевязанный тесьмой, скрепленной печатью.

Сломав печать, Данте пробежал глазами содержание послания. Церковный иерарх приглашал его как можно скорее посетить резиденцию папского посольства, дабы поговорить о делах, не терпящих огласки.

— А почему твой хозяин не пришел к нам во дворец? — раздраженно спросил гонца Данте, складывая лист с посланием.

— Его Высокопреосвященство считает, что это было бы неразумно. Его появление здесь обнаружило бы важность дела, о котором пойдет речь. Кроме того...

— Что еще?

— Дело касается вас лично.

Данте задумался, прикусив нижнюю губу. Гонец явно не собирался больше ничего говорить. Поэту очень захотелось бросить его в подземелье и вздернуть на дыбу, где недавно побывал Фабио, чтобы у него развязался язык. Впрочем, Данте сомневался в том, что хитрец Акваспарта откровенничает со своими слугами.

Наверное, придется принять вызов и отправиться прямо волку в пасть!

Священнослужитель из свиты кардинала провел Данте по залам резиденции, переходившим один в другой в виде анфилады. На пороге последнего зала священнослужитель остановился и жестом пригласил поэта войти.

Данте вошел в помещение и двинулся к его центру, где на небольшом деревянном троне, украшенном символами власти, восседал грузный человек, скрывавший природную беспринципность за лицемерной маской добродушия. На коленях у кардинала лежала украшенная витым шнуром широкополая шляпа.

— Вот мы и снова увиделись, мессир Алигьери, — пропищал кардинал неожиданно высоким для его телосложения голосом, ухмыльнулся, тряс двойным подбородком, и протянул приору руку, украшенную массивным перстнем.

Данте же и не подумал ее целовать, а лишь шагнул к трону и скрестил руки на груди.

— Мне сообщили, что вы желаете меня видеть. Почему же вы не обратились прямо в совет флорентийских приоров?

Кардинал убрал руку, прикинувшись, что не замечает дерзкого поведения Данте. Его настоящие мысли выдали лишь слегка поджатые губы и огонек, вспыхнувший в глубине его глаз. Впрочем, он тут же напустил на себя снисходительный вид, не очень шедший его лицу, украшенному носом огромным, как у римского бюста.

— Беседуя с человеком, лучше обращаться прямо к его разуму, не теряя времени на разговоры с его конечностями или кишками. Вы же, судя по всему, как раз и есть ум вашего совета.

— Неужели Бонифаций снизошел до того, что приказал своим лакеям следить за такой ничтожной персоной, как я? — прошипел сквозь зубы поэт.

— Слуги Бонифация служат Церкви. Они пастыри, а вы — часть их паствы, которую они мудро наставляют на путь истинный, укрепляя ее веру и оберегая от волков, алчущих зарезать заблудших овец. Что же до вас! — воскликнул кардинал, с угрожающим жестом воздев украшенную перстнем руку. — Что же до вас, то ваши действия давно привлекли к себе пристальное внимание Святой Церкви!

Данте выпрямился во весь рост, но от слов кардинала у него побежали по коже мурашки. Он с трудом удержался от того,

чтобы начать озираться по сторонам в поисках зловещих черно-белых сутан доминиканцев, которые что-то вынюхивали, как ищейки, еще в аббатстве Святой Марии Магдалины. При этом поэт не сомневался в том, что глава местной инквизиции Ноффо где-то рядом. Возможно, в соседней комнате.

— Так что же вы хотите?

Кардинал с довольным видом усмехнулся:

— Мы хотим, чтобы вы изложили нам свои политические пристрастия.

— А с чего это они вас заинтересовали?

Кардинал молча взял с лежавшей неподалеку подушечки небольшую стопку бумаг. Пробежав глазами первый лист, он посмотрел на Данте с таким видом, словно уже выучил наизусть содержание остальных.

— Вы, кажется, любите историю? — спросил поэта кардинал и, не дожидаясь ответа, продолжал: — При этом вы, судя по всему, интересуетесь тем же, что и Бернардо, с которым вы теперь почти неразлучны. А ведь этот человек копается в отбросах прошлого далеко не в самых благовидных целях!

— Записывать произошедшее и подробно излагать события, связанные с самой замечательной династией за прошедшие сто лет — благороднейшее занятие. Почему оно, вам так не по душе? — сквозь зубы процедил Данте.

Неопределенно махнув рукой, Акваспарта снова взялся за бумаги.

— Не буду с вами спорить. Ведь речь сейчас идет не о судьбе этой злополучной династии, а о вашем собственном будущем, мессир Алигьери.

— О моем будущем? — удивился поэт. — Вот уж не думал, что оно вас волнует!

— Еще как волнует. За ваше жизнеописание с удовольствием взялись бы древние авторы, но у нынешних стражей добродетели вы вызываете серьезные опасения.

— Почему это? — мрачно спросил поэт.

— Потому что вы непредсказуемы. А непредсказуемость порождает неуверенность. Неуверенность же источник неверия. Неверие же — враг веры. Врата, через которые Сатана проникает в людские души.

Кардинал на несколько мгновений замолчал, теребя бумаги и трясая головой на бычачьей шее.

— В вас, мессир Алигьери, словно существуют два человека. Один — молодой любитель повеселиться, автор изящных стихов, блестящих и сладострастных, повествующих о горечи неразделенной любви. Я ведь тоже читал ваши стихи об этой самой Беатриче, на самом деле являющейся... Являющейся... — забубнил кардинал, роясь в бумагах. — Являющейся некоей Биче деи Портинари, несчастной

девушкой, выданной замуж за старого Барди... А ведь у вас прекрасные стихи! Достойные подражания в искренности описания любовного чувства. И вот...

Данте передернуло, а кардинал опять замолчал, зарывшись в бумаги.

— И вот, — вновь заговорил Акваспарта, — ваши стихи приобретают огромную популярность. Молодые поэты подражают вам, воспевая предмет своей любви, так похожей на вашу. Они объединяются по этому интересу и присваивают себе титул приверженцев любви. Я не ошибаюсь?

С этими словами кардинал вопросительно уставился на поэта, который, однако, ничего не ответил, застыв на месте, как настоящий соляной столп.

— Предводителем же этих приверженцев стал ваш друг Гвидо Кавальканти. Или он вам уже не друг? Вы же изгнали его из Флоренции. Интересно — почему?.. А другие приверженцы! Они ведь все люди незаурядные. Например, Франческо из Асколи. Якобы астролог, а на самом деле — опасный еретик! Слепец, ведущий за собой к гибели других слепцов! А некий Чекко Ангольери, оказавшийся нынче во Флоренции после того, как побывал в тюрьмах своей родной Сиены!..

— Вы, кажется, говорили, что во мне сосуществуют два человека...

— Вот именно! Несколько лет назад молодой певец идеальной любви уезжает учиться в Париж. Можно было ожи-

дать, что оттуда он вернется еще учений и разумней, но на самом деле он просто испарился. А на его месте возникли вы, мессир Алигьери. Совсем другой человек!

— Другой?

— Вот именно! Вопреки своим привычным нравам и презрению к плебеям, о котором вы неоднократно заявляли, вы вступили совсем на иной путь. Начали заговаривать зубы простолюдинам на улицах, добиваясь избрания в какие-то нелепые органы власти. Стали растрачивать природные дарования в спорах, как лучше проложить улицы, какие налоги устанавливать. Вы явно разочаровались в вечности, которой служили, и связались с лавочниками и торгашами, вступив на дорогу, ведущую в никуда. И, разумеется, стали пустым местом. Зачем вам все это нужно, мессир Алигьери?

— Допустим, в порядочном человеке живо стремление делать добро, которому нас учили отцы, — ледяным тоном ответил Данте.

— Хорошо. И кто же эти великие учителя, ставшие вам примером? Не считая, конечно, вашего наставника в общественной деятельности известного содомита Брунетто Латини*, избежавшего заслуженной кары лишь благодаря смерти?

* Брунетто Латини — итальянский писатель (1220—1294), учитель Данте, приор и секретарь флорентийской республики, изгнан гибеллинами. Во Франции написал энциклопедию знаний по-французски, а по-итальянски — аллегорическую поэму о небе и земле — предвозвестницу «Божественной комедии».

Кстати, он тоже принимал к источникам знаний в Париже и даже писал свои сочинения на французском!

— Примером мне служили многие патриоты моего родного города. В первую очередь Фарината дельи Уберти, Моска Деи Ламберти и Теггьяйо Альдобранди*.

Акваспарта прищурился:

— Так вот кто вас вдохновляет! Кроважный гибеллин, жалкий безумец, чьи действия вылились в резню на улицах Флоренции, и еще один педераст! Неплохая компания!

Разгневанный Данте шагнул к кардиналу, а тот снова потряс у него перед носом бумагами:

— Знаете ли, мессир Алигьери, занимающиеся вами сотрудники моей канцелярии выработали целую теорию. Они считают, что все началось со смерти вашего отца. Этот, скажем так, иногда честный торговец при жизни мог обеспечить вам беспечное и расточительное существование. Когда же он преставился, вам пришлось начать каким-то образом зарабатывать себе на жизнь.

Кардинал с трудом освободил свое грузное тело из объятий небольшого трона, на котором восседал, подошел к окну и жестом пригласил своего гостя подойти поближе.

* Фарината дельи Уберти, Моска Деи Ламберти и Теггьяйо Альдобранди — предводители флорентийских гибеллинов.

— Смотрите! У вас в городе вспыхнула настоящая строительная лихорадка. Сколько у вас строят зданий? Сколько прокладывают улиц? Сколько лавок открывается у вас каждый день? И каждый раз требуется разрешение. А разрешение чего-то да стоит. Не золота, конечно, но серебра — уж точно. Вы же были ответственным за улицы и дороги...

— Был. Ну и что?

— Вы занимались сооружением новой дороги в полях за Санта Кроче, — продолжал кардинал, ткнув пальцем в свои бумаги, но не открывая при этом прищуренных глаз с таким видом, словно и без них все знал.

— В ней была жгучая необходимость. По ней легко попасть в восточные районы города.

— Не сомневаюсь. Но, конечно же, чисто случайно эту дорогу решили проложить именно по вашим землям, превращенным одним росчерком пера из заросшего бурьяном пустыря в бесценные угодья. Думаю, это случилось совершенно случайно. Но ведь слепая случайность часто приносит нам огромную прибыль. Не так ли учит языческая философия, лежащая в основе ваших убеждений?

Данте побагровел. Его начала ослеплять ярость.

Этот бурдюк из прогорклого сала — воплощение всех пороков, в которых и так уже погрязла Флоренция!

Замолчав, Акваспарта вернулся к своему креслу с таким видом, словно прогулка к окну истощила его последние силы.

— Однако, — заявил он, плюхнувшись в кресло, — я пока, — подчеркиваю, пока! — не согласен с выводами моих помощников. Я наблюдал за вами и прочел творящееся в вашей душе так ясно, как это может сделать лишь человек, ведущий праведную жизнь. Я думаю, ваша нынешняя работа объясняется не просто тем, что вы, пользуясь своим положением, пытаетесь выжать из сограждан как можно больше денег. Нет. Так было бы, обладай вы низкой душой или непомерной алчностью, или невероятным тщеславием. В этом случае вас можно было бы купить за пригоршню флоринов или, оплатив вам ваши долги и ваших шлюх. Однако у вас в душе зияет гораздо более глубокая бездна.

— О чем вы?

— Мы убеждены в том, что ваша политическая деятельность — часть тщательно разработанного плана приверженцев любви, желающих протащить своих людей в высшие органы управления городами, в которых господствует партия гвельфов. Эти люди, неумело маскируясь под рифмоплетов вроде вас, должны вывести Италию из повиновения Святой Церкви и отдать ее во власть императорам. Однако, — воскликнул кардинал, на этот раз проворно вскочив с кресла, — Церковь уже много веков борется со змеем-предателем, тещащимся

ее удушить! Борьба идет с тех пор, как потомки Карла Великого нарушили условия договора, по которому им досталась корона Империи!.. Церковь непобедима! Она раздавит ничтожных и гнусных заговорщиков вроде вас. Зря вы вызвали во Флоренцию всадников Апокалипсиса!

С этими словами кардинал с угрожающим видом воздел к небу палец. От возбуждения он тяжело дышал. Складки его двойного подбородка колыхались. Схватив несколько раз воздух ртом, Акваспарта продолжал:

— Вы неизбежно погибнете. Вместе с шайкой проклятых гибеллинов, готовых предать что и кого угодно! Вы все умрете, как самый мерзкий среди вас — Фридрих, умерщвленный своей же ненасытной плотью!

— О чем вы?

— Этого Антихриста убил его же незаконнорожденный сын Манфред, желая получить корону и земли отца. А ведь папа Иннокентий уже пообещал короновать его королем Сицилии!

— Лжете! — в ярости воскликнул Данте. — Манфред был добрым и честным королем. Лишь ваши лживые лакеи именуют его отцеубийцей. Это подлая ложь!

— Да что вы-то знаете о случившемся еще до вашего рождения, когда ваше появление на свет было лишь туманной возможностью среди неисповедимых путей Господних?! Что вы знаете о Святой

Церкви, которая стояла и будет стоять во веки веков?! Фридрих убит по тому же дьявольскому наваждению, по которому его родила в Ези блудница из Альтавиллы!

— Если все так, как вы говорите, для меня это большая честь, — презрительно бросил кардиналу Данте. — Выходит, такому ничтожному человеку, как я, посчастливилось стать частью эпохального замысла.

— Не обольщайтесь. Мы знаем, что сейчас у вас и ваших сообщников дела идут не очень гладко. И вообще, золото Фридриха нужно вам гораздо больше, чем он сам. А ведь, кажется, змея действительно оставила после себя золотые яйца, и кто-то знает, где их найти.

— Вам это тоже интересно?

Акваспарта наострил уши:

— Это золото по праву принадлежит Церкви. С его помощью она выполнит возложенную на нее Всевышним задачу — умиротворит всю Италию под властью святого папы Бонифация. Отдайте нам это золото, и наше прощение окропит вас, как живительная струя святой воды, а Церковь заколет тучного тельца, дабы отпраздновать возвращение в ее лоно блудного сына!

— Теленок за сокровище? Не маловато ли? Впрочем, это вполне в духе алчного Бонифация!

— Наглец! Богохульник! Вы ни во что не верите!

— Я верю в единого Бога, который движет всем, пребывая в вечном покое. Царствующего и единого в трех лицах. Познаваемого не доказательством, а верой и озарением.

Кардинал саркастически рассмеялся:

— Под этим подписались бы и патарин*, и альбигоец. А может, то, что о вас говорят, правда?

— И что же обо мне говорят? — с равнодушным видом спросил поэт.

— Что в Париже вы черпали свои знания из очень странных источников. Что вы учились даже у магометан. Например, у Сиджери**.

— Сиджери из Брабанта не магометанин.

— Но он был поклонником Аверроэса!*** Разве этого мало?!

Данте пододвинулся к кардиналу и приподнялся на цыпочки так, словно хотел облобызать ему щеку.

— Лучше свет язычников, чем потемки вашей дремучей глупости, — прошептал он на ухо Акваспарте.

* Патарины — еретическая секта в Северной Италии, членов которой считали отличавшимися особой жестокостью по отношению к своим противникам.

** Сиджери из Брабанта — глава латинского аверроизма, преподававший в Парижском университете и бывший ярым приверженцем различения научно-философского исследования и теологии.

*** Аверроэс — знаменитый арабский философ пантеист и врач (1126—1198). Известнейший комментатор Аристотеля, положивший начало так называемому мистико-пантеистическому направлению (аверроизм) в толковании Аристотеля, имевшему огромное влияние на схоластическую философию.

Кардинал побагровел и подпрыгнул в кресле.

— Вы еще раскаетесь в своей гордыне. Мы ведь знаем о вас все, приспешник Антихриста! Подождите, придет время, и от гибели вас не спасут и его всадники. И когда придет это время — решать нам!

— Да свершится воля Бога всемилостивейшего и всемогущего! — пожав плечами, сказал Данте.

Лишь спускаясь по лестнице, поэт понял, что повторил слова язычника Амида...

анте пошел к берегу Арно мимо мастерских дубильщиков, пытаясь спастись от зноя свисавшим с шапки покрывалом и обмахиваясь рукой в тщетной попытке развеять смрад, поднимавшийся из чанов, в которых мокли кожи. Однако тошнотворный запах становился все сильнее и сильнее. Казалось, он липнет к коже, как туман.

Под жужжание бесчисленных полчищ мух поэт старался спрятаться в тени фруктовых садилов за церковью Св. Апостолов и сам не заметил, как сбился с кратчайшей дороги к Санта Кроче.

Внезапно он вышел из какого-то переулка к насыпи, поднимавшейся в сторону моста Понте Веккьо, на котором почему-то никого не было. Казалось, внезапный порыв ветра унес людей, обычно кишевших на мосту с его лавками, и теперь зловещую тишину нарушали только шуршание крыс под ногами, бродячие собаки, шнырявшие в поисках отбросов, и крики одинокой чайки, залетевшей сюда с моря. Данте прекрасно слышал журчание последней воды в почти пересохшем

Арно. Сначала казалось, что район вымер, но потом легкий ветерок донес до поэта звуки человеческих голосов.

На самой вершине моста — под аркой одной из лавок — кто-то стоял. Приглядевшись, Данте различил двух погруженных в беседу мужчин. Арриго и Монерра.

Поэт стал подниматься на мост мимо лавок, закрытых по окончании рабочего дня. Поглощенные разговором Арриго и Монерр его, кажется, не замечали. Потом они повернулись в сторону противоположного конца моста с таким видом, словно оттуда должен был кто-то появиться, и у Данте возникло впечатление, что перед ним чуть ли не заговорщики.

В какой-то момент Арриго сжал кулаки, как будто услышал что-то очень неприятное. Данте по-прежнему приближался, стараясь не шуметь. До вершины моста оставалось лишь несколько шагов, но его, кажется, все еще не замечали. Он же увидел силуэт третьего человека, приближавшегося с той стороны реки. Третий тоже двигался неслышно, едва касаясь камней полами своего длинного платья. Это был врач Марчелло. Данте узнал его высокую фигуру и слегка подпрыгивающую походку. Марчелло уже начал подниматься на мост и быстро приближался.

Трое мужчин встретились на мосту с таким видом, будто ждали застать там друг друга. Через мгновение Данте приблизился к ним вплотную. При этом у него в голове звучали гневные слова кардинала о всадниках Апокалипсиса, на-

значивших себе тайную встречу во Флоренции.

Заметив наконец поэта, трое переглянулись. Первым заговорил Монерр:

— Любопытно, что мы встретились на мосту. Древние верили, что именно в таких местах вершатся судьбы.

— Возможно, это оттого, что судьбе проще всего действовать именно на узком мосту, с которого не убежать, — поддержал француза Марчелло.

— Говорят, именно на мосту нечистый подстерегает путников, дабы заморочить им голову своим колдовством, — пробормотал Данте, обуреваемый подозрениями в том, что эта встреча не случайна.

— Нет, мессир Алигьери, — дружелюбно сказал Монерр. — Среди нас нет демонов, подходящих на роль нечистого.

Поэт хотел было ответить, но промолчал, кое-что заметив. Совсем рядом в стену одной из лавок был вмурован фрагмент римской статуи: уродливая бородастая голова, напоминавшая горгульи* церковных водостоков. Голова имела два лица, сильно пострадавших от времени и непогоды. Казалось, Монерр просто не может отвести от нее взгляда.

— Вас заинтересовала голова Януса? — спросил француза Данте. — Но ведь это

* Горгулья — драконовидная змея, по преданию, обитавшая во Франции, в реке Сена. Она с огромной силой извергала воду, переворачивая рыбацкие лодки и затопляя дома. Святой Роман, архиепископ Руана, ее усмирил с помощью креста, отвел в город, где ее убили горожане. Скульптуры в виде горгулий украшают храмы, построенные в готическом архитектурном стиле.

всего лишь олицетворение предрассудков древних, живших во времена лживых и коварных богов.

Монерр повернулся к поэту единственным зрячим глазом, словно желая что-то ответить, но промолчал и снова отвернулся к статуе.

— Кажется, нашего друга не может оставить равнодушным то, что существует в виде двух одинаковых форм, — предположил Арриго. — Возможно, это оттого, что его глаз утратил своего брата. Ведь погранные законы природы заявляют о себе особенно громко...

Марчелло молчал, глядя поверх статуи на большую водяную мельницу у дальнего моста, где закончил свою жизнь монах-мошенник. Потом он неожиданно обратился к Данте:

— А может, зловещая суть моста скрывается в самой его форме, а не в натуре взошедших на него людей? Как вы думаете?

— Ваши странные слова явно скрывают какую-то аллегорию, ускользающую от моего разума.

— Пожалуй, я могу вам помочь, — сказал Арриго. — Если я правильно понял, мессир Марчелло говорит о предназначении подобных сооружений. В этом смысле я согласен с тем, что в них видны проявления древнейшего человеческого дерзновения, из-за которого мы были изгнаны из рая. Ведь мост преодолевает препятствие, воздвигнутое на нашем пути

Всевышним, и следовательно, нарушает Господнюю волю.

— Я вас понимаю. Это очень изящное толкование, но, пожалуй, неверное, ибо оно исходит из того, что Господь с самого начала предопределил все сущее, которое не терпит никаких изменений, в том числе и в результате действия рук человека. Это, однако, противоречит Священному Писанию, в котором говорится, что Бог сделал человека властелином творения. Что же это за властелин, которому не должно подчинить своей воле даже обычный водоем?!

— Но ведь в Священном Писании говорится и о том, что человеку не должно вкушать от древа познания добра и зла, — покачал головой старый медик. — Значит, власть человека не безгранична.

— Однако от всех остальных древ мы, кажется, вольны вкушать и вкушаем! — рассмеялся Арриго. — Мы ведь даже рубим их на дрова! А вам не кажется, мессир Алигьери, что прав был Гераклит*, писавший о том, что дни наши — лишь пыль времен, рассеянная в безграничном мироздании наподобие атомов Лукреция?**

* Гераклит Ефесский — знаменитый греческий философ. Жил около 500 г. до н. э. За первоначало принимал огонь, то есть скорее процесс горения, как олицетворение вечного мирового движения, в котором и через который возникают и опять исчезают все вещи.

** Лукреций (98—55 до н. э.) — знаменитый римский поэт-философ. Раскрывая пред читателем природу и ее силы, Лукреций стремится освободить людей от предрассудков, от слепой веры в богов, от страха страданий и смерти и убедить в могуществе знания и превосходстве философии.

— Я считаю, что всем правит определенный порядок. Господствуй в мире случай, воздаяние по делам после смерти утратило бы смысл. Тогда и Сын Божий воплотился бы и пострадал на кресте лишь по случайному стечению обстоятельств!

Марчелло поддержал поэта, с серьезным видом кивнув головой.

Арриго же негромко проговорил:

— А вам не кажется, что именно в господстве случая проявляется вся красота необъятного и не постижимого человеческого разумом творения?

— Может, это и так, мессир Арриго, — ответил Марчелло. — Однако число возможных сочетаний обстоятельств хоть и огромно, но все же конечно. В далекой Персии, пока Магомет не обратил ее мечом в свою веру, мудрецы считали, что все на свете существует на протяжении лишь двадцати шести тысяч лет, а потом гибнет и вновь возникает в прежней форме. Очевидно, за двести шестьдесят столетий все возможные сочетания оказывались исчерпанными.

— Но ведь двадцать шесть тысяч лет кажутся бесконечными только нам, — возразил Данте. — Для Господа Бога они — лишь крупинка самого быстротечного мгновения. Как может наш всесильный создатель повторять свое творение в одном и том же виде? Неужели он станет уничтожать свое безграничное царство, чтобы снова создать все за шесть дней, вновь и вновь заставляя свет воссиять во мраке?..

— А почему бы и нет, мессир Алигьери? — ответил Марчелло. — Все уходит в небытие, а потом вновь возникает в той же форме, прославляя своим появлением вечный порядок вещей.

— Но это же безумие, мессир Марчелло! — воскликнул Арриго. — А докучающие нам мухи? Они тоже будут бесконечно возрождаться? А мулы и ослы, утопившие в своих экскрементах флорентийские улицы?!

— Безусловно! Да ведь и вы сами видите, что они вечны! — воскликнул старец.

— Значит, все вернется? — пробормотал внимательно слушавший его Данте. — И убийство Гвидо Бигарелли? И ничто не сможет его предотвратить? Ничто! Даже угрызения совести... Ваше учение делает зло непобедимым, Марчелло!

Воцарилось молчание, которое наконец нарушил Монерр:

— Возможно, преступления являются логической частью всеобщего замысла...

— А если преступление — часть высшего и бесконечного замысла, ради чего вам пытаться его раскрыть? — немного язвительно спросил поэта Арриго.

— Ради торжества справедливости. Ради того, чтобы наша земная жизнь хоть чем-то напомнила потерянный рай. Чтобы наш мир озарила хотя бы искра божественного света, — ответил поэт.

— Эта перспектива внушает мне опасение, мессир, — иронично сказал француз. — Мой последний глаз плохо пере-

носит яркий свет. Ему больше нравится мерцание звезд на темном ночном небе.

Данте промолчал, не сводя взгляда со своих собеседников. Он не сомневался в том, что их слова скрывают какой-то глубокий смысл. Эти люди явно встретились здесь не случайно. Возможно, внезапное появление поэта нарушило их тайные планы. Как знать, может, они хотели о чем-то договориться или объявить друг другу о готовности действовать...

Не исключено, что и сейчас — под видом рассуждений на философские предметы — они умудрились обмениваться какими-то тайными сведениями, посмеиваясь про себя над наивным приором... Данте даже захотелось так прямо и сказать им об этом, а затем — спросить их в лоб, зачем они тут появились? Однако втроем они могли легко найти какую-нибудь отговорку. Кроме того, они узнали бы о подозрениях поэта, и тому уже никогда не удалось бы докопаться до истины. — Нет, лучше заманить их в сети одного за другим!

— Убийца понесет заслуженную кару! — заявил наконец поэт.

— И вы в этом скоро убедитесь, — добавил он, воздев к нему палец, а потом повернулся и, не говоря больше ни слова, удалился.

У него за спиной царило молчание. Молчавших могло угнетать чувство вины. Или же они беззвучно смеялись над недогадливым Данте...

Скрипнув зубами, поэт зашагал быстрее.

обравшись до верхней ступени лестницы, начальник стражи с трудом перевел дух, а потом с решительным видом направился к приору.

— Очень важные новости! Осматривая лавки на рынке, мои люди кое-что узнали!

«Не осматривая лавки, а вымогая деньги у лавочников, чтобы закрыть глаза на их мошенничества!» — подумал Данте.

— Что там еще? — произнес он вслух.

— Во Флоренции появился опасный гибеллин! Кажется, он прибыл с севера, чтобы связаться здесь со своими тайными единомышленниками. Они наверняка собираются учинить в нашем городе что-то страшное! Скоро мне сообщат, где он прячется, и я схвачу его со всеми сообщниками. И то, что вы уже видели в тюрьме, покажется вам детскими игрушками!

— Кто же это исчадие ада? — скрестив руки на груди, спросил поэт.

— Иностранец. Кажется, француз. Я уже догадался, кто это. Желаете присутствовать при его аресте? Как только...

Властным жестом Данте приказал капитану замолчать.

— Того, что я уже видел в тюрьме, достаточно, чтобы посоветовать вам и вашим мясникам быть поосторожнее. Флоренция — вольный город. Ее граждан и гостей нельзя бросать в тюрьму без веских доказательств их вины. Для этого недостаточно услышанных на рынке сплетен.

— Но ведь он — гибеллин! — побагровев, прохрипел начальник стражи.

— А я приказываю вам пока ничего не предпринимать! И держите меня в курсе дела. Я сам скажу вам, когда надо будет действовать!

С этими словами Данте повернулся и направился к дверям, провожаемый ненавидящим взглядом капитана.

одобострастный начальник стражи вполз в покои кардинала чуть ли не на четвереньках.

Подобравшись к груде мяса и жира на троне, он так ревностно облобызал перстень Акваспарты, что тот даже испугался за палец и отдернул руку, но тут же успокоился и осенил капитана крестным знамением.

— Вы настоятельно требовали аудиенции... Я вас слушаю.

Начальник стражи отвесил очередной поклон и откашлялся:

— Ваше Высокопреосвященство, мне нужен совет. Ведь я хочу верой и правдой служить Святой Церкви!

Кардинал еле заметно кивнул в знак одобрения.

— Мои люди обнаружили скрывающегося во Флоренции предводителя шайки гибеллинов, но власти города, кажется, не спешат его обезвредить. Мне приказано бездействовать, хотя я очень скоро смог бы выкурить его из норы...

— И кто же приказал вам бездействовать? — прищурившись, прошипел кардинал. — Наверняка Данте Алигьери?

Начальник стражи кивнул.

— Благоволение папы Бонифация к верным ему городам не позволяет мне вмешиваться во внутренние дела Флоренции, — стал объяснять кардинал. — Следовательно, я не могу советовать вам не подчиняться ее властям, даже если эти власти не дают вам раздавить опасную гадюку. Даже если такой приказ неразумен и безответственен, никто не упрекнул бы вас в том, что вы его не выполнили.

— Но, Ваше Преосвященство, мне надо хотя бы заручиться поддержкой других приоров!

— Они вас поддержат. Не сомневайтесь. Кроме того, вы можете заявить, что действовали в целях самообороны. В чем же обвинят человека, истребившего кровожадного гибеллина, самым своим существованием представляющего для нас страшную угрозу? И будьте уверены в том, что я сам окажу вам всю посильную помощь!

Кардинал хлопнул в ладоши. Через мгновение из-за шторы возник темный силуэт главного инквизитора. Ноффо Деи не проследовал прямо к кардинальскому трону. Вместо этого он проскользнул вдоль стены, словно избегая солнечного света из окна, и лишь потом склонился перед нунцием папы Бонифация,

спрятав руки в широкие рукава своей черно-белой сутаны.

— Этот brave воин пришел заявить о том, что безгранично предан нам. Кажется, он раскрыл опасный заговор. Помогите ему. Сообщите ему все, что знаете о других заговорщиках, и тогда он наверняка найдет способ избавить родной город от нависшей над ним смертельной опасности.

Поклонившись кардиналу, Ноффо Деи жестом пригласил капитана следовать за собой.

— Как следует слушайте то, что вам скажут! — напутствовал Акваспарта начальника стражи, который, пятясь, уже покидал зал.

очему же его так интересовала статуя двуликого Януса?..

Постоялый двор «У ангела» казался пустующим, когда Данте вошел туда, чтобы расспросить Манетто, его хозяина, о Монерре, французе из Тулузы. Весь день поэт размышлял о сказанном на мосту, и у него в душе стали зарождаться сомнения. Теперь он уже горько упрекал себя в том, что не постарался вывести своих собеседников на чистую воду, а вместо этого обиделся, как мальчишка, и убрался восвояси.

— Монерр у меня больше не живет, — объяснил поэту Манетто.

— Кажется, он переехал на другой постоялый двор, — добавил он с обидой в голосе.

Данте привычным жестом стал тереть себе нижнюю губу.

— И он ничего не велел вам передать?

— Ничего. Может, скромная обстановка моих комнат не устраивает привыкших к роскоши чужеземцев, и я не заслуживаю их благодарности?.. Монерр

удалился молча в сопровождении двух незнакомцев.

— Тоже чужестранцев?

— Точно не знаю. Они не проронили ни слова, но на вид они не флорентийцы.

Распрощавшись с хозяином постоялого двора, Данте стал в растерянности думать, что делать дальше. Он чувствовал, что именно загадочный француз с его блестящими заграничными манерами мог стоять в центре происходивших событий. Если Монерр пропал навсегда, убийства наверняка останутся нераскрытыми.

Погрузившись в раздумья, Данте медленно пошел по узкой улочке за церковью Санта Мария Маджоре. Вперившись взглядом в мостовую перед собой, он внезапно увидел две тени. Впереди бок о бок шагали два человека. Они были одеты как чужеземцы, но показались поэту чем-то знакомыми. Заинтересовавшись, он зашагал за ними, лихорадочно припоминая, где мог их видеть.

Внезапно Данте вспомнил. Перед ним были чужестранцы из числа тех, которых он видел в таверне у Чеккерينو. Тогда только они не принимали участия в бесчинствах остальных посетителей и даже помогли поэту скрыться бегством.

Данте зашагал быстрее и нагнал двоих чужестранцев у древнего римского колодца.

— Здравствуйте! — проговорил он, преграждая им путь.

Чужестранцы с удивленным видом остановились.

— Разве мы знакомы? — через несколько мгновений спросил тот из них, что был выше ростом.

— Мне кажется, нет, — сказал второй чужестранец, опасливо озираясь по сторонам.

— Не бойтесь. Я один... Однако я должен вас кое о чем попросить.

Чужестранцы молчали и держались осторожно.

— Я уверен в том, что у нас есть общий знакомый. А может, и не один. Сейчас я имею в виду мессира Монерра.

Незнакомцы как ни в чем не бывало молчали, как будто это имя ни о чем им не говорило.

— Уверен, вы знаете, о ком я. Скажите ему, что мне нужно с ним поговорить. Я жду его завтра вечером через час после вечерни у апсиды Баптистерия.

Незнакомцы так ничего и не сказали. По-прежнему меряя поэта взглядом, они кивнули, пошли дальше и скоро скрылись за углом.

Данте до самого конца провожал их взглядом и подумал о том, как просто исчезнуть в его городе. Можно было подумать, что улицы проложены самим дьяволом, чтобы на них чувствовали себя, как дома, те джинны, которых Монерр якобы видел на Востоке.

анте не находил себе места. Его беспокоили сладострастные видения, и преследовало неясное лицо Амары, туманное, как далекая Луна.

Расхаживая по келье, поэт мысленно ласкал тело девушки, которое рассмотрел во время ночной поездки. Его чувства не желали облекаться в словесную форму, хотя он несколько раз и садился писать стихи. Ударив кулаком по письменному столу, Данте пришел в себя от боли в пальцах. Эротические видения улетучились.

Отчего же он стыдится своих чувств? В любви нет ничего постыдного. Испытать ее способно лишь вскормленное науками и добродетелями сердце, способное обратить плотские желания в божественный экстаз... Что же делать? Неужто — оставить Амару на произвол мошенника Чекко Ангольери с его пошлыми каламбурами?.. А вдруг прямо сейчас сиенец тискает Амару в темноте пустынного храма? Разве Данте как флорентийский приор может допустить, чтобы девушка стала жертвой насилия во вверенном его заботам городе?!

Отложив восковые таблички, поэт вскочил на ноги.

Улицы города были пустынные. Как городскому приору, Данте был известен маршрут ночной стражи, охранявшей лишь дома зажиточных горожан. Поэтому, заслышав вдали мерную поступь, поэт отлично представлял, в каком направлении лучше скрыться, чтобы избежать лишней встречи.

Добравшись почти до самого аббатства, поэт в последний раз огляделся по сторонам, желая убедиться в том, что его никто не видит. У самого угла церкви ему послышался звон металла и чьи-то быстро удалявшиеся шаги. Он подождал несколько минут, но вокруг царил лишь мертвая тишина.

Наконец Данте решился отворить маленькую дверцу. Внутри церкви царил мрак. Лишь из окон высоко под потолком лился неверный лунный свет. Добравшись до ризницы, поэт вошел внутрь.

Ризница пустовала. Данте быстро поднялся по лестнице туда, где раньше были кельи братии. Но и там, к своему удивлению, он никого не нашел. Чекко и Амары нигде не было. — Неужели они бежали?!

Данте не знал, что и думать. С одной стороны, его радовала мысль, что их нет в городе. Значит, они отказались от своего плана творить во Флоренции свои страшные дела. Кроме того, теперь поэт мог не особо мучаться совестью из-за того, что

никому не рассказал о зревшем замысле. Однако вместе с беглецами улетучивалась и надежда найти загадочного убийцу. После смерти Брандана и исчезновения его сообщницы порвалась очередная нить, способная привести к разгадке.

А еще, и наверно больше всего, Данте был разочарован тем, что никогда больше не увидит прекрасную Амару...

Однако внезапно поэт увидел луч света, лившийся из-под арки, за которой находилась лестница, ведущая на башню аббатства. У него екнуло сердце, и он, перепрыгивая через две ступеньки, помчался вверх по винтовой лестнице. На самом верху он остановился, с трудом переводя дыхание. В стенной нише над дверью горела свеча, освещающая грубые камни стен и свода над головой. Наверху виднелись балки для колоколов, а на полу лежали подушки. Кругом царил мертвая тишина, и Данте прекрасно слышал дыхание девушки, спавшей на подушках под воздушным покрывалом. Он видел формы ее тела... В этот момент девушка глубоко вздохнула и, не просыпаясь, повернулась на бок спиной к поэту, показав ему свои формы во всей их красе. Казалось, ей снится какой-то сон. Она сложила руки в низу живота, нежно прикасаясь к своему телу кончиками пальцев, словно желая его защитить.

«Это Психея ждет своего Амура!» — подумал Данте. Он все больше и больше возбуждался, глядя на то, как спящая Амара сладострастно раздвигает ноги.

Поэт впервые мог сполна насладиться красотой ее тела, виденного раньше лишь урывками и под одеждой.

Осторожно он приблизился к самой постели. Колеблющийся огонек свечи оживлял легкую ткань покрывала. Дрожащей рукой Данте постепенно поднял его почти до конца и увидел блестящее, как слоновая кость, тело Амары.

У поэта участилось дыхание. Девушка пошевелилась и повернулась лицом к Данте, все еще закрывая руками свой бугорок Венеры.

У Амары задрожали веки. Она просыпалась. Вот блеснули ее голубые глаза. Кажется, сначала она испугалась, увидев мужчину, но потом на ее устах заиграла загадочная улыбка, какую поэт видел лишь у статуй древних богов.

Некоторое время девушка смотрела на Данте, а потом распахнула перед ним свои объятия. Поэт упал на колени перед ее постелью. Руки Амары обвились ему шею, и он приник губами к полураскрытым девичьим губам, благоухавшим медом и неизвестными снами. Данте упивался поцелуем, стараясь не думать о таинственной улыбке, игравшей на устах, которые он целовал. Не переставая целовать Амару, поэт развязал ткань, скрывавшую ей грудь, и почувствовал, как под его пальцами напряглись возбужденные соски.

Когда же Данте взялся за ткань на бедрах девушки, та с неожиданной силой

стиснула ему руку. Затем она медленно поднялась на ноги, по-прежнему отстраняя рукой поэта. Он бросился было к Амаре, но она увернулась и забилась в угол кельи рядом с горящей свечой.

Наконец медленно, словно в ритуальном танце, Амара сама развязала ткань у себя на бедрах, и у Данте от удивления отвисла челюсть. Он невольно поднес руку к губам.

Перед глазами поэта возникло существо неземной красоты, сочетающее в себе мужское и женское начала, — Гермафродит, описанный Овидием в «Метаморфозах».

Данте испытал невероятное чувство — ужас и вожделение одновременно. Отшатнувшись к двери, он замер на пороге. Существо перед его взором, сверкая белизной своего тела, подняло руки, как крылья огромной птицы, лишенной оперенья, и поэт подумал, что к нему из горних морей спустился ангел.

Нагое существо приблизилось к Данте и снова стало ласкать ему лицо своею холодной, как лед, рукой. Поэт чувствовал желание, смешанное с отвращением. Ласки и нежный взгляд говорили о том, что перед ним — жаждущая любви женщина. Но при этом он успел заметить, что мужской половой орган Амары увеличивается в возбуждении...

Не знающий, что делать, раздираемый противоречивыми желаниями, Данте словно уподобился стоявшему перед

ним существу. Потом, сделав усилие воли, он поднял покрывало, лежавшее на постели, и осторожно обернул его вокруг белого тела, которым ему так хотелось обладать. Завернутая в ткань Амара тут же превратилась в женщину с такой же легкостью, с какой перед этим превратилась в мужчину.

По-прежнему в полной растерянности, Данте без оглядки бросился вон из кельи. На лестнице он столкнулся с Чекко, но, не проронив ни слова, ринулся дальше вниз, провожаемый саркастической улыбкой сиенца.

Поэт не сомневался в том, что Чекко обо всем догадался и теперь сделает его мишенью своих насмешек. Пробегая по темным улицам родного города, он лишь утешал себя мыслью, что этот проходец скоро, очень скоро заплатит ему за все.

В голове у Данте кружился хоровод мыслей. Растерянность и бессильная злость изгнали остатки плотских желаний, и ум его снова заработал.

Выходит, Амара еще и мужчина... Неужели именно она в своей мужской ипостаси — наследник Фридриха, намеревающийся занять императорский трон?! А ведь Бернардо так ничего и не сказал о том, какого пола этот наследник! Отчего он молчал? Мотет быть потому, что не знал, кого родила императору Бьянка Ланча — мальчика или девочку? Или от того, что наследник был одновременно и мужчиной, и женщиной?

Тряхнув головой, Данте попытался отогнать эту безумную мысль. Амадео было лет двадцать, не больше. А наследнику Фридриха не может быть меньше пятидесяти. Впрочем, поэт уже ни в чем не был уверен. Разве великие авторы древности, которых он считал своими учителями, не писали о сказочных существах, наделенных бессмертием?

Как раненый зверь, спешащий схорониться в своем логове, Данте торопился укрыться в стенах своей кельи.

анте нервно скомкал листок, не успев написать на нем и пары строк, и повернулся к тонкой пачке бумаги на письменном столе. Скоро она иссякнет. Где же ему достать другую? Отныне придется писать лишь на страницах памяти!

Внезапно поэт ощутил острый приступ головной боли. Зажмурив глаза, из которых чуть не посыпались искры, он стал ждать, когда боль утихнет.

Данте закрыл лицо руками, но все же ощутил у себя за спиной какое-то движение. Некоторое время он был не в силах повернуться, но когда наконец заставил себя это сделать, оказалось, что у двери стоит, прислонившись к косяку, какая-то женщина.

В келье едва светила свечка на столе, но, присмотревшись, Данте узнал гостью и прошептал:

— Это ты, Пьетра? Как ты сюда попала?

— Женщин из заведения Ладжи знают все. И ваши стражники тоже, — ответила Пьетра и хрипло рассмеялась.

С трудом поднявшись на ноги, Данте подошел к девушке и поднял руку, чтобы погладить ее по щеке, но она отшатнулась и прошипела:

— Сначала заплати, а потом лапай!

Поэт опустил руку. Девушка сверлила его взглядом глубоко посаженных зеленых глаз. Ее лицо обрамляла густая шевелюра темных курчавых волос.

Заметив, как огонек свечи отражается в глазах Пьетры, Данте внезапно представил ангельский лик Амары вместо неприветливого лица молодой проститутки.

Пьетра некоторое время смотрела на то, как Данте кривится от боли, а потом вновь грубо и презрительно расхохоталась.

— Ты что, переспал с ней? Даже с таким уродом? Ну и как? Понравилось?

— Уходи! — с отвращением в голосе прошептал Данте.

— Тебе что, уже ни к чему нормальная женщина?

У Пьетры был прямой, короткий и довольно широкий в основании нос. Вместе с тонкими губами он делал ее похожей на кошку. На ней было легкое платье, под которым были хорошо видны ее узкие, как у мальчика, бедра и довольно широкие плечи, которыми она по-прежнему прижималась к стене, выпятив вперед небольшую, но высокую грудь.

— Не трогай меня! — повторила Пьетра и вытянула вперед руку, словно устанавливая невидимую границу, которую нельзя было пересечь поэту.

Осмотревшись по сторонам, девушка увидела бумаги.

— Слова! Ты опять пишешь! Ну конечно! Ведь больше ты ни на что не способен!

— Слова — лучшее утешение одинокому мужчине.

— Но ты же один потому, что боишься, что тебя бросят! — с презрением в голосе воскликнула Пьетра.

Данте хотел было что-то ей ответить, но не успел. Проститутка смахнула со стола лист бумаги и прошипела:

— Слова! Одни слова! Кому они нужны?

У поэта по-прежнему раскалывалась голова. Он пошатнулся и рухнул на постель.

— Опять твой недуг? — спросила его ледяным тоном, пристально наблюдавшая за ним Пьетра.

Данте молчал. Проститутка наконец приблизилась к нему настолько, что ее груди коснулись его лба. Потом она обняла поэта за шею и слегка прижалась к нему своим телом. Данте почувствовал ее запах: смесь дешевых благовоний, продававшихся на том берегу Арно, и странный терпкий аромат, исходящий от ее паха. Закрыв глаза, поэт замер в объятиях Пьетры, как ребенок на руках у матери. На глаза у него навернулись слезы, и он всхлипнул. Пьетра же наклонилась к самому его лицу. Он впился жадным поцелуем ей в губы и начал снимать ей через голову платье. При этом он целовал

ее гладкую кожу с еле заметными веснушками. Сорвав наконец с девушки одежду, он повалил ее на постель и вошел в нее с чувством пловца, ныряющего в темную морскую пучину.

Когда все закончилось, Данте очень долго лежал без движения. Пьетра рядом с ним приподнялась на локте и смотрела на него с непроницаемым лицом.

— Пьетра! Я...

— Молчи! — перебила его проститутка, приложив ему к губам палец. — Довольно губить все словами! Я ничего не хочу слышать.

Она вновь поцеловала поэта, но уже без особой страсти, и Данте подумал, что теперь она просто старается добросовестно исполнить свою работу.

— Почему ты пришла? — прошептал он.

— Сама не знаю, — пожала плечами девушка. — Может, мне просто захотелось тебя видеть.

Поэт старался собраться с мыслями, а Пьетра уже поспешно одевалась. Направившись к дверям, она внезапно остановилась.

— Тебе угрожает опасность, — проговорила она. — Тебе и тем, с кем ты водишься.

— О чем ты?

— Ты все прекрасно понимаешь. Ладжа донесла обо всем инквизиции. Она о тебе все рассказала.

— Что именно?

— Я подслушала только несколько слов. Но ты должен бежать, — с неожиданной заботой в голосе сказала девушка. — Они говорили, что раскрыли твой замысел. Еще они говорили о каком-то «исчадии ада».

Вскочив с постели, Данте подбежал к Пьетре и схватил ее за руку:

— Ты уверена? Они так и сказали?

Вывавшись из рук поэта, проститутка побежала вдоль колоннады.

Глядя ей вслед, Данте лихорадочно пытался осмыслить то, что она сказала.

Значит, Акваспарта знает о том, что заговорщики намерены реставрировать императорскую династию! Но известно ли ему имя отпрыска Фридриха — этого «исчадия ада»? Наверное, нет. А то он не стал бы выпытывать его у Данте... А у самого поэта, вероятно, уже собрались в руках все куски головоломки, но он не в состоянии собрать их в единое целое!

ГЛАВА VIII

13 АВГУСТА, ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ

томленный тревогами ночи, Данте не заметил, как погрузился в сон. Возможно, он спал долго, но самому ему казалось, что он едва успел сомкнуть глаза, перед которыми кружился хоровод зыбких образов. Ему казалось, что деревянный пол подрагивает у него под ногами. — Это пробуждаются мертвецы, спящие в монастырском подземелье. Сейчас они поднимутся наверх и покарают его за бездействие...

Когда поэт открыл глаза, келья была залита светом. Все еще в полусне, Данте огляделся по сторонам, пытаясь определить, насколько высоко в небе солнце, и который может быть час. Светило явно уже побывало в зените и начало клониться к горизонту...

Поэт вскочил с постели и попытался привести мысли в порядок. За дверями его кельи звучали чьи-то шаги и возбужденные голоса. Подойдя к двери, Данте распахнул ее как раз в тот момент, когда

на ее пороге появился запыхавшийся стражник.

— Пойдемте! Опять убийство!

— Где? — выскочив из кельи, спросил встревоженный поэт.

— У Санта Кроче. Убили мастера Альберто из Ломбардии! У него же в мастерской!

Скрипнув зубами от бессильной злости, Данте скорым шагом устремился за стражниками, которым не давали быстро передвигаться по узким улицам их длинные копья. Скоро он их обогнал и первым оказался на пороге мастерской. На верстаке аккуратно лежали инструменты. Рядом с верстаком валялось окровавленное тело мастера. Поэт неплохо помнил оснащение мастерской, и ему показалось, что из нее ничего не пропало. Сундуки и шкафы никто не взламывал. Убийцу явно не интересовало их содержимое.

— А где слуга мастера Амид? — спросил Данте караулившего мастерскую начальника стражи.

— Он убил хозяина и скрылся. Сейчас его ищет вся стража. Ему далеко не уйти! — с довольным видом заявил капитан. — Мы все тут посмотрели. Злодей ничего не унес. Наверху в спальне стоит сундучок, набитый флоринами, но к ним никто не прикасался. Значит, Альберто убил не грабитель, а мстительный и коварный раб.

Нахмурившись, Данте подумал о том, что несчастного Амида, если тот попадет-

ся в руки стражи, теперь ничто не спасет. Не смог бы спасти его и сам поэт, чьи полномочия на посту приора подходят к концу.

В углу мастерской Данте заметил коврик, на котором молился Амид, а на нем — книгу.

Взяв книгу в руки, поэт стал оглядываться по сторонам. Неизвестный убийца, умертвивший Альберто двумя ударами клинка в шею, явно не искал денег. Не интересовали убийцу и старинные манускрипты... Подумав об этом, Данте мысленно похвалил себя за то, что предусмотрительно унес загадочный механизм из мастерской.

Мастер Альберто, скорее всего, не входил в число заговорщиков, но его смерть, конечно, связана с непонятными событиями, начавшими разворачиваться во Флоренции и имевшими отношения к великому императору Фридриху. Скорее всего, мастера убили из-за механизма, который тот воссоздал из обломков.

Однако в мастерской не было видно следов обыска. Значит, убийца знал, что механизма здесь нет. Зачем же он убил Альберто? Скорее всего, для того, чтобы мастер никогда не создал такое же приспособление. Выходит, злодей хотел устранить не самого Альберто, а уничтожить вместе с ним память о механизме!

Убийца?.. Данте присел и стал внимательно разглядывать две раны на теле мастера, так похожие на те, которые он

недавно видел на других трупах. Все недавние убийства были совершены одинаково. Жертве в одну и ту же область тела наносили два удара, из которых смертельным был только один. А если это — дело рук двух человек? Может, убийц двое? Они наловчились одновременно нападать с двух сторон на жертву, которой от них было уже ни за что не отбиться. — Двое человек, привыкших вдвоем убивать, делить кусок хлеба, спать с одной и той же женщиной, ездить на одной лошади...

Внезапно Данте посетило озарение. Он вспомнил состоявшийся на мосту разговор, его участников, и куски головоломки начали складываться в его голове. Перед глазами возникла статуя двуликого Януса.

Если это так, может, цепь кровавых преступлений все-таки можно разорвать?!

Вскочив на ноги, Данте, провожаемый удивленным взглядом начальника стражи, бросился прочь из мастерской.

На постоялом дворе «У ангела» он столкнулся с хозяином, разливавшим вино по кувшинам из большой глиняной бутылки.

— Мессир Бернардо наверху? — спросил на ходу направившийся прямо к лестнице поэт.

— Нет. Он только что ушел. Кажется, его кто-то поджидал на улице.

— Кто?

— Я не видел. Мессир Бернардо себя плохо чувствовал. Когда он пришел — сразу поинтересовался, не спрашивал ли

его кто-нибудь. Я сказал, что не спрашивал. Тогда он сел за стол и потребовал вина. По-моему, он кого-то ждал — все время вставал из-за стола и выглядывал на улицу. В последний раз он кому-то махнул рукой и вышел. Только я не видел кому.

Кивнув хозяину, Данте поднялся на второй этаж к комнате Бернардо. Дверь в комнату была незаперта, словно ее обитатель не опасался за свое имущество. Поэт с горечью понял, что, по мнению Бернардо, в полной воров Флоренции никого не интересуют книги, рукописи и заключенные в них знания.

В комнате Бернардо действительно нечего было воровать. В ногах постели стоял неказистый на вид сундук с одеждой из грубой ткани. Судя по всему, Бернардо поспешно оторвался от «Деяний династии Гогенштауфенов», которые писал. На письменном столе лежала открытая тонкая книга. Рядом с ней валялись бумаги и стояла чернильница.

Данте начал читать вслух из открытой книги: «В моем труде "Хроника Фридриха" говорится о самом невероятном человеке на свете — моем повелителе...»

Поэт удивленно поднял глаза от книги, но тут же перевернул лист пергамента и стал читать дальше:

«Все описанное мною видел я сам, епископ Майнардино, начавший писать эту летопись для добродетельных потомков в году MCCLV от Рождества Христова...»

«Хроника Майнардино, великого летописца Фридриха, — благоговейно прошептал Данте. — Значит, Бернардо не солгал, и она действительно существует!»

Поэт начал быстро листать страницы. Перед его глазами мелькали даты и имена. Почти невероятный рассказ о рождении императора в Ези. Борьба за престол. Триумфальный въезд в Иерусалим с его сотней башен. Победы и поражения. Ненасытная жажда знаний и блеск императорского двора. Его стихи...

На самых последних страницах епископ описывал слогом, достойным античной трагедии, страшный конец императора, его мучительную болезнь, тщетные надежды на выздоровление и гнусную возню соперников у его смертного одра. Поэта поразили брошенные вскользь слова Майнардино о том, что Фридриху сообщили о смерти одного из его сыновей, бывшего послушником у францисканцев, и император погрузился в пучину скорби. Впрочем, епископ тут же вернулся к описанию событий при дворе, а Данте прикусил нижнюю губу и задумался.

Что же это за умерший сын: ребенок Бьянки Ланчи? Но если он умер, на кого же возлагают свои надежды гибеллины? Ведь успех их похода на Рим целиком зависит от того, смогут ли они предъявить народу законного наследника Фридриха, которого как огня боится кардинал Акваспарта, называющий его «отродьем Антихриста»!

Поэт вновь погрузился в чтение, с жадностью пожирая описания подвигов Фридриха, его страданий, его побед. В самом конце своей книги Майнардино писал о том, как был отравлен император, «умерщвленный рукой неполного человека по имени...» На этом текст обрывался. Нижняя часть страницы была аккуратно оторвана.

Данте перевернул страницу в надежде найти продолжение текста на обратной стороне, но она была чистой. — Значит, имя убийцы стояло на оторванной нижней части листа. Кто же ее оторвал? Сам убийца? Почему же он не вырвал всю страницу или не сжег вообще всю книгу? Зачем скрывать только имя убийцы, когда можно уничтожить память о его преступлении?

Или низ листа оторвал Бернардо, чтобы никто, кроме него, не знал эту страшную тайну?

Оглядываясь по сторонам, поэт искал что-либо способное развеять его сомнения.

Совсем недолго он тешил себя мыслью, что вот-вот разгадает загадку или хотя бы найдет убийцу и его сообщника. Однако исчезновение Бернардо разрушило эти надежды. Если историк — один из убийц, он наверняка уже далеко! В его комнате нет ничего ценного, кроме рукописи Майнардино. Остальным легко пожертвовал бы любой спасающийся бегством человек. Если же историк не бежал, его жизнь с минуты на минуту прервут

клинки убийц, и загадка останется неразгаданной навсегда.

Выглянув на лестницу, Данте надеялся увидеть там сгорбленную болезнью фигуру Бернардо.

Внизу за общим столом действительно сидел кто-то напоминающий со спины Бернардо. Поэт неслышно подошел к сзади, но сидевший за столом человек каким-то образом догадался о его присутствии и чуть слышно пробормотал:

— Здравствуйте, приор... Присаживайтесь...

Перестав красться, Данте быстро подошел к столу и остановился перед Марчелло. Медик сидел с закрытыми глазами. Перед ним лежала большая тетрадь, а поодаль стояли песочные часы. Песок уже высыпался вниз, словно Марчелло, уйдя с головой в работу, позабыл о времени.

— Вы что, видите в темноте, как кошка? — удивленно спросил поэт.

— Ваши шаги легки, но их звук ни с чем не спутать.

Приор осторожно пододвинулся поближе, пытаясь рассмотреть при свете свечи, что написал Марчелло в своей тетради.

Раздраженно дернув головой, старец сказал, не поднимая век:

— Хватит шаркать. Садитесь рядом со мной и скажите, распутали ли вы клубок загадок?

— Пока нет.

— А замыслы великого Фридриха? Вы их разгадали? Вы знаете, что творилось в его голове перед смертью?

— Не знаю, — опустив глаза, признался Данте.

— Могу себе представить, чего стоило вам, мессир Данте, сделать мне это краткое признание! — с довольным видом воскликнул старец. — Вспомните о нем, когда вздумаете в следующий раз возгордиться. А еще лучше — отлейте эти два слова в бронзе и водрузите их над дверью своего дома.

Сжав кулаки, поэт с трудом поборол желание уйти прочь.

— Можно подумать, что вы знаете об этом гораздо больше меня, — прошипел он.

Перевернув песочные часы, старец улыбнулся поэту с таким видом, словно хотел загладить впечатление, произведенное его собственным же сарказмом.

— Прошедшее время и то, что мне довелось увидеть и познать, вселяют в меня некоторую уверенность в собственных знаниях, — довольно дружелюбным тоном проговорил он.

— Уверенность в собственных знаниях! — пожав плечами, раздраженно воскликнул поэт, обхватив голову руками и не отрывая глаз от песка в часах. — Это лишь иллюзия, как и время — всего лишь обман наших чувств. Посмотрите на эти крупички песка! Они совсем как наши часы и дни. Что можем знать мы, барахтаясь среди них?!

— Ваша вера поколебалась?

— Да нет... Но в последнее время мне кажется, что я обитаю среди сновидений. Кажется, моя бесполезная путеводная звезда светит теперь особенно слабо, — сквозь зубы процедил Данте.

— И все же свершится все, что предначертано вам звездами. Если вам суждено победить, вы победите. Или погибнете, если на небесах начертана ваша гибель.

— Я не верю в предопределение. Если меня ждет поражение, я потерплю его лишь по слабости своего ума и своих добродетелей, а не по воле далекой и холодной небесной искры.

Немного поразмыслив над словами поэта, Марчелло раздраженным жестом смахнул на пол лежавшую перед ним на столе тетрадь.

— Это не холодная искра, приор, а благородное эхо божественного великолепия! — буркнул он. — Этот свет порождает все сущее и дает ему имена. Он появился раньше Адама. В самом начале Творения, когда Господь Бог повелел: «Да будет свет!»

Упавшая на пол тетрадь рассыпалась. Ее страницы были покрыты астрономическими значками и какими-то расчетами.

Поэт тут же встрепенулся.

— Ваш труд заслуживает большего почтения! — воскликнул он, собирая упавшие страницы. Как знать, какие замечательные произведения гениев древ-

ности остались нам неизвестны из-за того, что кто-то однажды так же смахнул их со стола!

— Свершится лишь то, чему суждено произойти, — настаивал внезапно заволнованный Марчелло, потянувшийся к своей тетради. — Будет лишь то, что изначально записано в великой книге судеб.

Аккуратно складывая вместе страницы, Данте попытался проникнуть в суть написанного на них, но старец вырвал свою рукопись из рук поэта настолько поспешно, словно тот был прокаженным.

Пораженный поведением Марчелло, поэт спросил его:

— Вы действительно верите в то, что какая-то неведомая сила предопределяет даже наши простейшие поступки вопреки свободе, дарованной нам Творцом?

— Мы не свободнее желудка, беспрепятственно становящегося лишь дубом. Ведь только наши лживые чувства вынуждают нас видеть перемены в вещах неизменных от века.

— Из ваших рассуждений вытекает, что иллюзорно даже движение тел, — возразил Данте. — А ведь доказательства истинности движения кишат на каждом шагу. И не на движении ли небесных тел основывается ваша наука? Разве Солнце не встает каждый день? Разве Луна не совершает каждый месяц одни и те же движения? Ну хорошо, пусть эти тела неподвижны. Но подвижен же их свет, достигающий нас на Земле!

— Нет! Свет — отнюдь не движущиеся лучи, как утверждает язычник Аль-Кинди!* Свет неподвижен, как и звезды, созданные в первый день творения!

— Если звезды неподвижны, то на них всегда было начертано и возвышение Вавилона, и падение Трои, и основание Рима, и пришествие Святого Петра. Значит, они предсказали и вторую империю, и великого Фридриха, и все события сегодняшнего вечера. И эту нашу с вами встречу...

— А почему вы думаете, что это не так? Если бы...

— Вы богохульствуете, Марчелло! Адам был создан свободным выбирать между добром и злом. В ином случае Господь ввел бы во искушение нашего прародителя лишь для того, чтобы наблюдать за его грехопадением, исход которого предreshен!

— Так смотрите же сюда! — воскликнул старец и начал чертить на пергаменте квадрат. — Сейчас я расскажу вам о вашей жизни и о том, что ждет вас в будущем, хотя вам это может оказаться и не совсем приятно.

Постепенно квадрат превратился в сетку. Марчелло изобразил ряд планет и начертал их обозначения. Рисовал он по памяти, не прибегая к расчетам.

У старца наверняка была феноменальная память, а то как бы он запомнил по-

* Аль-Кинди — арабский философ, умер около 855 г., первый арабский переводчик и комментатор Аристотеля.

ложения всех небесных тел на эклиптике! Или же Марчелло уже в тайне чертил эту схему и сейчас просто воспроизводил результаты уже проделанного труда...

Прежде чем поэт успел пуститься в расспросы, Марчелло закончил свою работу.

— Вот знаки вашего пребывания на Земле, мессир Алигьери. Яркое Солнце в созвездии Близнецов — эта последняя вспышка переменчивой весны — управляет вашими противоречивыми и неукротимыми желаниями в сочетании с непостоянным Меркурием — покровителем вашей науки, ворующей знания у древних и такой же тщеславной, как истинные авторы украденных текстов. Венера, поднимавшаяся в созвездии Рака, наделила вас ненасытным сладострастием. Красный Марс в созвездии Льва сделал вас свирепым, а...

— Вижу, вы неплохо осведомлены о моей жизни, — презрительно перебил Данте. — И все же многие во Флоренции описали бы ее точнее.

— Но никто не расскажет вам о том, что ждет вас впереди!

Поэт хотел было взять пергамент, но старец властным жестом прижал его к столу.

— Вами правит число девять. То же число, что решило участь Фридриха, умершего перед девятой двуликой тенью!

Данте не вполне понял, о чем идет речь, но Марчелло не дал ему открыть рот.

— Когда вам было девять лет от роду, на вас нашло первое озарение. В восемнадцать лет вы впервые возжелали женщину. В тридцать шесть вы познаете отчаяние и горечь изгнания. Вы умрете далеко на чужбине, страшной смертью совсем одинокого человека. Такова ваша судьба.

Данте выслушал этот приговор, стиснув зубы и стараясь не дать воли злости, переполнявшей его пополам с удивлением.

— А ваша смерть, Марчелло? — спросил он насмешливым тоном. — Какой будет она? Или вы читаете лишь чужое будущее?

— Моя смерть тоже давным-давно predetermined. Она настигнет меня в известном мне месте и в известный мне час, определенные положением звезд. Я умру в воде по велению созвездия Рыб. Как и все люди, я вышел из влаги. В нее я и вернусь.

Данте молча взял свой гороскоп и сжал его в пальцах с такой силой, словно душил собственную участь.

зади к Баптистерию почти примыкал ряд старых построек, от которых его отделяла лишь узкая улочка. Это массивное сооружение полностью закрывало собой церковь Санта Репарата и неверный свет факелов, горевших на площади.

Данте ждал уже больше часа. Время от времени кто-то поблизости громко кричал — больной, метавшийся в муках, или одержимый, истязаемый демонами. Не в силах больше стоять, поэт опустил на корточки у стены. От духоты и усталости у него потемнело в глазах, а голова слегка кружилась, предвещая обморок или сон, державшиеся, однако, в стороне от измученного тела Данте, потому что его ум не желал полностью засыпать.

Провалившись на несколько мгновений в полубессознательное состояние, поэт встрепенулся и наострил уши, услышав в отдалении приближавшиеся легкие шаги. Потом в начале улочки появилась чья-то тень. Данте насторожился, собрался с силами, встал, вжался в стену и замер. Стиснув рукоять кинжала, он при-

готовился дать отпор незнакомцу, оказался тот не тем, кого ждал поэт.

Перед Данте возникла фигура, полностью завернутая в плащ из легкого сукна, закрывавший незнакомцу и нижнюю часть лица. На голове у этого человека была крестьянская плетеная соломенная шляпа, надвинутая почти на самые глаза.

И все же приор сразу узнал незнакомца, шедшего к нему, не обращая внимания на острие кинжала, поблескивавшее в слабом свете, прикрепленного где-то наверху факела.

Приблизившись к Данте, Монерр остановился в шаге от него, спросил:

— Вы меня искали? — и замолчал.

Не дождавшись от него больше ни слова, поэт наклонился вперед и прошептал ему на ухо:

— Я знаю, что вы задумали. Вы ведь появились тут совсем не из-за денег, как притворялись на тот случай, если кто-то что-нибудь заподозрит или даже разгадает трюк с Антиохийской девой.

Данте ждал от француза ответа, но тот по-прежнему молчал и пристально его разглядывал.

— А ведь ваш замысел еще коварнее, чем кажется, — с досадой продолжал поэт. — Наверняка вы хотели, чтобы обман был раскрыт и вас считали неопасными мошенниками. Я тоже так раньше думал.

Монерр блеснул глазами.

— А что же вы думаете теперь? — пробормотал он.

— Вы решили повторить четвертый крестовый поход, когда воинов, собранных для похода в Святую Землю, бросили против Константинополя. Вы хотели собрать верующих, воодушевить их невероятным чудом Антиохийской девы и обещаниями спасти их души, подогретыми посулами несметных восточных сокровищ. Потом все командные посты в вашей новой армии должны были занять верные вам гибеллины, а как раз на пути в Святую Землю лежит истинная цель вашего похода — Рим! И вы обрушились бы на него, как когда-то крестоносцы на Константинополь. А ведь вашей толпе, собравшейся выслушать напутствие римского папы, хватило бы зрелища усыпанной самоцветами дарохранительницы, чтобы она бросилась громить папские дворцы...

Француз молча слушал Данте, сверкая в темноте единственным зрячим глазом.

— В Риме же вас поддержали бы вооруженные люди рода Колонна и других влиятельных римских семейств. Они ведь обрадуются возможности избавиться от папы Бонифация, угнетающего их с помощью венецианских денег, — продолжал поэт. — Признайтесь же, что именно таким был план приверженцев любви! А сокровища, о которых вы твердили, принадлежат римскому папе.

— Присоединяйтесь к нам, приор, — спокойно, но веско проговорил Монерр.

— И не только папе! — продолжал Данте.

— Присоединяйтесь, — повторил француз. — Мы отомстим за убитого злодеями императора!

— К кому это, «к нам»? К рыцарям Ордена Храма? — прошипел поэт.

От неожиданности Монерр выпрямился во весь рост, а потом — кивнул.

— Как вы догадались? — с легкой досадой в голосе спросил француз.

— Чтобы это понять — нужно просто внимательно слушать. Вы рассказывали о том, как ездили вдвоем на одной лошади. А ведь именно так поступали тамплиеры. И не ради того, чтобы продолжать путь на свежей лошади, а для того, чтобы поскакать на ней в бой. Именно так вы всегда могли застать язычников врасплох и разгромить их лишь половиной ваших людей. Даже на печати вашего ордена изображены два всадника на одной лошади.

— На нашей печати? — еле заметно улыбнулся француз. — Это верно... А ведь многие считают, что так мы изображаем свою бедность...

— Присоединяйтесь к нам, — в третий раз повторил он. В неверном свете факела шрам на его лице казался невероятно уродливым.

— Чтобы поклоняться вашему страшному Бафомету — гнусному двуликому

божеству? Я-то помню, как вы не могли оторвать взгляд от Двудликого Януса — другого вашего тайного идола. Вы даже ставите двудликих демонов на носу ваших кораблей. Я видел одного из них на галере, погибшей в болотах у реки Арно. Вы — еретики, продавшие душу дьяволу...

— Так, значит, она приплыла?! — возбужденно перебил Данте француз. — Где же она?

— Ее экипаж был мертв. Это тоже часть вашего плана?

— Вы не понимаете, мессир Алигьери, — покачал головой Монерр, а потом поднял лицо к небу, словно обращаясь за красноречием к светившим на нем звездам. — Ваши суждения очень далеки от истины и не достойны человека вашего ума. Среди наших святынь действительно хранится двудликая голова. Но это совсем не языческий идол!

— Так что же это, если не гнусная пародия на совершенную гармонию Божественного Творения? Что в ней может быть святого?

— Это примирение, мессир Данте. Мир и покой, к которым стремится добродетель и которые вы сами воспевали в своих произведениях. Два лица, способные видеть все вокруг себя — знак договора, заключенного в землях, видевших рождение Христа.

— Иерусалимского договора? — удивленно пробормотал поэт. — Но ведь это — только легенда!

— Нет. В Иерусалиме в присутствии Фридриха, промеж бессмысленного ожесточенного кровопролития, которому предавались противостоящие рати, мы действительно заключили договор с исламскими мудрецами. Мы не стали писать его на пергаменте, но его знак — двулика голова, с которой мы не расстаемся. Ее лица — Восток и Запад. Такие разные, но стремящиеся к одному и тому же. К миру. Они смотрят в обе стороны, чтобы от их взгляда не ускользнуло ничто.

Данте внимательно слушал француза, и внутри у него стало нарастать беспокойство.

— Вы предали Святую Землю! — ледяным тоном заявил он. — Вы же поклялись ее освободить!

— Нет, мессир Данте. Мы предали лишь мелких тщеславных людишек ради высшего блага. Ради воистину всемирной империи!

На поэта нахлынули сомнения. — А что, если планы тамплиеров и поддерживавшей их Венецианской Республики и правда идут гораздо дальше грабежей в Вечном городе?

— А ведь наш замысел почти провалился. Казалось, он погиб вместе с династией Фридриха. Но теперь его можно снова осуществить, и на римский престол взойдет законный наследник императоров Священной Римской империи. Наследник Фридриха!.. Присоединяйтесь к

нам! — в очередной раз настойчиво попросил поэта француз.

— Наследник Фридриха?.. Что это еще за призрак? — пробормотал Данте без особого убеждения, но обуреваемый смутными сомнениями и слабыми надеждами.

— Это не призрак. Он жив и готов объявить о себе. Он завершит великое дело Фридриха — установит границы мира.

— В каком смысле?

— Таков был неосуществленный великий замысел Фридриха.

— Да что это вообще за наследник?

Монерр открыл было рот, но замолчал и попятился, словно намереваясь удалиться.

Впрочем, он не ушел, а скоро заговорил вновь:

— Мы поклялись под страхом смерти не говорить, кто он. Это последний сын Бьянки Ланчи, единственной женщины, которую Фридрих любил. Его удалили с императорского двора и спрятали в монастыре среди верных императору монахов, спасших его от римского папы и властолюбивого сводного брата Манфреда.

— Это наследник, о котором пишет в своей «Хронике» Майнардино? — задумчиво спросил Данте. — Чье существование сейчас пытается доказать Бернардо? Это его вы хотите возвести на трон и ради этого убиваете людей?

Француз молча попятился.

На углу Баптистерия он пробормотал:
— Присоединяйтесь к нам! Время еще
есть! — и скрылся в темноте.

Данте опустился на один из саркофагов, стоявших у южных дверей храма. Солнцем раскаленный за день камень был еще теплым.

Поэт начал обдумывать только что услышанное. Судя по всему, Монерр говорил достаточно правдиво и искренне пытался привлечь Данте на свою сторону. И все же что-то в словах француза не слишком убеждало. Кажется, голос тамплиера иногда дрожал, и в нем звучали нотки отчаяния.

Скорее всего, прекрасно разработанному плану приверженцев любви грозил провал. Рука убийцы начала разить тех, кто составлял основу здания будущей империи. А если таинственный убийца действительно желал помешать заговорщикам, за его кровавыми преступлениями вполне мог стоять папа Бонифаций.

При этой мысли поэт вздрогнул. Потом у него за спиной слышались чьи-то шаги, и он обернулся.

В этот момент ему на голову набросили плотную ткань. Данте ощутил мерзкий запах плесени, а чья-то рука прижала ткань ему к лицу. Начав вырываться, поэт попытался вскочить на ноги. За спиной у него кто-то стоял, и поэт инстинктивно рванулся в сторону, пытаясь освободиться.

Внезапно ткань пронзило стальное лезвие. Данте почувствовал его прикосновение к плечу. Холодная сталь скользнула по шее и разорвала кожу возле ключицы. Поняв, что промахнулся, убийца извлек из ткани кинжал, готовясь к новому удару.

Тем временем Данте удалось подняться на ноги. Он вслепую молотил воздух перед собой в надежде нанести убийце ответный удар. Но перед ним никого не было, и Данте с ужасом понял, что злодей у него за спиной и все еще сжимает в руке ткань, из-за которой ему ничего не видно.

Пытаясь вырваться, поэт тупо рвался вперед, как запряженное в тяжелую повозку животное, каждую секунду ожидая нового, на этот раз смертельного удара кинжалом.

Внезапно невидимый убийца отпустил ткань. Данте сделал вслепую несколько шагов вперед, обо что-то споткнулся и упал, тут же перевернувшись на спину.

При этом он умудрился стянуть с головы тряпку. Несколько мгновений он по-прежнему ничего не видел, но потом его глаза привыкли к темноте, и он разглядел перед собой Арриго.

Высокий философ склонился над Данте с таким видом, словно собирался вновь на него напасть. Упершись во что-то ногами, Данте отчаянным усилием отодвинулся подальше от него, вскочил на ноги и выхватил кинжал.

Однако Арриго не обнаружил враждебных намерений. Выставив вперед безоружные руки, он спокойно заговорил:

— Не бойтесь, мессир Алигьери! Напавший на вас человек скрылся куда-то туда...

С этими словами философ махнул в сторону лабиринта узких улочек за Баптистерием.

— Вы серьезно ранены? — спросил он, пристально рассматривая кровь на одежде поэта.

Данте зажал рукой кровоточащую ключицу и попятился от Арриго, который стал к нему приближаться.

Поняв опасения поэта, философ остановился и улыбнулся.

— Это не я напал на вас, — сказал он, вновь показывая пустые руки.

— Меня только что пытались убить, а здесь нет никого, кроме вас.

Философ нахмурился, но тут же взял себя в руки и заговорил, сверкая глазами:

— Это так. И все же попробуйте найти этому объяснение в кладези вашей мудрости. В мире не счесть ощущаемых нами бестелесных явлений: ветер, надувающий паруса, музыка, радующая душу своею сладостью, и многое другое. Есть в нем и невидимые тела, например сеть не доступных нашему зрению частиц, из которых состоят наши тела, Земля и вся Вселенная.

Немного поколебавшись, Данте опустил кинжал.

— Все это замечательно, но эти частицы — лишь бездушный песок. А вот сталь клинка, рвущая плоть, более чем осязаема!..

Достав из сумки лоскут чистого полотна, Арриго протянул его поэту.

— Допустим, это не вы пытались меня убить, — сказал ему Данте, прижав плотно к ране. — Так объясните же мне, что вы тут делали? Довольно непредусмотрительно шастать здесь по ночам, когда флорентийцам не дозволено выходить на улицу.

— Вы наверняка заметили, что одни и те же предметы кажутся разными при свете дня и во мраке ночи...

— Кто ж этого не знает?

— Вот и я хотел посмотреть, на что похож ваш Баптистерий в темноте.

Удивленный Данте повернулся к темному сооружению у себя за спиной. Большое восьмиугольное здание величественно возвышалось над окружающими его с севера домами.

— Ну и как он вам показался?

— Я убедился в том, что он, как и большинство ваших культовых сооружений, гораздо полезнее в темноте.

Данте не был уверен в том, что до конца понял философа, но сейчас его волновало другое.

— Вы говорите о «наших культовых сооружениях» как о чужих! — взволнованно воскликнул он, положив руку на

плечо своему бывшему учителю. — Неужели вы отrekliсь от веры?!

— В этом каменном мешке нет ничего, кроме мрака, но в этом и его ценность! — пробормотал помрачневший Арриго.

— Я не понимаю, о чем вы, но сделаю ради вас все, что угодно, лишь бы вы отстали от этого безумия! — воскликнул Данте.

Казалось, философ его не слышит.

— А ведь ключи к Царству у вас! — с отчаянием в голосе воскликнул он, схватив поэта за руки. — Отдайте мне их, и вы разделите со мной мою бессмертную славу!

Данте показалось, что Арриго утратил рассудок. Вырвав руки, поэт попятился, но философ не бросился за ним. Он молча стоял на месте.

Внезапно Арриго встрепенулся и осмотрелся по сторонам, словно только что пробудившись от сна. Потом он повернулся, шаркая ногами, пошел к Баптистерию и остановился перед ним с распростертыми руками, нелепо подражая распятию, над которым только что смеялся. Потом он завернул за угол и удалился в ту же сторону, куда скрылся Монерр.

Данте бросился было за ним вдогонку, но когда завернул за угол, убедился, что философ потерялся в темноте ночного города.

ГЛАВА IX

14 АВГУСТА, ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ.
ВО ДВОРЦЕ ПРИОРОВ

оследнее заседание Совета было назначено на три часа. Сидя за длинным столом в зале, Данте даже не прислушивался к бормотанию остальных приоров, переговаривавшихся нарочито тихо, словно опасаясь, что поэт их услышит. Несколько раз Данте заметил, как они заговорщически переглядываются, но все его мысли были заняты событиями прошлой ночи. Временами ему казалось, что он все понял, но ход его мыслей тут же терялся в лабиринте неясных предположений.

Заседание длилось уже несколько часов, и речь на нем шла о множестве маловажных вопросов, но теперь до его слуха дошли слова, пробудившие его от размышлений.

— Надо подписать акт!..

С этими словами к нему приблизился один из приоров с пером и чернильницей.

— Мне недосуг заниматься вашими бумажонками! — воскликнул поэт.

— Это отчет городского управления о работе, проделанной за последние два месяца, — заявил с другой стороны стола приор Антонио, представлявший Гильдию суконщиков. — Как член нашего совета, вы обязаны его подписать. Нельзя передавать дела будущим приорам без наших подписей...

Лаппо Сальтерелло, ухмыляясь, подсовывал Данте чернильницу, но тот вскочил на ноги и с такой силой ударил его по руке, что чернильница полетела на стол, залив все вокруг своим содержимым. Провожаемый удивленными взглядами остальных приоров, не говоря ни слова, Данте бросился к двери.

Пять оставшихся в зале приоров ошеломленно переглянулись. Потом Лаппо взял гусиное перо, обмакнул его в пролитые чернила и что-то нацарапал там, где значилось имя Данте.

— Пусть теперь говорит, что хочет, — сказал Лаппо, ухмыляясь в сторону захлопнувшейся за поэтом двери. — Мы все видели, как он собственноручно поставил подпись...

Остальные приоры неуверенно зашикали.

Данте в сердцах покинул зал Совета, но на лестнице на него тут же налетел гонец, бежавший сломя голову ему навстречу. Поэт едва успел схватить его за рукав.

— Что случилось?

Гонец, кажется, узнал приора и поклонился ему, покосившись на дверь зала, из-за которой доносились возбужденные голоса остальных приоров.

— Меня послал начальник стражи. Я должен сообщить Совету известие чрезвычайной важности... — с этими словами гонец рванулся к двери.

— Что еще за известие?! — рявкнул поэт, не выпуская рукав гонца.

— Начальник стражи приказал мне сообщить, что его люди окружили шайку еретиков-гибеллинов, скрывающихся в аббатстве Святой Марии Магдалины. Мы будем штурмовать аббатство. Капитану нужны подкрепления. Он просит прислать ему стражу с того берега Арно.

Поэт прикусил губу, а потом, стараясь не выдать волнения, сказал гонцу:

— Возвращайся к своим обязанностям и считай, что выполнил приказ капитана. Я передам твои слова Совету.

Растерянный гонец удивленно покопился на дверь. Несколько мгновений казалось, что он будет настаивать, но потом повернулся и удалился восвояси. Данте стал прислушиваться, опасаясь, что кто-нибудь слышал его разговор с гонцом, но приоры продолжали хихикать и что-то бормотать за дверью.

Поэт направился к выходу, глядя прямо перед собой и не обращая внимания на стражников, видевших его разговор с гонцом.

Во дворе он столкнулся с секретарем городской управы, который, увидев Данте, обрадованно поспешил ему навстречу:

— Мессир Алигьери! Вы-то мне и нужны!

— В чем дело?

— Вы просили меня разузнать все о пилигримах, остановившихся на постоялом дворе «У ангела». Один из них собрался уезжать. Это некий мессир Марчелло. Он попросил себе мула в конюшне у ворот Porta Romana и грузчиков для багажа.

— Он уже уехал? — спросил расстроенный Данте. — Я же приказывал никого не выпускать из города!

— Но ведь против него не выдвинуто никаких обвинений! — пожал плечами, возразил секретарь.

Несколько мгновений приору очень хотелось приказать нагнать и вернуть во Флоренцию старого медика, который не мог еще далеко уехать, но потом решил, что это ни к чему — пусть старик едет замаливать грехи в Рим. События в аббатстве сейчас гораздо важнее...

За стенами Сан Пьеро все было как всегда. Торговцы и ремесленники шли к мосту Понте Векьо и возвращались с него. — Значит, о гибеллинах в аббатстве еще никто не знает! Ну и слава богу! Еще несколько часов Данте будет приором и, возможно, умудрится спасти ситуацию. Ему придется приказать начальнику стражи прекратить штурм,

ссылаясь на высшие интересы Флоренции... Тогда Чекко и Амара наверняка успеют скрыться...

Данте почти бежал в сторону аббатства. Постепенно стали слышны крики.

В одном месте улица сузилась, а дорогу поэту загородила старуха, медленно волочившая в ту же сторону, куда бежал и он, огромную связку поленьев. Данте попытался протиснуться между дровами и стеной дома, но не смог. После второй неудачной попытки он не выдержал и рывкнул:

— Да провались ты в тартарары со своими дровами! Дай мне пройти!

Вместо того чтобы посторониться, старуха повернулась к поэту:

— Что это вы ругаетесь, приор! Я помогаю своим родным флорентийцам. Сейчас у башни Кавальканти будут жечь еретиков. Вот я и тащу туда свои самые лучшие сухие поленья!

— И кого же ты собираешься жечь, ведьма?! Подумай лучше о спасении своей души!

— Думайте о своей! — не двигаясь с места, завизжала старуха.

— Или вы бежите им на помощь? — злобно прошипела она, уставившись на поэта подслеповатыми глазами.

Данте в ярости с такой силой пихнул ногой связку поленьев, что старуха не удержалась на ногах и шлепнулась прямо на них.

— Будь ты проклят! — завизжала она
вслед перепрыгнувшему через нее поэту.

Пробежав еще шагов двести, он запыхался и остановился. Колени у него дрожали. В конце переулка перед дверьми аббатства мелькали факелы. Совсем недавно прозвонили к вечерне, было еще довольно светло, и Данте с ужасом подумал о том, что огонь сюда принесли не для света.

Улица перед фасадом аббатства кишела вооруженными людьми. Казалось, что там собралось в новый крестовый поход войско со всего христианского мира. Поэт тут же узнал костюмы французских гвардейцев Акваспарты с их длинными пиками, генуэзских арбалетчиков и флорентийских стражников. Кое-где виднелись облаченные в тяжелые доспехи немецкие наемники и даже простые крестьяне, вооруженные вилами для сена.

На мостовой валялось несколько окровавленных трупов. Поэт как раз проходил мимо лежавшего лицом вниз скрюченного и очень худого мертвеца.

Приподняв покойника за плечо, Данте застонал. Бернардо убили двумя ударами кинжала в спину. Перекрестившись, поэт закрыл историку глаза. Значит, и еле живой Бернардо входил в состав заговорщиков!.. Или он просто случайно проходил тут...

Не думая об опасности, Данте ринулся к распахнутым дверям аббатства. Увидев его, к нему бросились люди с мечами в

руках. Поверх кольчуг на них были разноцветные накидки, каких поэту еще не приходилось видеть. Он увернулся от первого из них с головой леопарда на груди. Потом присел и проскочил мимо второго — великана с головой льва на накидке.

На самом пороге храма Данте столкнулся с внезапно возникшим из тени третьим человеком. Запнувшись, поэт упал на землю и с ужасом увидел, как воин с ощерившейся волчьей пастью на шлеме вытаскивает меч, чтобы его прикончить.

В этот момент Данте услышал знакомый голос:

— Это вы, мессир Данте! Решили посмотреть, как здесь восторжествуют закон и порядок? — усмехнулся начальник стражи, удержавший набросившегося на поэта воина. — Это очень мило с вашей стороны. Вижу, вы решили выполнять ваши обязанности до последнего мгновения, но не стоило трудиться. Совет уже избрал ваших преемников.

Данте еще с трудом переводил дух, но уже взял себя в руки и поднялся с земли, отряхивая одежду.

— Мои полномочия заканчиваются ровно в полночь. И до того мгновения я требую повиновения. Немедленно объясните, что здесь происходит! Почему все эти воины здесь без моего приказа? — спросил поэт, показывая пальцем на арбалетчиков. Между тем последние поспешно снаряжали свои арбалеты, кото-

рые поддерживали на подпорках их помощники.

— Раскрыт заговор против Флоренции. Под предлогом сборов в крестовый поход главари гибеллинов собирали вооруженных людей, чтобы совершить у нас в городе переворот. Их главарь, кажется, монах-еретик Брандан. А что до Антиохийской девы...

— Кто приказал вам действовать?! — гневно перебил его Данте. — Стража подчиняется приорам и должна выполнять лишь их указания.

— Что мы и делаем! — воскликнул начальник стражи, выпрямившись во весь свой ничтожный рост. — Мне приказали действовать другие приоры, после того как я удостоился аудиенции у Святой инквизиции! Поэтому тут и папские гвардейцы!

Данте понурился. Скоро истекает срок его полномочий, и вокруг него стали кружить черные вороны. Отныне надо быть осторожнее. Наступит полночь, и его неприкосновенность улетучится как сон...

В этот момент натянувшие тетиву арбалетки выстрелили по вершине башни и ее маленьким бойницам. Данте не понимал, в кого они целятся — наверху виднелись лишь какие-то смутные тени. Кроме того, стрельбой арбалетчиков, кажется, никто не командовал. Их залпу сопутствовали смех и скабрзные шуточки, отчего все происходящее казалось еще менее реальным. Поэту казалось, что у него на гла-

зах разыгрывается фарс, а не ведется подготовка к смертельной схватке.

Беспорядочный залп их арбалетов не достиг никакой цели. Стрелы или перелетели через башню, или попали в ее стены, отбив кирпичную крошку... Тем временем арбалетчики среди всеобщей суматохи снова принялись заряжать.

Данте подумал, что они стреляют очень плохо. А ведь Флоренция платит этим нерадивым генуэзцам баснословные деньги!..

Внезапно наверху что-то затрещало. На вершине башни что-то рушилось. Сначала в воздух взлетело облако пыли, начавшее постепенно оседать, а вместе с ним вниз, прямо на головы нападавшим, полетело несколько каменных зубцов.

Все это успело произойти, пока Данте следил за полетом стрел, выпущенных из арбалетов, но он все-таки умудрился схватить начальника стражи за плечо и броситься с ним под крышу ближайшей лавки. Самые большие камни рухнули на мостовую прямо рядом с ними, а по спасительной крыше застучали мелкие обломки.

Не все столпившиеся на небольшой площади перед аббатством успели укрыться. В облаке пыли раздались крики и стоны. Кого-то, очевидно, придавило камнями.

— Проклятые еретики! Мы вас всех перережем! — орал рядом с Данте побавровевший начальник стражи. Теперь, ког-

да не вполне определенный ранее противник проявил себя хитрым и опасным, капитана трясло от злобы и страха одновременно.

— А вы думали, что возьмете их голыми руками? — усмехнулся поэт.

Вдохнув пыли, начальник стражи закашлялся. По улице метались люди. Они боялись, что сейчас посыплются новые камни, но не знали, куда бежать. Не задетые обвалом постепенно пришли в себя и оттащили в сторону убитых и раненых.

Арбалетчики отступили в конец площади, где сходились три небольшие улочки и вновь начали готовиться к залпу. Их горящие стрелы отскакивали от стен аббатства со снопами искр.

Некоторые стрелы влетели в узкие, как бойница, окна. Другие втыкались в потолочные балки. На этот раз стрелы были обернуты горящим просмоленным тряпьем и густо дымили. Кто-то закричал от боли, и вниз с башни полетело тело. Одна из стрел нашла цель. Арбалетчики торжествующе завопили. В тех местах, где на крышу здания упали зажженные стрелы, вспыхнули языки пламени.

Данте лихорадочно прикидывал, что делать дальше. В проеме распахнутой двери церкви он видел неясные мечущиеся фигуры. Не удержавшись, он тоже бросился вперед и скоро оказался у входа во двор аббатства. Схватившись за дверной косяк, он оглянулся по сторонам. Преодолев страх, вызванный кам-

непадом с башни, за ним бросились и остальные. Скоро во дворе уже было полно вооруженных солдат, бросившихся с мечами в руках на скопившихся там и отчаянно вопивших мужчин и женщин. В любое мгновение могла начаться страшная бойня.

Чекко и его друзья погибли! Что же делать?! Как удержать солдат, когда скоро наступит полночь, и Данте больше не будет приором?!

Поэт бессильно опустил руки, но тут же решил, что не время предаваться отчаянию, и осторожно пошел вперед, прячась за колоннами. Вокруг валялись изувеченные трупы. Еще живые люди корчились в предсмертной агонии или пытались куда-нибудь уползти, хотя ползти было абсолютно некуда...

Убитых солдат Данте не заметил. Судя по всему, нападавшие быстро сломили сопротивление находившихся в аббатстве, среди которых ни на ком не было доспехов. Выходит, они даже не успели добраться до оружия, спрятанного в подземелье...

Кровавые следы указывали путь нападавших. Они вели к башне. Оттуда, с первой лестничной площадки, тоже доносились крики и стоны. Спрятавшись в тень, Данте по-прежнему не знал, что ему следует предпринять. Казалось, что теперь вообще слишком поздно что-нибудь делать. Все погибло!

анте уже пошел к выходу, когда услышал у себя за спиной негромкой голос.

Казалось, кто-то молится или повторяет нечленораздельные заклинания, непрерывно кого-то проклиная.

Данте вернулся и осторожно пошел на звук голоса. За одной из колонн возле портика сидел какой-то человек. Услышав шаги поэта, он вскочил с пола. В церкви было темно, но поэт успел рассмотреть, что незнакомец — в сиреневых штанах.

Получив кулаком по лицу, Данте почувствовал во рту вкус крови, но устоял на ногах, увернулся от удара кинжалом и сам бросился на нападавшего. Сцепившись в смертельной схватке, они выскочили туда, куда падал свет с горящей крыши, и Данте узнал в своем противнике осунувшегося и измазанного в крови Чекко Ангольери.

Все еще дрожа от возбуждения, Данте прислонился к одной из колонн, опустил кинжал и стал разглядывать сиенца, на котором был шлем с плюмажем, достойным римского императора, и плотный

кожаный панцирь, из-под которого выглядывали его знаменитые сиреневые штаны. Чекко был неисправим: на одну половину — бог войны, а на другую — паяц. Впрочем, он, кажется, обрадовался, увидев Данте. С трудом держась на дрожащих ногах, Чекко обнял поэта и расцеловал его в обе щеки.

— Я знал, что ты нас спасешь! Приверженцы любви не бросают друг друга в беде! — прохрипел он, но тут же прищурился и спросил: — А это не ты нас выдал?

— Нет, хотя всех вас давно надо было упрятать в тюрьму!.. Но теперь вам надо бежать! Всем! А где Амара?

— Не знаю... — пробормотал сиенец, подтягивая штаны. — Когда солдаты ворвались в церковь, она побежала к башне, и больше я ее не видел...

На башне у них над головой по-прежнему звенело оружие и раздавались крики. Взглянув в ее сторону, Чекко опустил глаза, но тут же встрепнулся и с напускной небрежностью воскликнул:

— Бессмысленная смерть не входит в мои планы!

Тем временем башня запылала наверху, как костер. Туф, из которого она была построена, начал обугливаться, и в ночное небо поднялись тучи искр. Всем скрывшимся на ее вершине предстояло сгореть заживо.

Внезапно в узком, как бойница, окошке с небольшим выступом в форме кар-

низа на высоте второго этажа показались какие-то фигуры. Это были двое солдат, окликнувшие своих товарищей внизу.

— Смотрите, кого мы поймали! — кричали они, выталкивая на карниз третьего человека. Спихнув его с карниза, они держали его за волосы. — Это же Антиохийская дева! У нее, оказывается, и ноги есть! Сейчас она покажет нам новое чудо!

Девушка в ужасе что-то мычала и махала руками, стараясь хоть за что-нибудь уцепиться. Тем временем хохотавшие солдаты сорвали с Амары одежду, обнажив ее истинную сущность.

— Смотрите, какая гадость! — воскликнул один из солдат и изо всех сил полоснул острым мечом по ее животу. На мостовую потекла кровь, из живота вывалились внутренности. Немая Амара лишь хрюкнула, а потом издала нечто вроде бляения закланного агнца. Она в последний раз дернула руками, словно желая улететь от невыносимой боли. И все-таки этот неземной ангел, павший жертвой диких зверей, еще не умер. Тогда державшие Амару за волосы пальцы разжались. Изувеченное тело рухнуло вниз, и прекрасные белокурые волосы развевались в полете, как тысячи умирающих змей.

Данте закрыл лицо руками. У него зашумело в ушах. Чтобы не упасть, он оперся плечом о стену. Чекко Ангольери сдавленно всхлипывал где-то у него за спиной. Именно эти звуки и привели поэта в чувство. Он повернулся к другу, который был не в силах оторвать взгляда от

валявшихся совсем рядом изуродованных окровавленных останков.

— Возьми себя в руки, а то тебя тоже убьют! — прикрикнул Данте, дергая Чекко за рукав.

Тот замер на месте, словно оглох.

— Так она не была женщиной! — прошептал он и шагнул к обезображенному трупу с таким безумным блеском в глазах, словно желал овладеть мертвой Амарой.

— Иди за мной! — рывкнул Данте и потащил Чекко внутрь церкви. — Сейчас ты поможешь мне забрать кое-что очень ценное!

— Деньги? — внезапно оживился Чекко. — Сокровища Фридриха? Ты нашел их?!

— Это больше, чем деньги. Наверняка это ключи от царства...

Сиенец недоуменно уставился на Данте, который любой ценой желал забрать из аббатства свое сокровище — бесценный механизм Аль-Джазари, спрятанный в подземелье.

Поэт понимал, что скоро солдаты всех перережут, начнут грабить аббатство и доберутся до саркофагов. Хотя начальник стражи и видел этот механизм лишь в разломанном виде, мог его узнать, несомненно связал бы его присутствие в церкви с заговором гибеллинов и мог обвинить Данте в том, что он их сообщник. Теперь поэту было необходимо спасти свою голову, удалив механизм из аббатства.

На пороге в подземелье Данте остановился. Чекко замер у него за спиной. Внизу, кажется, никого не было. Крики и вопли по-прежнему доносились откуда-то издалека. Вместе с Чекко они скользнули в подвал и извлекли из саркофага механизм в ящике. Сиенец алчно пожирал ящик глазами, но Данте не удостоил его какими-либо объяснениями.

— Мы убежим через подземный ход, — сказал поэт, указывая на отверстие в полу подземелья. — Ты только помогай мне, и мы обязательно отсюда выберемся.

Поборов отвращение перед смрадом, поднимавшимся снизу, Данте полез в подземный ход. Им было некогда искать факел, да и зловонный воздух внизу был настолько спертым, что они с Чекко задохнулись бы от дыма. На дне колодца поэт нашел отверстие узенького туннеля и пополз в него на четвереньках, ощупывая пол и стены перед собой руками. Ход был таким узким, что иногда приходилось ползти на животе. Они ползли в кромешном мраке, слыша высоко над собой поступь солдат. Стало жарко, и запахло гарью — дым от пожара проник под землю.

Чекко полз за Данте, как слепец за поводырем, а у самого поэта уже начинала кружиться голова. Ход становился все уже и уже. Нашупав кирпичные выступы, Данте понял, что они выползают за пределы фундамента башни.

Ругаясь на чем свет стоит, Чекко полз за Данте по туннелю, который местами

был так узок, что в нем с трудом проходил ящик с механизмом.

Дышать становилось все труднее, и поэту стало страшно. Он не знал, куда ведет подземный ход, с трудом дышал и слышал позади сопение и ругань Чекко.

А что, если ход закончится тупиком?! А если его завалило?! Им же будет не вернуться назад! А если Чекко потеряет сознание, и его тело преградит путь к отступлению? А если застрянет ящик?..

Данте уже представлял себе страшную смерть в этом подземелье. У него смешались мысли. В панике он больше не слышал Чекко. Наверное, тот испугался и остановился. А где ящик? Может, ему только чудится его вес? А что, если сиенец нарочно заманил его сюда, чтобы тут и погубить? А вдруг его шуточки и прибаутки — лишь маска на лице кровожадного убийцы?!

Почти поддавшись панике, поэт внезапно почувствовал лицом струйку свежего воздуха, взял себя в руки и пополз дальше. Скоро он дополз до ступенек, вскарабкался по ним и оказался в колодце древнего римского Форума.

Вскоре из подземелья вылез и обливавшийся потом Чекко. Тяжело дыша, он начал затравленно озираться по сторонам.

— Где мы? — прохрипел он.

— В римском колодце, — ответил поэт, узнавший источник в центре пола и ведущие наверх ступеньки. — Тут нас никто не найдет.

— Чтоб его черти взяли!

— О ком ты, Чекко?

— Об этом грязном старике! О моем отце! Это все из-за него! Это из-за него я здесь ползаю! Будь он проклят! — заверещал полуобезумевший от страха Чекко. — Если доберусь живым до Сиены — спущу его с лестницы! Вот увидишь! Он отдаст мне все до последнего гроша, даже если мне придется оторвать деньги вместе с его руками! Я его прикончу! Разрежу на куски!..

С этими словами Чекко Ангольери вытащил из-за пояса кинжал и начал махать им в воздухе. Казалось, он сражается с ветряными мельницами, и его вид вызывал теперь у Данте не смех, а ужас и сострадание. Лицо Чекко под колыхавшимся на шлеме плюмажем потемнело. Сиенца трясло от злости.

— Я устал от нищеты! — орал он, тыча поэту пальцем в грудь. — Когда же настанет и наш час?!

— Кстати!.. А что в этом ящике? — внезапно насторожился Чекко. — Говори! Или ты хочешь все сам прикарманить?! Неужели ты обворуешь старого боевого товарища?!

С этими словами он открыл ящик. При виде механизма у него на лице отразилось неопишемое разочарование.

— Часы... — пробормотал он, убедившись в том, что под механизмом ничего нет. — Такие страдания из-за дурацких часов!

— А где же сокровища? — прошептал он, схватившись рукой за рану на лбу.

— Какие тебе еще сокровища, дурак?! — в сердцах воскликнул Данте, схватив сиенца за грудки. — Их нет и не было! Есть только смерть, мрак и этот колодец!

Чекко начал было вырываться, но тут же обмяк с таким видом, словно силы покинули его.

— Сокровищ нет... — дрожащим голосом пробормотал он и плюхнулся на землю. — Меня обвели вокруг пальца...

— Беги в сторону ворот Порта д'Аквила, мошенник, — невольно усмехнувшись, прошептал Данте. — Вся стража сейчас грабит аббатство, и на улице тебя не заметят. Пережди ночь, а утром смешайся с крестьянами, идущими на поля. Если тебе повезет, ты завтра же унесешь из Флоренции ноги.

Чекко подпрыгнул так стремительно, словно его подбросило пружиной. Перед ним забрезжила надежда на спасение, и незадачливый сиенец бросился целовать Данте, который, однако, поспешил вырваться из его объятий и задал Чекко вопрос, давно вертевшийся у него на языке:

— Зачем вы их убили?

Чекко замер с удивлением на лице.

— Чем вам помешал старик Бигарелли? А несчастные гребцы на галере? — настаивал поэт.

— Ничем... Ты вообще о чем?! — пробормотал сиенец и стал с подозритель-

ным видом оглядываться по сторонам, словно опасаясь засады.

— Успокойся. Тут никого нет! — рявкнул Данте.

— Я не понимаю, о чем ты! Клянусь Баккиной! Клянусь рогами, которые она мне все время наставляет!

— Я все знаю, Чекко. Монерр изложил мне ваш замысел... Но кого же вы собирались возвести на трон? Этого человека убили в аббатстве или?..

— Значит, француз тебе не все рассказал. Так и я тебе не скажу!..

— Говори! Убью! — заорал Данте, вцепившись сиенцу в горло.

— Арриго! Это Арриго! — задыхаясь, прохрипел Чекко.

Поэт не ослаблял хватки, и лицо сиенца начало багроветь. Брызжа слюной, Чекко тщетно пытался перевести дух...

Внезапно Данте его отпустил.

— Так, значит, Арриго... — пробормотал поэт.

На самом деле он не очень удивился. Железная логика, подчинившая себе все движения его рассудка, указывала примерно на эту же кандидатуру. Хромой Арриго. «Неполный человек», отмеченный печатью дьявола...

Чекко, кажется, хотел что-то добавить, растирая себе горло и пытаясь перевести дух, но внезапно вскочил на ноги, стал карабкаться вверх из колодца и скоро исчез из вида.

рошло немного времени, и Данте тоже встрепенулся, из последних сил взвалил себе на плечи ящик, вылез из колодца и побрел туда — в келью Арриго, где его ждали ответы на все вопросы.

Повсюду шныряли вооруженные люди, но никто не обращал внимания на поэта, шедшего, уткнувшись лицом в ящик, в надежде, что его не узнают. Так он вполне мог сойти за одного из грабителей аббатства.

В этот момент крыша горевшей в отдалении башни со страшным грохотом рухнула, увлекая за собой перекрытия этажей. Данте невольно обернулся и успел заметить в узких, как бойницы, окнах отблески летящих вниз горящих балок. Казалось, внутри башни вниз по лестнице несется обезумевшая толпа с факелами в руках. Башня с обуглившимися зубцами на вершине превратилась в огромный дымоход, походивший на пасть дракона, извергающего клубы розоватого дыма в попытке впиться в небо зубами.

Предвидя обвал, нападавшие отошли на солидное расстояние от аббатства, пре-

доставив пламени пожирать трупы. Убивать было больше некого, а грабить в огне невозможно. Не дожидаясь приказа, солдаты и стражники начали строиться, а их добровольные помощники разбрелись кто куда.

Кучки вооруженных людей проходили мимо поэта, не обращая на него внимания. Они оживленно обменивались впечатлениями, как возвращающиеся домой охотники. Данте с мрачным видом сел отдохнуть на придорожный камень и слушал жуткие шуточки и похвальбу опьяненных кровью простолюдинов. В сторону аббатства бежали местные пожарные с ведрами воды. Они были озабочены тем, что пламя может перекинуться на соседние дома.

Передохнув, Данте быстро зашагал своей дорожкой. Врата церкви Санта Мария Новелла были уже заперты, а рядом с аркой в преддверии ночи уже горел факел. Однако одна из боковых дверей была еще открыта. Поэт проскользнул внутрь, пробежал по пустынной церкви, потом — по двору и наконец добрался до коридора, в который выходили двери келий.

Келья Арриго была заперта изнутри. Данте постучал, но ему никто не ответил. Поставив ящик на пол, он потряс дверь в надежде, что она поддастся, но лишь услышал лязг запиравшего ее металлического засова.

А вдруг Арриго понял, к чему идет дело, и бежал?! Или, узнав о резне в аббатстве Святой Марии Магдалины, он

бросился спасать то, что пока можно было спасти?! Или как раз сейчас, следуя своему плану, он режет глотку кому-то еще?!. Где же он?! Может, что-нибудь в его келье все-таки подскажет его местонахождение?

Поэт изо всех сил налег на дверь и со второй попытки сломал засов.

В келье царил полумрак. Слабый свет сочился лишь из-под ставни, прикрывавшей малюсенькое оконце.

Данте задержался на пороге, дожидаясь, пока глаза привыкнут к темноте:

— Арриго! Именем высшей власти Флоренции повелеваю вам повиниться в ваших злодеяниях! — твердым голосом проговорил поэт, воздев кверху руку на манер античной статуи правосудия.

Его глаза стали постепенно привыкать к полумраку, и он разглядел профиль философа, сидевшего на небольшом стуле у письменного стола. Перед ним белели бумаги. Арриго что-то писал почти в полной темноте.

— Что вы скажете в свое оправдание? — уже менее сурово проговорил Данте, приближаясь к Арриго. При этом поэт смутился. Мысль о том, что ему предстояло совершить, поколебала приведшую его сюда уверенность.

Может, не стоило слепо верить хронике Майнардино? Если Арриго действительно незаконнорожденный сын Фридриха, в его венах течет самая благородная кровь на земле со времен Карла Великого.

Допустимо ли мерить человека, возвышенного промыслом Божиим, мерками, применимыми к торговцам и прочему отребью? Можно ли предавать в руки палача единственную надежду на реставрацию империи — величайшего творения человеческого духа, отражающего на земле Божественный порядок вещей?.. Но даже если Арриго простой обманщик, он может действовать ради того, чтобы подарить людям мир и совершенный порядок! Пусть он не отпрыск Фридриха, но вдруг он станет великим монархом, бичом неправедных и нечестивых?

Данте бессильно опустил руку, вспомнив порочные лица остальных приоров, высокомерного кардинала Акваспарту, свирепых инквизиторов и своих погрязших в пороках и разврате сограждан.

Именно им должен был противостоять человек, на пути которого собирался встать поэт. Конечно, его игра могла уже быть проиграна — потерпели же поражение Манфред и Конрад! — но все-таки надежда еще не умерла. Можно еще попытаться... А вдруг, помешав осуществиться замыслу Арриго, Данте совершит настоящее преступление?!.. Может, ему лучше броситься ниц перед своим бывшим учителем и предоставить в его безраздельное распоряжение свой ум, свою энергию и свои знания? Почему бы поэту не стать советником нового императора, не вложить в уста Арриго слова мудрости и добродетели, которыми он завоеует сердца своих подданных? Данте мог бы ис-

правлять его промахи, предупреждать его об опасности... Наверное, только поэту сейчас под силу помочь осуществиться почти провалившемуся замыслу приверженцев любви!..

А потом он воспоет эти великие события в своем новом произведении! Облечет их в форму странствий души, рвущейся из мрака отчаяния к свету возрожденного порядка. Да, такая поэма обессмертит его имя!..

Данте был уже совсем рядом с Арриго и мог прикоснуться к его плечу. Философ сидел с поникшей головой, положив руку на бумаги перед собой. Казалось, он спит.

Охваченный страшным подозрением, Данте бросился к окну и распахнул ставни, впустив в келью неверный вечерний свет. В келье стало чуть светлее.

Арриго был мертв. Перед ним, на бумаге с последними словами, начертанными его рукой, лежал кубок, в котором еще не просохли последние капли вина. Данте почувствовал резкий металлический запах, смешанный с запахом винограда. В уголке рта философа поэт заметил тонкую струйку розовой слюны. Слюна пенилась. Яд!

Очень осторожно Данте взял лист бумаги, на котором дрожащая рука умирающего Арриго с трудом начертала несколько слов.

«*Omnia tempus corrumpit, non bis in idem datur hominibus*». — Время стирает все и не дает человеку второй попытки...

Поэту на глаза навернулись слезы.

— Зачем ты меня не дождался?! — воскликнул он, сжав кулаки, и рухнул на стул перед мертвецом. Вечерний свет блеснул в полузакрытых глазах Арриго так, словно тот был еще жив. Казалось, он отстраненно созерцает кубок, из которого испил яду. Только теперь Данте заметил, какой фантастической красоты изделие лежит на столе.

В келье быстро темнело. Достав из сумки огниво, поэт зажег свечу и поднес кубок к огню, чтобы лучше его рассмотреть. Он был большим и из чистого золота.

— Неужели?! — ошеломленно пробормотал поэт и замолчал, не в силах проглотить подступивший к горлу комок. Он гладил пальцами изящные узоры на кубке: венки из роз и лавра, венчавшие четырех императорских орлов, широко распахнувших свои мощные крылья. Работа неизвестного мастера была удивительно тонкой. Из такого изящного изделия не погнушался бы пить сам император. Восемь граней кубка напоминали совершенную форму иерусалимского храма, а также выстроенный Фридрихом замок и сооружение, сожженное на землях Кавальканти.

Под орлами Данте заметил греческие буквы. Скорее всего, кубок изготовили в Константинополе. Впрочем, поверх греческих слов кто-то грубо начертал железным острием три латинские буквы «F R I». «Federicus Rex Imperator» — «Император самодержец Фридрих».

Наверное, это подарок Фридриху от Императора Восточной Римской империи. Знак дружбы. Залог взаимопомощи.

А ведь именно из этого кубка Фридрих и сделал свой последний глоток на грешной земле!..

Задрожав, Данте с почтительной осторожностью поставил кубок обратно на стол и отдернул руку так поспешно, словно золото жгло ему пальцы.

Из этого кубка можно испить только мертвую воду. Это он помог убить Фридриха неизвестному злодею. Загадочному «неполному человеку».

В воцарившейся темноте Данте уже с трудом различал черты лица Арриго. Казалось, невидимое стекло отделило философа от мира живых. Впрочем, его лицо еще не исказила маска смерти. Оно было таким спокойным, словно Арриго, с величием достойным древнего римлянина, давно готовился уйти на тот свет и совершил этот шаг сознательно и без малейшего страха.

А этот золотой кубок? Вряд ли философ случайно решил покончить с собой с его помощью. Можно подумать, он оплатил таким образом старый долг... Но если он писал великий труд, почему он ушел из жизни, не закончив его?

Такая слабость не вязалась с хорошо известной Данте силой воли этого человека.

Поэт стал мерить нервными шагами маленькую келью. Приблизившись к две-

ри, он внимательно ее осмотрел. Убедившись в том, что запереть ее на засов снаружи не представлялось возможным, Данте покачал головой, отгоняя посетившие его подозрения.

Нет, в момент смерти рядом с Арриго не было никого и ничего, кроме отчаяния.

На глаза поэту вновь навернулись слезы. У него зашумело в ушах, сознание покинуло его, и он погрузился в странный сон человека, чья душа рвется ввысь, но пока не может разорвать оковы брэнного тела...

рошло время. Данте очнулся. Сначала он не понимал, где лежит и почему его тело болит от удара об пол.

Через несколько часов его место займет новый приор. Надо идти в Сан Пьеро и готовить дела к передаче полномочий.

Однако сначала поэт должен был разобратся в череде кровавых преступлений. А прежде всего ему надо было позаботиться, чтобы труп Арриго не постигла печальная участь останков самоубийц.

Надо будет распустить слух о неизлечимой болезни философа, скосившей его на пути паломничества в Рим, принятого ради спасения души. Ведь главный врач флорентийского госпиталя все равно настолько невежественен, что не отличит утопленника от висельника.

Последние события совершенно изматывали Данте, полностью опустошив его душу. Он в отчаянии подумал, что оставляет за собой лишь руины, а его разум совершенно не способен разгадать вставшие на его пути загадки. Сам же поэт, как

тупой зевака, лишь смотрел с разинутым ртом на разыгравшуюся драму, не зная, как повлиять на ее ход.

Наверное, Марчелло прав, и все пред-
решено с самого начала. Чем же иначе
объяснить невероятную иронию того,
что уже двое замечательных людей на-
шли смерть, испив из одного и того же
кубка?.. Один — по собственной воле,
а другой — по чьему-то злому умыслу.
И вот оба они вернулись в прах, из кото-
рого когда-то возникли.

Поднявшись на ноги, Данте прибли-
зился к столу. Он хотел закрыть чем-ни-
будь лицо Арриго, а уж потом — при-
звать на помощь монахов. В этот момент
он обо что-то запнулся, машинально
наклонился, поднял с пола не замечен-
ную им ранее книгу и поднес ее к свету
свечи.

У него в руках оказался увесистый фо-
лиант. В нем было сто с лишним страниц,
а назывался он «Decem continens tractatus
astronomiae»*.

Великий труд Гвидо Бонатти! Крупней-
шее сочинение по астрологии последних
времен! А Бонатти был астрологом само-
го Фридриха. Еще один призрак минув-
ших дней! Можно подумать, император
издал в царстве теней указ, по которому
весь его двор должен нынче собраться в
так никогда до конца и не покорившейся
ему Флоренции!..

* «Книга, содержащая десять трактатов по астроно-
мии».

Данте бережно положил книгу на стол и, затаив дыхание, начал ее листать.

Поэт и не подозревал, что Арриго обладал этим бесценным сочинением и так хорошо разбирался в науке, которой оно было посвящено, что даже мог его авторитетно комментировать! Поля книги были испещрены его неровным почерком, так не похожим на разборчивый каролингский минускул*, которым кто-то переписал сочинение Бонатти.

Читая заметки на полях, Данте обратил внимание на то, что почерк написавшего их человека очень похож на его собственный, и невольно почувствовал духовную близость с ним. Так пилигримы, встречающиеся в чужих краях, сразу узнают один в другом соотечественников, еще не обменявшись ни словом и не назвав своих имен... В таком созвучии душ было что-то от гармонии, в которой должны были существовать граждане республики Платона.

Пролистав книгу до конца, Данте обнаружил, что переплет включает в себя еще одно сочинение, написанное той же рукой, что и примечания к книге Бонатти. Эта дополнительная глава называлась «*Liber undecimus de amplitudine rei universalis*»**.

О границах Вселенной!.. Выходит, автор примечаний решил развить мыс-

* Каролингский минускул — шрифт, возникший ко времени первого императора франков Карла Великого со светлым, ясным рисунком.

** «Книга одиннадцатая о границах Вселенной».

ли, с которыми познакомился во время чтения!

Читая одиннадцатую книгу, Данте все больше и больше преисполнялся восхищением по отношению к ее автору.

Неужели это мысли Арриго?

Повернувшись к мертвому философу, поэт стал вглядываться в благородные черты его лица. Разве они не свидетельство его высокого происхождения?! А может, именно их созерцал в зеркале сам философ, убеждая себя в том, что ему уготована особая участь? Может, изучая звезды, он вспоминал о собственном лице, которое звало его на трон вымышленного отца? На трон убитого Фридриха...

Данте озарила новая мысль.

А что, если Арриго покончил с собой вовсе не из-за того, что его планы потерпели крах, а от угрызений совести, преследовавших его пятьдесят лет после совершенного им преступления? Может, философ и есть «неполный человек», отравивший императора?

Читая Майнардино, Данте думал, что тот имеет в виду физическое увечье или моральное несовершенство.

А вдруг епископ называл «неполным человеком» ребенка, ставшего орудием в руках изменников? Ребенка, возненавидевшего отца, внезапно отрекшегося от него в лице его обожаемой матери? Такая обида вполне могла иметь трагические последствия, прервавшие императорскую династию и погубившие империю. И вот

теперь, во Флоренции, эта обида повлекла за собой новую трагедию — смерть людей, съехавшихся сюда со всех концов света.

Поэт невольно ужаснулся страшной драме, разыгравшейся в его родном городе, чьи привычные звуки проникали даже в эту келью, заключившую в своих каменных объятиях мертвого Арриго и живого Данте. Прислушиваясь к городскому шуму, поэт видел мысленным взором улицы, площади и дома — эти вместилища жестокости, коварства и предательства, готовые в любой момент вырваться на свободу.

О, это не Флоренция, а настоящий город Дит!* В нем не гостит добродетель, но демоны стоят на страже у всех дверей!

Итак, Арриго умертвил человека, которого считал своим отцом, с помощью этого кубка. Но как же он это сделал?

После заговора баронов Фридрих стал крайне подозрительным, и всю его пищу обязательно пробовали верные телохранители-сарацины. Даже если яд разбавили, чтобы он подействовал не сразу, его телохранители впоследствии тоже скончались бы, и это обязательно стало бы известно...

А может, Фридрих проявил невнимательность, слишком доверившись своему

* Город Дит. — Дит — латинское имя Аида, или Плутона, властителя преисподней. Данте называет так Люцифера, верховного дьявола, царя Ада («Ад»: XI, 64; XII, 39; XXXIV, 20). Его имя носит и адский город. («Мой сын, — сказал учитель достохвальный, — Вот город Дит, и в нем заключены Безрадостные люди, сонм печальный...»)

незаконнорожденному сыну, которого привык видеть при своем дворе с малых лет и на которого больше не обращал внимания?..

Потом Данте вспомнил, что аконит не обязательно глотать, чтобы умереть. Во время учебы он видел, как в судорогах умирал кролик, которому в ухо накапали настойку аконита.

Возможно, в ножке кубка есть какое-то острие, которым император поранил себе палец?

Золотой кубок сверкал в маленькой келье нестерпимо ярким блеском. Затаив дыхание, Данте осторожно его взял, поднял на высоту глаз с видом священнослужителя, совершающего таинственный обряд, и внимательно изучил край кубка, к которому когда-то прикасались губы Фридриха, но не обнаружил там ничего необычного.

Закрыв глаза, Данте вновь задумался об участии императора. Его набальзамированное тело ныне покоится в Палермо. Но где же его вырванное из груди сердце? Пожалуй, в этой келье его стук гораздо громче, чем в том саркофаге, в котором покоятся бранные останки Фридриха, облаченные в полуистлевшие роскошные одеяния... Может, именно в этом смысл пророчества Михаила Скота, сказавшего: «Sub flore morieris» — «Ты умрешь под цветком». А может — во Флоренции!

А вдруг огромное здание, сгоревшее на землях Кавальканти, должно было стать

кенотафом* Фридриха, построенном якобы для того, чтобы увековечить его память, а на самом деле — чтобы скрыть давнишнее преступление... Неужели Арриго хотел короноваться в этом сооружении, повторявшем своей формой замок Кастель дель Монте, окруженный волшебными зеркалами, бесконечно повторяющими в своих отражениях его образ в зените славы?!

Содрогнувшись при мысли о безумии такого замысла, Данте вспомнил Нерона, повелевшего соорудить себе трон, двигавшийся вместе с Солнцем. Арриго же, кажется, желал сам стать светилом среди сверкающих отражений!

Открыв глаза, поэт поморщился от блеска кубка, сверкавшего у него в руке, и задумался о своем незавершенном произведении. Неужели ему не хватит таланта закончить задуманное?! А что, если он прямо сейчас держит в руках предмет, способный подсказать ему то, что он так долго и тщетно ищет — форму рая. Огромный золотой кубок, подобный тому, из которого испил свою смерть Фридрих, но размером с необъятное небо, чтобы вместить в себя и омыть от всякой скверны души блаженных!..

Внезапно подумав о том, насколько кощунственен такой образ, Данте поспешно поставил кубок на стол. Раздался

* Кенотаф (греч. *kenotaphion*, от *kenos* — пустой и *táphos* — могила) — погребальный памятник. Он сооружался главным образом в том случае, когда прах покойного по каким-либо причинам оказывался недоступным для погребения.

металлический щелчок. Поэт тут же поднес свечу к кубку и стал внимательно его разглядывать. Он хорошо видел изящные изгибы его ножки, на которой были симметрично изображены два человеческих лица.

Тень двуликого человека, о которой говорил Марчелло! Девятая тень... Что же хотел этим сказать старый медик?

Взяв кубок, Данте вновь поставил его на стол. Опять раздался еле слышный щелчок. Поэт повторил этот опыт, и ему показалось, что ножка кубка не прочно прикреплена к его чаше. Значит, это произведение искусства не монолитно, а состоит, по меньшей мере, из двух частей! Поэт еще раз стукнул кубком о стол, а потом с разочарованным видом уселся на стул. Проклятый кубок оставался таким же, как прежде. Из него не полезли отравленные шипы.

Данте не знал, что еще предпринять, но его не покидала уверенность в том, что стоящий перед ним кубок совсем не прост. Обхватив голову руками, поэт шарил глазами по келье в поисках подсказки. Потом его озарила мысль.

Девять! Именно это число старец Марчелло считал судьбоносным!

Еще пять ударов кубком о стол, и на дне его чаши открылась маленькая щель, которую никто не заметил бы, если бы кубок был наполнен вином. Через нее-то в вино и попадал яд, скрытый в ножке. Значит, каждый раз, когда кубок ставили

на стол, скрытый в нем механизм делал новый шаг в сторону смерти. Постепенный характер его действия мог легко обмануть даже тех, кто заметил бы легкое движение ножки, которое можно было принять за недостаток в изготовлении изделия.

Да и кто бы осмелился разглядывать кубок, из которого пил император? Поэтому жертвой этого адского приспособления мог пасть лишь он сам. И человек, считавший себя его сыном. Или страстно желавший им стать...

Значит, и Арриго стал жертвой загадочного убийцы, неожиданно повторившего свое старое преступление...

анте удрученно осмотрелся по сторонам. Теперь он понимал, почему убийца оторвал лишь последние строки «Хроники». Он хотел, чтобы Арриго своей смертью указал на свою вину. Да и сам поэт, не раскрой он тайны кубка, наверное остался бы убежденным в том, что философ убил своего отца и покончил с собой в отчаянии после крушения своих планов.

Поняв, что у него перед глазами раскрывается преступление, совершенное полстолетия назад, Данте задумался о том, не управляет ли его судьбой путеводная звезда. А вдруг Марчелло прав, и жизнь человека — лишь путь вслепую по давно предначертанному ему пути?!

Вспомнив об этом, поэт вытащил из сумки скомканный лист, на котором старый медик изобразил его судьбу, предсказывая ему изгнание, одиночество и бесславную смерть. У Данте разболелась голова, линии, буквы и знаки плясали у него перед глазами. Он водил по ним пальцем, пока не добрался до квадрата враждебного Юпитера, предвещавшего

изгнание. Данте провел ладонью по глазам и покачал головой, разглядывая свой гороскоп с его мелкими неровными значками...

Приглядевшись к ним, Данте бросился к фолианту с десятью трактатами по астрономии и стал сравнивать почерки. Даже при неверном свете свечи было видно, что его судьба и пометки на полях рукописи сделаны одной и той же рукой. Рукой единственного человека в мире, способного добавить к десяти трактатам одиннадцатый. Теперь поэт не сомневался в том, что пометки на полях книги и дополнение к ней написал тот же автор. Данте содрогнулся при мысли, что несчастная судьба ему предсказана величайшим астрологом всех времен и народов.

С трудом взяв себя в руки, Данте выпрямился во весь рост. Он постарался убедить себя в том, что значки на бумаге ничего не значат, а его судьба зависит лишь от его собственных поступков и решений.

В гневе он хотел было порвать гороскоп, но тут случайно перевернул лист и замер.

Астролог стремительно начертил гороскоп на первом попавшемся листе из своей сумки. В пылу разговора он даже не заметил, что рисует на обратной стороне одной из бумаг, похищенных у убитого Бигарелли.

Это открытие тяжким грузом свалилось Данте на плечи.

Вот, значит, кто убийца! Но почему?!

Казалось, немой возглас поэта отражается гулким эхом от стен кельи и от трупа Арриго. Потом он вновь обратил внимание на гороскоп в своей дрожавшей руке.

Сев за стол, Данте разгладил бумагу рядом со свечой и увидел большой восьмиугольник с маленькими восьмиугольниками по углам. Замок Кагель дель Монте с его башнями по кругу!

Однако на чертеже перед глазами поэта было что-то отличавшееся от нарисованного в Гильдии строителей. Здесь на схеме помещений и коридоров были дополнительные обозначения: восемь линий, проведенных сангиной, — по одной в каждом из восьми залов. Рядом с каждой из линий было написано «*lucis imago repercussa*»* и стояла величина угла, выраженная в градусах. Все эти красноватые черточки были соединены чернильными линиями, как звенья одной цепи.

— Образ отраженного света... — пробормотал Данте, прикусив нижнюю губу. Внезапное открытие заставило его позабыть о головной боли, словно работа мысли побеждала слабость тела. — Восемь отражений в восьми зеркалах.

Поэт и дальше разглядывал чертеж Бигарелли, замороженный идеальной геометрией линий, показывавших необычные положения разных предметов и отношения между ними. Если в красоте и гармонии образов находит выражение

* Образ отраженного света (лат.).

истина, то в этом чертеже, с его симметрией, должна скрываться истина высочайшего порядка.

Рядом с чертежом стояло примечание, написанное малюсенькими буквами. Даже острейшее зрение поэта не сразу его разобрало. В нем говорилось о том, как следует строить сооружение.

Проследив пальцем за линиями на чертеже, Данте убедился в том, что Бигарелли пытался изобразить что-то вроде маршрута вырвавшейся на свободу необузданной силы, несущейся от одного зеркала к другому между глухими стенами сооружения, чтобы в конечном итоге оказаться в его центре, где предусматривалось что-то вроде внутреннего двора. Там несколькими скупыми чертами был изображен какой-то предмет и несколько зубчатых колес. Рядом с ним находился обведенный красным рисунок в крупном масштабе, изображавший две оси с укрепленными на них полумесяцами и человеческий глаз, внимательно созерцавший одну из них.

«Lucis imago repercussa...»

Данте начал понимать, о чем идет речь. Он вспомнил слова из «Хроники», поспешно прочитанные в келье Бернардо. Теперь его феноменальная память выудила их из пучины небытия:

«Император был готов к великому опыту, а мудрый Михаил, вопреки мнению придворного астролога, придумал, как его осуществить...»

Поэт поднял глаза от бумаги. У него вспыхнули глаза.

«*Lucis imago repercussa...*»

Великому Фридриху помешала увидеть его смерть. Теперь его мог увидеть Данте.

Поэт повернулся к закрытому шкафчику, заваленному стопками бесценных книг. Данте взломал его дверцу кинжалом. Лампа Илии! Теперь он понимал, зачем она нужна. Понимал он и назначение копии замка Кастель дель Монте. Знал, что должен был рассчитывать убитый математик Фабио даль Поццо...

Об этом же говорил Арриго рядом со стенами Баптистерия, ценного для него лишь мраком внутри стен.

Колодец темноты, без которого философ не смог бы осуществить заветную мечту своего отца.

Не возрождение империи, навсегда поглощенной океаном времени! О ней мечтали люди с севера, венецианцы и тамплиеры. Арриго же лишь великодушно согласился им помочь, вынашивая в глубине своего сердца совсем другую мечту. Теперь Данте наконец ее разгадал.

Внезапно поэта охватила тревога. А что, если, проникнув в этот секрет, он посягнет на божественную тайну? У него к горлу подступил комок, а на глаза навернулись слезы. Он не выдержал и расплакался от сердечной боли.

— Так вот чего ты хотел! — всхлипывая, воскликнул он, обращаясь к труп Арриго.

— В чем дело, учитель? — воскликнул кто-то за дверью. — Вам нехорошо?

— Все нормально, — ответил Данте, стараясь не всхлипывать. — Это просто страшный сон...

Поэт надеялся на то, что человек в коридоре удалится, но дверь в келью приоткрылась, и на пороге показался монах со светильником в руке, который с подозрительным видом несколько раз перевел взгляд с Данте на Арриго и обратно.

— Приор, это вы? А что вы здесь делаете? А мессир Арриго?..

— Он умер. Но не по воле Божьей. Он сам решил покинуть этот мир и покончил с собой, — объяснил поэт ошеломленному монаху, который при звуке этих слов в ужасе поднес ладонь ко рту.

— Самоубийство? В этих святых стенах? Я должен сообщить аббату! — пробормotal он, не сводя глаз с покойника.

— Обязательно сообщите, но позже. Сначала вызовите могильщиков из госпиталя Мизерикордия с тележкой для мертвецов.

Монах словно прирос к месту.

— Его надо немедленно похоронить, — объяснил ему поэт. — Вы же не хотите, чтобы ваш монастырь стал пользоваться дурной славой. Похороните его за городскими стенами сегодня же ночью. И сделайте так, чтобы об этом никто не узнал!

Монах кивнул и поспешно удалился.

примерно через час поэту сообщили, что прибыли те, за кем он послал. Появился и сам взволнованный аббат. Покосившись на мертвеца, он сразу опустил глаза, словно опасаясь заразы. За его спиной толпилось несколько монахов. Они вытягивали шеи, заглядывая в келью.

— Заверните тело в полотнище и вынесите его отсюда, — приказал им Данте.

Аббат кивнул своим монахам, и они быстро вынесли покойника, словно желая поскорее избавиться от его присутствия в стенах монастыря.

Поэт взвалил на плечи ящик с механизмом, взял в руку завернутую в тряпицу лампу Илии и пошел за монахами.

У ворот монастыря стояли двое могильщиков в длинных плащах. Один из них держал за оглобли тележку на высоких колесах, предназначенную для перевозки мертвецов. Монахи положили на тележку труп Арриго, покрыв его черной тканью.

— Мы готовы, — сказал второй могильщик с лампой в руке.

— А это что? — удивленно спросил он, когда Данте поставил в ногах покойника ящик и положил рядом с ним сверток.

— За мной! — не отвечая на вопрос, скомандовал поэт. — В аббатство Святой Марии Магдалины!

— Да мы же только что оттуда. После штурма у нас там было много работы! — воскликнул ничего не понимавший монах.

Данте вырвал лампу у него из рук:

— Следуйте за мной! Сначала нам надо кое-куда зайти!

С этими словами он зашагал вперед. Недоуменно перешептывавшиеся могильщики поплелись за ним.

Наконец тот из них, что был повыше ростом, набрался храбрости:

— Вы, наверное, шутите, мессир? Мы могильщики, а не грузчики.

— Выполняйте мои приказания и ни о чем не волнуйтесь. Я — флорентийский приор и знаю, что делаю. Вам ни о чем не придется сожалеть.

Данте быстро зашагал к складу сукна. За ним двигались могильщики со зловещей повозкой. Сторож склада уже спал в каморке у запертых ворот. Появившись на улице с заспанным и раздраженным видом, он хотел было разразиться бранью, но замер с открытым ртом, рассмотрев своих посетителей.

— Что вам надо? — в ужасе промямлил он, судя по всему, решив, что обла-

ченные в черное могильщики явились за ним.

Впрочем, узнав Данте, он чуть-чуть успокоился.

— Мне нужен товар Фабио даль Поццо. Он конфискован. Откройте ворота и прочь с дороги! Я знаю, где он лежит.

Сторож повиновался, и поэт зашагал по лабиринту проходов между массивными дубовыми полками. За ним тащились могильщики с тележкой. Склад был битком набит товаром, и воздух в нем был невыносимо спертый, но наконец они добрались до полок, на которых лежал венецианский фетр.

— Грузите на тележку вот эти тюки. Да осторожнее! Не уроните! В них очень дорогие и хрупкие вещи, — скомандовал Данте.

Вновь увидев тюки, поэт понял, что разместить их на тележке будет совсем не просто. На глазах ошеломленных могильщиков он схватил труп Арриго под мышки, посадил его на тележку и велел складывать тюки на освободившееся место.

Могильщики не знали, что и думать, но стали послушно грузить зеркала, обернутые фетром. Ось тележки заскрипела под их весом.

— Что там внутри — мрамор?! — обливаясь потом, воскликнул один из них.

— Мечта, — пробормотал поэт, помогая второму могильщику сдвинуть с места груженую тележку. — Мечта великого человека.

— Мы вынуждены будем поставить в известность о ваших действиях наше начальство.

— Завтра. Сделайте это завтра утром.

Тележка с сидящим мертвецом и тюками фетра проследовала мимо сторожа, у которого от страха подгибались колени.

Взошла луна, и на улице стало светлее. Данте велел могильщикам катить тележку в сторону Баптистерия.

За очередным углом им навстречу попался патруль стражников. Увидев могильщиков в черных капюшонах, стражники попятились и начали креститься. Приор прошествовал мимо них, не удостоив их даже взглядом, хотя и боялся, что могильщики бросятся жаловаться на него начальнику патруля. Однако те молча катили тележку за ним.

Вот они вышли на широкую улицу, ведущую к церкви Санта Репарата. Вдали показалось большое мраморное здание Баптистерия, выделявшееся на фоне ночного неба, как императорская корона, окутанная усыпанной звездами мантией. В нетерпении Данте ускорил шаги.

Наконец они вышли на пустынную площадь, загроможденную строительными материалами. Перед ними над землей уже возвышался угол будущего собора.

Решительно направившись к углу Баптистерия, Данте внезапно заметил, что там кто-то есть.

— Здравствуйте, мессир Алигьери, — раздался голос во тьме. — Я знал, что

ваше упрямство рано или поздно приведет вас сюда. А нынешней ночью звезды точно указали мне час, когда вы решите осуществить свое безумное намерение.

Говоривший сидел на одном из римских саркофагов у стены Баптистерия. Надвинутый на его глаза дорожный капюшон скрывал его черты, но Данте сразу узнал этот голос и сделал несколько шагов в его сторону.

— Здравствуйте и вы, мессир Марчелло. Я тоже не сомневался в том, что рано или поздно наши пути пересекутся. Кстати, может, мне лучше звать вас настоящим именем? Оно ведь так прославлено!

Старец молчал.

— Гвидо, — проговорил тогда Данте. — Гвидо Бонатти. Астролог королей и самого императора. Человек, познавший все тайны звезд и ставший... убийцей!

Гвидо Бонатти по-прежнему молчал. Он лишь поднял лицо к небу, словно желая взглянуть на звезды, о которых говорил поэт.

— Его форма совершенна, — пробормотал астролог, указывая на барабан, поддерживавший возвышавшийся над площадью купол Баптистерия.

— Но в этом совершенстве нет смысла, — саркастическим тоном добавил он. — Как нет смысла и в других попытках человека подражать природе.

Данте стоял уже прямо перед астрологом и жестом приказал могильщикам с тележкой остановиться.

Бонатти взглянул на спокойное лицо мертвого Арриго. Потом скользнул взглядом по ящику у его ног.

— Значит, он оказался у вас, — про-
бормотал Бонатти. — А я-то был уверен,
что разбил его на куски.

— Механизм собрал механик Альбер-
то. Он успел это сделать, прежде чем вы
его умертвили.

— Альберто прекрасно знал свое де-
ло, — кивнул астролог. — Я видел рабо-
ты у него в мастерской.

— Он был почти таким же умелым,
как и демоны, изготовившие это приспособ-
ление, — добавил он, кивнув на ящик
с механизмом.

— О ком вы? О человеке с Востока, от-
равленном вами на галере? Как вы вооб-
ще на ней оказались? Взошли на борт на
Мальте? Или смешались с пассажирами
еще при ее отплытии из-за моря?

— Я был в Сидоне, когда до меня
дошли известия о том, что безумный
опыт все-таки намереваются осуще-
ствить... И я убедил их в том, что могу
оказаться полезным...

— Вы истребили весь экипаж галеры
лишь для того, чтобы убить среди других
одного человека?!

— Я должен был любой ценой добиться
того, чтобы он перестал изобретать свои
дьявольские приспособления. Он должен
был бесследно исчезнуть с лица земли...

— И вы принесли в жертву столько ни
в чем не повинных людей, отравив их

тем же ядом, что унес жизни императора и его отпрыска?

— Каждый из нас в чем-то виновен, — с презрительным видом пожав плечами, сказал Бонатти. — А Арриго не был сыном Фридриха. Верить в это его вынуждала лишь его безумная гордыня.

— Пусть Арриго и не был зачат Фридрихом, но он был достойным наследником его блестящего ума. Уже благодаря своей мудрости он был достоин стать императором. А также — благодаря своей преданности его делу. А вы-то, наверно, использовали ее в своих целях, льстили ему, утверждали, что звезды сулят ему трон. Для этого-то вы и дали ему свой трактат о гадании по небесным телам. А потом вы дали ему золотой кубок, чтобы он выпил с вами за успех грядущего предприятия. И кубок этот умертвил его так же, как и Фридриха.

— Мой трактат... Труд всей моей жизни... — печально пробормотал Бонатти. — Теперь он погиб...

Впрочем, он тут же пожал плечами и заговорил прежним насмешливым тоном:

— А зачем мне было убивать императора? Я же перед ним преклонялся. Зачем? Вы можете сказать это мне, Алигьери?

— Да. Теперь я это знаю! — торжествующим тоном воскликнул Данте. — Вы убили Фридриха, потому что тот собирался поставить опыт, доказывающий ложность ваших убеждений.

— И поэтому вы сюда явились вместе с ним? — спросил Бонатти, кивнув на труп Арриго.

— Да. Он тоже имеет право посмотреть на то, что увижу я.

Услышав эти слова, старик отшатнулся, как от пощечины.

— И что же вы намереваетесь увидеть? — злобно прошипел он.

— Мечту Фридриха. Царство Света. Чтобы увидеть его, император призвал когда-то к себе лучшие умы своего времени. Илия Кортонский изготовил ему с помощью алхимии лампу, сияющую как свет первого дня Творения. Михаил Скот придумал, как ее использовать, а Леонардо Фибоначчи определил, какие расчеты применять. Мастер Тинка изготовил ему невероятные зеркала. С Востока прибыл Аль-Джазари со своими механизмами, а Гвидо Бигарелли спроектировал здание для опыта. Император решил узнать, какое расстояние преодолел свет за шесть дней Творения. Он хотел узнать размеры Вселенной. Определить границы царства Божья.

— Фридрих был безумец и богохульник, — неторопливо кивнув, сказал Бонатти. — Он возжелал невозможного. Если бы свет двигался, он и сейчас бы летел в сторону ужасной и неизмеримой бездны. И в чем бы мы тогда могли быть уверены? Что стало бы с нашей верой в неколебимость Творения?.. Нужно было воспрепятствовать такому безу-

мию, и звезды указали, что остановить его суждено мне.

— Это вы — безумны. Найдя границы сотворенного Богом мира, человек свершил бы титанический труд во славу Божию!

Старец с неожиданным проворством вскочил на ноги и шагнул к Данте. Поэт попятился, но Бонатти, кажется, и не думал на него нападать. Он пристально смотрел на что-то у него за спиной, и Данте невольно обернулся, с ужасом вспомнив о страшных ранах, виденных им на спинах убитых людей.

Но за спиной у поэта никого не было. Бонатти просто смотрел на звезды у самого горизонта.

— Вот поднимается созвездие Скорпиона... Как написано, так и случится, — закрыв глаза, пробормотал он глухим голосом. — Коварство и колдовство сарацин — ничто по сравнению с совершенством Творения и его неподвижным светом, пребывающим в установленных Богом границах.

— Это не сарадины искали истину, а лучшие умы нашего века: наши же соотечественники и христиане. А скольких из них вы уже убили! — гневно воскликнул Данте. — Вы убиваете не по убеждению в собственной правоте, а потому, что боитесь, что они докажут, как глубоко вы заблуждаетесь!

Старец сжал кулаки и уже открыл рот, чтобы что-то ответить, но поэт не дал ему говорить.

— Сколько же вам лет, мессир Бонатти? Вы же видели большую часть нашего столетия. И после всего этого времени, за которое вы столько повидали и познали, вы не решаетесь на столь чудесный опыт? Неужели вы боитесь поставить его вместе со мной? Прямо здесь — в Баптистерии с его идеальной геометрической формой! Мы свершим здесь то, что не сделали в замке в Апулии! — решительно продолжал Данте, показывая на мраморное здание Баптистерия.

— Вы, как святой Фома, хотите найти истину в крови, — сморщившись от досады, пробормотал астролог. — Что ж. Эта кровь потушит адское пламя вашей гордыни и собьет с вас спесь. Я не боюсь вас... Так ступайте же в храм, если не страшитесь осквернить его своим бессмысленным поступком...

— Пойдемте к северным дверям. Сейчас на куполе Баптистерия доделывают большую мозаику, и эта дверь оставлена открытой для мастеров.

Оба могильщика за спиной у Данте молча слушали его разговор с Бонатти, пряча под капюшонами удивленные лица. Вчетвером они проследовали вдоль стены Баптистерия и прошли в узкую улочку, отделявшую храм от близлежащих лачуг, ютившихся вокруг него, как попрошайки на паперти.

— Закатите тележку внутрь и оставьте нас! — приказал могильщикам Данте, входя в храм со светильником в руке. — Я сам потом займусь покойни-

ком, а вы — возвращайтесь к разрушенному аббатству и предайте земле останки Антиохийской девы.

— И отнеситесь к ним с должным почетом, — грустно добавил он, — ибо конец ее был намного страшнее ее вины... Об увиденном же здесь — забудьте!

ак только могильщики удалились, державшийся до этого в стороне Бонатти откинул дрожащей от волнения рукой фетр и стал гладить пальцами холодное стекло, как слепой, пытающийся определить форму оказавшегося перед ним предмета.

В неверном свете луны, проникавшем сквозь окошки внутрь храма, Данте нашел подсвечник, высек огнивом искру и зажег свечные огарки. Потом он повернулся к Гвидо Бонатти, севшему на край крестильной купели. Астролог выглядел уставшим. Он обливался потом. Казалось, ему на плечи внезапно рухнул груз всех прожитых им лет. Он с трудом дышал в душном Баптистерии, не сводя глаз с мертвого лица Арриго.

Поэт извлек из сумки чертеж Бигарелли, но астролог уже собрался с силами и начал мерить шагами пол Баптистерия с такой уверенностью, словно все чертежи были в мельчайших подробностях навечно запечатлены у него в мозгу.

— Я тысячи раз перечитывал этот дявольский план. Тысячи раз я просыпался

и видел его перед глазами. Тысячи раз я засыпал, думая о нем. Уберите эту бумагу и поставьте первое зеркало здесь!

Завернутый в черную ткань труп Арриго наблюдал за происходящим из темного угла. Ткань соскользнула с его лица, и Данте подумал, что не зря привез сюда мертвеца. Философ умер едва ли два часа назад, и его душа еще витала на границах царства теней. — Наверное она все видит!

Одно за другим восемь зеркал были поставлены по одному к каждой из стен. Бонатти шел по периметру Баптистерия и указывал, под каким углом ставить зеркала, так уверенно, словно диктовал свой последний и самый необычный гороскоп. Данте шел за ним со свечой и следил за тем, чтобы каждое зеркало получало отражение света справа и отправляло его влево.

— Неужели вы рассчитываете на то, что у вас что-то выйдет? — скрестив руки на груди, спросил поэта астролог после того, как они поставили под нужным углом последнее зеркало.

— Я в этом даже не сомневаюсь, — ответил Данте, определяя при свете свечи, куда поставить лампу Илии, чтобы свет от нее шел к первому зеркалу.

Последний раз покосившись на Арриго, поэт открыл дрожащими от волнения руками дверцу лампы. Потом — набравшись мужества — он поднес огонь к маленькой ампуле.

Белый порошок вспыхнул ослепительным светом. Латунный щиток направил луч прямо на первое зеркало. Вдоль стен Баптистерия потекла огненная река. Где-то далеко наверху лик Христа и лики его ангельского воинства беззвучно наблюдали за происходящим внизу.

— Вот! — воскликнул Данте, показывая пальцем на полосы света, игравшие в зеркалах. — Вот лучи, о которых говорит Аль-Кинди. Свет перемещается от одного зеркала к другому.

— Вы ошибаетесь! Свет возник во всех зеркалах одновременно, а не по очереди. Это доказывает лишь то, что свет неподвижен. Он есть везде и никогда не меняется, как и его творец!

Поэт покачал головой и отпустил пружину механизма. Ось с зубчатыми колесами начала вращаться. Сначала — медленно, потом — все быстрее и быстрее. Приблизив глаз к отверстию со стороны противоположной лампы, Данте увидел сверкающий светящийся ореол, но в отверстии царила полная темнота.

Бонатти тоже посмотрел в отверстие и шагнул назад с презрительной миной на лице.

— Смотрите! Вот — темнота, которая смеется над вашим невежеством, — с издевкой сказал он. — Я хорошо знаю это дьявольское приспособление. Михаил Скот рассказал мне, как оно должно действовать. Если свет найдет препятствие в пластинах противоположных полумесяцев, его движе-

ние будет доказано. Но этого не произойдет никогда, потому что свет неподвижен!

Данте с сомнением прикусил губу. Шестеренки жужжали все громче и громче, набирая скорость под воздействием пружины.

Поэт все время смотрел в отверстие, но так ничего и не видел. Утерев ладонью потный лоб, он постарался отогнать щемящее сердце предчувствие неизбежного поражения. И вдруг его ослепила вспышка, за которой последовал луч ярчайшего света, полившийся из отверстия. Данте машинально прикрыл рукой ослепленный глаз. Несколько мгновений он ничего не видел, но услышал где-то рядом сдавленный стон и с трудом разглядел ошеломленного Бонатти, взирающего с разинутым ртом на его залитое светом лицо.

— Божественный свет! — воскликнул Данте, заслоняясь от него рукой. — Он движется! Как движется и все вокруг нас!

Форма небес, очертания царства праведников, которые он так долго и безуспешно пытался выразить словами, растилались теперь прямо перед ним во всем своем великолепии. Перед его все еще ослепленными глазами совершенно сверхъестественным образом плясал огненный восьмиугольник.

— Фридрих был прав! — воскликнул Данте.

Астролог же несколько раз покачал головой и зажмурил глаза, словно не желая больше ничего видеть.

— Вы думаете, что победили? — спросил он после долгого молчания, нарушавшегося лишь жужжанием вращавшегося механизма.

— Да! Я победил. И здесь, в храме Святого Иоанна Крестителя, я буду увенчан короной из сверкающего лавра! — ответил поэт, зачарованно следивший за потоком света.

Наконец-то он мог завершить свою «Комедию»! Ведь перед ним раскрылся долгожданный облик Царствия Небесного!

— Такова Божья воля! И я запечатлею ее на пергаменте ради всеобщего просвещения.

Астролог пошатнулся.

— Но это же невозможно! — прохрипел он, приближаясь к Данте и бессмысленно шаря в воздухе руками словно для того, чтобы схватить и остановить лучи света. Поэт посторонился, чтобы и старец мог заглянуть в отверстие механизма.

Покачивая головой, астролог собирался было наклониться к отверстию, но внезапно вскрикнул и отскочил в сторону, закрыв лицо руками с таким видом, словно от механизма изошло опалившее его пламя. Теперь вместо издевки у него на лице было написано глубокое отчаяние.

— Ну и что вы обо всем этом скажете, мессир Бонатти? — презрительным тоном спросил его Данте. — Почему же ваши лживые гороскопы ничего вам об этом не поведали?

Озаренные светом длинные волосы старца сверкали, как охваченные пламенем. Он медленно снял одну из перчаток.

— Это колдовство. Этого не может быть... — бормотал астролог. Тем временем его левая рука без перчатки засверкала. Ее кисть была из серебра.

Вот он, «неполный человек»! Убийца, проклятый Майнардино.

Здоровой рукой Бонатти нажал на что-то в районе запястья, и из указательного пальца и мизинца серебряной руки выскочили два острых лезвия.

Данте попятился, а астролог поднес лезвия к свету. Они засверкали, как ангельский огненный меч.

— Вы знали об этом, мессир Алигьери? — на удивление спокойным голосом проговорил астролог. — Это оружие изготовлено в Дамаске и обагрено кровью бесчисленных узников. Им пользовался палач самого халифа. Этот человек раньше был вором, и ему отрубили руку. Когда он стал палачом, ему изготовили эту серебряную кисть, чтобы он мог выполнять свои обязанности.

Приблизив лезвия к самому лицу, Бонатти стал разглядывать их так, словно впервые их видел.

— Вот еще одно произведение этих дьяволов, чью изобретательность вы так цените. Это сделано специально для того, чтобы одним ударом ослеплять приговоренных. Смотрите, расстояние между лез-

виями равно расстоянию между человеческими глазами.

С этими словами астролог поднес лезвия к самому лицу поэта, чтобы тот мог лично убедиться в его правоте. Данте пятился, пока не почувствовал спиной камни стены, а Бонатти подходил к нему все ближе и ближе с двумя лезвиями, чьи страшные следы поэт уже видел на нескольких трупах.

Данте стал оглядываться по сторонам в поисках какого-нибудь оружия, но старик и не собирался нападать. Некоторое время он, как зачарованный, смотрел на сверкающие лезвия, а потом нагнул голову и вонзил их себе в глаза. Данте в ужасе закрыл лицо руками, а Бонатти, не проронив ни стога, уже извлек лезвия из проколотых глаз. Его окровавленное лицо стало больше похоже на страшную маску.

— Если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя! Не так ли сказано в Священном Писании?* Так и произошло. Даже императору не под силу тягаться с Божьей волей! Ваше колдовство — ничто перед моими знаниями! — выдавил Бонатти сквозь зубы, сжатые от непереносимой боли.

Потом он повернулся, бессильно опустил руки и куда-то пошел. Серебряное запястье свалилось с культи и звякнуло о каменный пол. Данте бросился было вперед, чтобы помочь старому безумцу, но Бонатти уже не замечал ничего вокруг

* «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя...» (Евангелие от Матфея 5:29).

себя, погрузившись во мрак, полный бесконечных повторений. Решительным движением руки он отстранил поэта, словно почувствовав его присутствие сквозь кровавый занавес, навсегда опустившийся перед его взором.

Астролог шел к центру Баптистерия. Ошеломленный Данте провожал его взглядом. Возле крестильной купели Бонатти споткнулся о каменную ограду, покачнувшись, хватаясь руками за воздух, и рухнул лицом в круглый резервуар, полный воды. Молотя в ней ногами, он шарил руками по гладкому римскому мрамору дна купели, пытаясь подняться, но руки его скользили, не находя опоры.

Сначала Данте не двигался с места, наблюдая, как смерть, предсказанная убийцей самому себе, протянула к нему свои щупальца. Так пусть же он утонет в святой воде. Пусть здесь, в Баптистерии, его и настигнет кара за все его давнишние и недавние преступления!

Но вдруг поэт очнулся от оцепенения. Неужели он позволит астрологу захлебнуться?! Ведь тот умрет с ухмылкой на устах, не сомневаясь в правоте своей ложной науки, предсказавшей ему утопление!

Подбежав к купели, Данте схватил Гвидо Бонатти за ноги и потащил его из воды, уже подернутой кровавой пеной. Длинные одежды астролога промокли, утяжелились и не давали поэту вытащить Бонатти. Данте напрягся изо всех сил, упершись ногой в низкую каменную ограду купели. Но ка-

мень ограды, в который упиралась нога, неожиданно поддался и рухнул. Поэт чуть сам не свалился в воду, но чудом удержался и, выбиваясь из последних сил, все же вытащил астролога из воды.

Бонатти был еще жив. Он приподнялся на локтях. Мокрые длинные волосы прилипли к его лицу, спрятав выколотые глаза. Данте стоял над ним, уперев руки в бока, и с трудом переводя дух.

Внезапно старик вскочил на ноги с такой поспешностью, словно в него вселился бес. Поэт сразу же вспомнил рассказы о мертвецах, одержимых силами преисподней, оживляющих трупы своим дыханием.

Оставляя на полу кровавые следы, астролог медленно двинулся к открытой двери и через некоторое время исчез в переулках к северу от Баптистерия.

— Вы не утонули, Гвидо! Ваша наука так же слепа, как и ваш дух! — крикнул ему вслед Данте, но Бонатти его уже не слышал.

Смесь фосфора догорала, и пляска света на стенах Баптистерия утихла. От ликующих всполохов уже почти ничего не осталось.

Данте поднял с пола серебряную руку с окровавленными клинками, облепленными частицами плоти, а механизм Аль-Джазари тем временем с тихим жужжанием остановился, исчерпав энергию скрученной пружины.

Силы покинули поэта, и он скользнул по стене на пол, чувствуя, как его покидает сознание.

огда Данте очнулся, вокруг него царил мрак. Лишь из окон лился слабый лунный свет.

Сколько же прошло времени?

В этот момент поэта встряхнула чья-то грубая рука и чей-то резкий голос окликнул его по имени:

— Просыпайтесь, мессир Данте! Что тут произошло?

Вокруг поэта — посреди царившего в Баптистерии мрака — метались чьи-то темные фигуры. Наконец Данте узнал коротышку-капитана, командовавшего стражей. Тот, как всегда, был вооружен до зубов...

— Что здесь произошло, приор? — спросил капитан подозрительным тоном. — Откуда вся эта кровь?

Собравшись с последними силами, Данте попытался встать на ноги.

— Нас вызвала стража у ворот Порты д'Аквила. Караул подумал, что в Баптистерии пожар. Когда мы прибежали, храм светился так, словно внутри полыхала тысяча факелов. Что же здесь все-таки

случилось? — в третий раз спросил начальник стражи, показывая пальцем на механизм в углу и на зеркала, прислоненные к стенам. — И кто поломал ограду купели? Вы небось! Вы что, свихнулись?!

— Вы мне еще за все ответите! — добавил капитан с чувством глубокого удовлетворения, но Данте его не слушал.

Поэт смотрел в темноту за распахнутой дверью, в которой исчез Гвидо Бонатти. Дважды ему показалось, что он видит тень астролога, витающую где-то над могилами у церкви Сан Лоренцо.

— А это что такое? — спросил начальник стражи, показывая на механизм и зеркала.

Поэт поднял с пола еще дымившуюся лампу Илии и стал внимательно ее разглядывать.

— Это свет, — вздохнув, ответил он. — Материя, из которой сотканы мечты...

И Данте медленно удалился в ночь, озаренную лишь далекими звездами.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Алигьери Данте (1265 – 13 сентября 1321 года) поэт, литературовед, богослов и политический деятель. Вошел в историю мировой литературы как автор монументального эпического труда: «*La divina commedia*» («Божественная комедия»), отразившего взгляд с точки зрения христианской морали на брешную и короткую человеческую жизнь.

Родился между 21 мая и 20 июня 1265 года во Флоренции. В 1283 году умер отец Данте, оставив детям скромное, но очень уютное имение во Флоренции и загородный домик. Вскоре Данте женился на Джемме Донати.

Заинтересовавшись политикой, в 1300 году Данте участвует в почетном посольстве в Сан-Джимильяно. В том же году становится приором Флоренции. Выбранные народом приоры осуществляли во Флорентийской республике управление городом. Выгнанные когда-то партией гвельфов, к которым принадлежал и Данте, гибеллины активизи-

зировали свою деятельность, ворвались в город и устроили погром своим политическим противникам. Данте и еще 14 гвельфов были заочно приговорены к смертной казни. Чтобы спастись, ему пришлось покинуть родной город. Сначала он принимал непосредственное участие в подготовке военного реванша. Но тщетно. Наступило разочарование в политике, и Данте возвратился к литературе — продолжил создание «Convivio». В годы изгнания он начал писать и труд своей жизни — «Божественную комедию».

В ноябре 1308 года Генрих стал королем Германии, а в июле 1309 года новый папа Клемент V объявил его королем Италии, и пригласил в Рим, где произошла коронация Генриха как императора Священной Римской империи. Данте, который был союзником Генриха, вновь окунулся в политику. Тогда ему очень пригодился литературный опыт, поскольку он писал много памфлетов и много выступал.

В ночь с 13 на 14 сентября 1321 года в Равенне Данте Алигьери скончался.

Фридрих II Гогенштауфен (1194 – 1250), германский король и император Священной Римской империи, сын императора Генриха VI и Констанции Сицилийской, внук Фридриха I Барбароссы и короля Сицилии Рожера II, родился в Ези (близ Анконы) 26 декабря 1194 года.

В 1196 году Фридрих был избран королем римским, но год спустя его права были отвергнуты. Партия Гогенштауфенов (в Италии гибеллины, или черные) оказалась достаточно сильной для того, чтобы избрать германским королем его дядю Филиппа Швабского; сторонники Папы Римского — гвельфы (белые) выдвинули короля-соперника — Оттона IV, сына Генриха Льва. Разгоревшаяся в связи с этим борьба расколола всю Европу. В 1197 году Фридрих стал королем Сицилии, а в 1220-м в Риме папа Гонорий возложил на Фридриха корону императора Священной Римской империи.

К 1226 году под властью Фридриха оказалась большая часть Италии, что было прямой угрозой папскому могуществу. В дальнейшем, вся история правления Фридриха состояла из противостояния папам, бесконечных интриг и внутриевропейских войн. В июне 1245-го на Лионском

соборе папа Иннокентий IV объявил Фридриха низложенным и призвал к крестовому походу против него.

Хотя по происхождению Фридрих был Гогенштауфеном, его следует считать скорее сицилийцем, нежели немцем, поскольку жил он главным образом именно на Сицилии. Покровитель наук и искусств, он и сам вполне заслужил звания ученого и поэта. Стиль правления Фридриха можно, с некоторыми поправками, назвать просвещенным абсолютизмом; это был рационалист, не чуждавшийся общения с астрологами. Загадочная и богато одаренная личность Фридриха вызывала у современников, прозвавших его *stupor mundi* (лат. «чудо света»), чувства восхищения и страха. Сам он подчас склонен был считать себя предшественником Мессии (как во время вступления в Иерусалим в 1228 году), но некоторые называли его Антихристом.

Умер Фридрих в Кастель-Фьорентино (Апулия) 13 декабря 1250 года.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ	6
ПРОЛОГ	
ЗАМЫСЕЛ ИМПЕРАТОРА	9
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
ЦАРСТВО ТЬМЫ	13
ГЛАВА I	14
ГЛАВА II	34
ГЛАВА III	69
ГЛАВА IV	121
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
ЦАРСТВО СВЕТА	185
ГЛАВА V	186
ГЛАВА VI	243
ГЛАВА VII	272
ГЛАВА VIII	348
ГЛАВА IX	374
ПРИЛОЖЕНИЕ	439

МИРОВЫЕ БЕСТСЕЛЛЕРЫ

ДЖУЛИО ЛЕОНИ

ИСКУШЕНИ
ДАНТЕ

СТИВ БЕРРИ

ТРЕТЬЕ
ОТКРОВЕНИЕ

НАМИЯ МАСОТ

ТЕНЬ
ТАМПАЙЕРА

ПОТРЯСАЮЩИЕ
СОВРЕМЕННЫЕ
ДЕТЕКТИВЫ

СЕРИЯ

«ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ
МИСТЕРИИ»

ВЛАДЕЮЩИЙ ЗНАНИЕМ
— ВЛАДЕЕТ МИРОМ!
ЕСЛИ ОСТАНЕТСЯ ЖИВ..

Издательский Дом «НЕВА»

представляет лучшие произведения классической и современной литературы

По вопросам размещения рекламы в книгах обращайтесь по телефону (812) 303-8534

Издательский Дом «НЕВА»

ОФИС

199155, Санкт-Петербург, ул. Одоевского, д. 29

тел.: (812) 303-8530, 303-8534

по факс: (812) 303-8531

E-mail: mail@id-neva.spb.ru; office@id-neva.spb.ru

Мы приглашаем вас к сотрудничеству и предлагаем следующий комплекс услуг:

- Оптовые поставки книг
- Гибкую дисконтную систему
(в т. ч. возможность товарного кредитования)
- Проекты по продвижению новинок (специальные акции)
- Маркетинговую поддержку розничных продаж
- Услуги по транспортировке

Отделы оптовых продаж:

В Санкт-Петербурге

196084, ул. Киевская, д. 22/24-6, офис 100

тел.: (812) 746-7203, 746-7180

факс: (812) 746-7135

e-mail: opt@id-neva.spb.ru

В Москве

129075, Звездный бульвар, д. 23, стр. 12

тел.: (495) 615-3221, 615-1285, 616-2918

Добавочные №№: 199, 344, 345

e-mail: savenkova@id-neva.spb.ru

Книга почтой:

Это простой, надежный и удобный способ доставки.

Закажите понравившуюся книгу прямо себе домой!

Для этого передайте заказ нашим менеджерам

любым доступным способом:

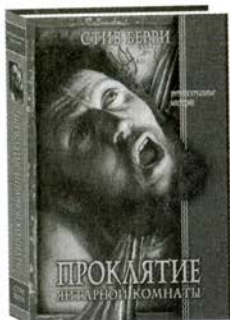
по телефонам (812) 746-7212, 746-7203, 746-7180

по факсу (812) 746-7135

по электронной почте: postbook@bk.ru

письмом: 195271, Санкт-Петербург, а/я 226, Петровой К. В.

Издательский Дом «НЕВА» предлагает вам ознакомиться с прайс-листом и планом выхода новых книг на нашем сайте:

прочитай и выиграй

**Книжная
SMS-викторина
AMBER**

*Срок проведения
с 10 февраля
по 10 апреля 2006 года*

Количество призов ограничено
только сроком
проведения викторины!

Каждый третий выигрывает **ПРИЗ** стоимостью **350 рублей!**
Мировой бестселлер Джулио Леони «ИСКУШЕНИЕ ДАНТЕ»
(по желанию победителя книга может быть заменена на любую книгу серии
«Интеллектуальные Мистерии»)

Каждый сотый выигрывает **ГРАНД-ПРИЗ** стоимостью
3500 руб.!

Годовую подписку на серию «Интеллектуальные мистерии»,
включающую в себя 10 мировых бестселлеров:

Джулио Леони «ИСКУШЕНИЕ ДАНТЕ»

Стив Берри «ТРЕТЬЕ ОТКРОВЕНИЕ»

Нурия Масот «ТЕНЬ ТАМПЛИЕРА»

Стив Берри «ПРОКЛЯТИЕ ЯНТАРНОЙ КОМНАТЫ»

и другие.

Победитель получит все книги серии, выпущенные издательством до 31.03.06. Остальные книги будут высылаться по мере выпуска.

Каждый тысячный выигрывает **СУПЕРПРИЗ** стоимостью **35 000 рублей!**
Романтическое путешествие на двоих в Царское Село включает в себя:

Перелет внутри РФ до Санкт-Петербурга и обратно.

Трансфер Пулково—Царское Село.

Ночь в гостинице «Екатерина» с видом на Екатерининский дворец.

Индивидуальная экскурсия по Екатерининскому дворцу с посещением Янтарной комнаты — уникального произведения искусства, восьмого чуда света!

Царский ужин в ресторане «Адмиралтейство», расположенного на территории Екатерининского парка.

ПОЧУВСТВУЙ СЕБЯ ИМПЕРАТОРОМ!!!

Для того чтобы стать участником викторины, нужно послать кодовое слово **AMBER** на номер **2501** и правильно ответить на четыре вопроса:

Вопрос № 1 Последнее место жительства Петра Борисова?

Вопрос № 2 Имя дочери Рейчел Катлер?

Вопрос № 3 Имя эквизитора Эрнста Лоринга?

Вопрос № 4 Марка автомобиля Сюзанны Данцер?

Прочитай книгу Стива Берри «Проклятие Янтарной комнаты».

Включись в игру, послав слово **AMBER** на номер **2501**.

Выбери правильные варианты ответов на вопросы, поступающие в виде SMS-сообщений.

Вы уже выиграли первый Приз? Вы все равно можете выиграть другой Приз, отправив еще раз слово **AMBER** на номер **2501**.

Вы ответили неправильно? Не расстраивайтесь; у вас в запасе неограниченное количество попыток ответить правильно! Отправьте еще раз слово **AMBER** на номер **2501**, количество включений в викторину не ограничено.

Стоимость каждого посланного сообщения на номер 2501 составляет:

ИНДИГО GSM (ЗАО «Новгородские телекоммуникации»), НСС (ЗАО «Нижегородская Сотовая Связь»), АКОС (ЗАО «АКОС»), НТК (ОАО «Новая Телефонная Компания»), МТС Приморье (ЗАО «Примтелефон»), Билайн (ЗАО «Сахалин Телеком Мобайл» (ЗАО «СТ Мобайл»), Билайн (ОАО «Вымпел-Коммуникации») — 0,99\$ без учета НДС.

МСС-Поволжье (ОАО «МСС-Поволжье»), Мобиком-Центр (ЗАО «Мобиком-Центр»), Мобиком-Новосибирск (ЗАО «Мобиком-Новосибирск»), Мобиком-Кавказ (ЗАО «Мобиком-Кавказ»), Мегафон Москва (ЗАО «Соник Дуо»), Уральский GSM (ЗАО «Уральский Джи Эс Эм»), Мегафон СПб (Северо-Западный филиал ОАО «МегаФон»), Мобиком-Хабаровск (ЗАО «Мобиком-Хабаровск») — 29,70 рублей без учета НДС

МТС СПб (Филиал ОАО «Мобильные ТелеСистемы» в Санкт-Петербурге ОАО «МТС» Макрорегион «Северо-Запад»), Теле2 (ЗАО «Ростовская Сотовая Связь»), Скай Линк СПб (ЗАО «Дельта Телеком») — 1,00\$ без учета НДС,

Кубань GSM (ЗАО «Кубань GSM») — 31,00 рублей с учетом НДС.

Подробные правила акции читайте на сайте:

www.id-neva.spb.ru

Следите за обновлениями информации!

ДЖУЛИО ЛЕОНИ
Данте. Преступление света
Роман

Ответственный за выпуск

Д. Крутиков

Редактор

С. Абовская

Перевод с итал.

Д. Сухих

Верстка

А. Ирашина

Корректор

В. Саранчева

Дизайн макета и оформление обложки

В. Манацкова

скан Larisa_F

Подписано в печать 30.01.06

Формат 60х90/16. Гарнитура «Миньон»

Печать офсетная. Бумага офсетная

Усл.-печ. л. 28,0. Уч.-изд. л. 13,5

Тираж 6000 экз. Изд. № 06-0012-ИМ

Заказ № 2363

Издательский Дом «Нева»

199155, Санкт-Петербург, ул. Одоевского, 29

Отпечатано с готовых диапозитивов в
полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
127473, Москва, Краснопролетарская, 16